

Лев Новогрудский

Спасибо за покупку!

40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Лев Новогрудский

*Спасибо
за покупку!*

ПОВЕСТЬ

МОСКВА • ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1981

P2
H74

Художник А. Борисов

Н $\frac{70803-355}{M101(03)81}$ **267 — 81**

©ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

Глава первая

Младший продавец мясной гастрономии должен знать: ассортимент мясных гастрономических товаров на рабочем месте, их характеристику. Розничные це...»

Не дочитав фразу, Юлька отбросила книжку и стала смотреть в окно. Еще в восьмом классе она обнаружила, что, когда много задавали или когда надо было выучить длиннющее стихотворение, а времени оставалось в обрез, за окном сразу возникала удивительно интересная жизнь. Но стоило расправиться с делами, стать свободной хоть на час, ничего впечатляющего во дворе не происходило.

Сегодняшний день был расписан по минутам, забот набралось выше головы, так что по всем признакам внизу за стеклом должно бы случиться что-то особенное и длиться долго-долго. «На десять серий,— подумала Юлька.— Может, уж не смотреть?»

Теплый ветер мягко ударил в два растущих под окном кудлатых тополя, все листья вдруг задрожали мелко, словно старались стряхнуть с себя прилипчивую городскую пыль, засеребрились их нежные, чуть шершавые изнанки. Прилетел озабоченный чем-то воробей, потоптался на черных перилах балкона, покрутил головой, а затем вдруг канул вниз. На металлических качелях, установленных посреди детской площадки, слабо раскачивался лет пяти мальчишка в красном костюмчике, и делать это ему было, как видно, лень.

Словом, на дворе ничего интересного не происходило, и это Юльку встревожило и даже расстроило.

Затем она стояла в ванной комнате перед зеркалом, по детской своей привычке подогнув, как цапля, одну ногу, и вытирала слезы со щек.

— Нельзя реветь по всяким пустякам, — громко сказала Юлька своему плачущему отражению в зеркале.

Однако отражение не сразу послушалось Юльку и некоторое время еще продолжало плакать.

Выйдя из ванной, она вновь забралась с ногами в кресло, потянула к себе открытую книгу:

«Младший продавец мясной гастрономии должен знать: признаки доброкачественности мясных гастрономических товаров. Сроки реализации товаров. Отходы ликвидные и неликвидные».

— «Отходы ликвидные и неликвидные», — повторила вслух Юлька и протянула с сомнением: — «Не-лик-вид-ны-е»...

Что ж это за отходы такие, которые нельзя даже ликвидировать? Слово надежно скрывало некое простое, кому-то понятное и, наверное, привычное действие, не требующее излишних пояснений.

Юлька глубоко, прерывисто вздохнула. Последнее время ее преследовали всякие неприятности, а вернее сказать, несчастья, преодолеть которые или избежать не было никакой возможности. Может, и правда встречается в жизни что-то неликвидное? Если да, то Юлькины горести являлись именно такими.

Возникли же они вскоре после того, как ей, Юльке, вручили аттестат зрелости и, судя по всему, вот-вот

должна была начаться удивительная, захватывающе интересная «взрослая» жизнь.

В который уже раз, отложив книгу, она принялась перебирать события последнего времени, забыв о данном себе обещании не заниматься бесполезным этим делом, обыкновенно кончавшимся новыми слезами.

...В тот вечер Юлька домой пришла поздно, около двенадцати. Просидели у Валерии, Юлькиной одноклассницы, теперь — как все-таки непривычно! — бывшей. Был серьезный и тихий Саша Жегин, был вездесущий Славка Колесов, верный Валерии паж. Слушали новые диски с записями поп-музыки. Когда Саша менял или переворачивал пластинку, Славка успевал ввернуть что-нибудь особенное о внешности Валерии. Хвастал, например, что небывалую ее красоту разглядел под личиной гадкого утенка еще в первом классе и будто бы уже тогда мысленно называл Валерию «первоклассной красавицей».

Впрочем, шансов у Славки было никаких. Все это понимали, кроме него самого. Валерия казалась не то чтобы взрослее, но как-то значительнее своих друзей. Может, это потому, что предстояла ей жизнь необыкновенная — жизнь актрисы. Валерия сдала документы в Щукинское училище, и не принять ее туда не могли, сомнений на этот счет не возникало.

Потом ребята поспорили о поп-музыке. Славка орал что-то про музыкальный хаос, свалку звуков, вспомнил рецепт ноздревского повара — «катать-валяй, было бы горячо». Тихий Саша спокойно и обстоятельно возражал, говорил, что никакого хаоса нет, поскольку в поп-музыке он находит по крайней мере два организующих начала — ритм и оглушительную громкость. Спор грозил перейти на личности, но Валерия подошла сзади к прыгавшему на стуле Славке, сжала ему щеки ладонями и попросила вынести мусорное ведро.

Славка вскочил сияющий. Вернувшись, сказал примитивно:

— Ладно, поп да поп... Кому — поп, а кому... — и хитро умолк.

Все засмеялись и стали прощаться. Прощаясь, договорились поехать утром в Серебряный бор купаться.

И чтоб больше до экзаменов в институт — ни-ни, никуда!

Дверь в Юлькину квартиру оказалась приоткрытой. «Глупость какая», — подумала Юлька и вошла в переднюю.

На нее тут же налетела соседка с их площадки, толстая, вечно пахнущая пирогами Полина Савельевна, запричитала басовитым шепотом:

— Юлинька, девочка, ты только не волнуйся, не волнуйся, нет-нет... Все будет хорошо!

— Что вы, я не волнуюсь, — незнакомым, каким-то не своим голосом сказала Юлька и почувствовала, как напряглось тело, словно ей предстояло сейчас прыгнуть в ледяную воду и каждая клеточка, каждый нерв противились этому отчаянному ее намерению.

— Юлия! — слабо позвал отец из комнаты.

Она скорее ощутила, чем услышала его зов.

Отец лежал на диване, неестественно вытянувшись, с землисто-серым лицом, глаза виновато помаргивали. Но главное, в них засел страх, в его глазах. Она сразу это заметила, потому что до сих пор этого не видела никогда.

За столом что-то писал врач — молодой, угрюмого вида, усатый. По телефону не спеша переговаривалась девушка, одновременно пристально разглядывая и потирая пальцем какое-то пятнышко на халате. На волосах ее непонятным образом удерживался лихо посаженный синий берет с красно-золотой эмблемой «Скорой помощи». Она чему-то негромко рассмеялась, рукой нажала на рычажки аппарата, а затем уже положила трубку.

«Они не то делают, совсем не то!» — в отчаянии думала Юлька, проклиная свою беспомощность. Надо было кричать, звонить, звать на помощь, чтобы появился здесь кто-то другой — настоящий, не этот равнодушный писака, не смешливая модница под синим беретом, но заботливый, внимательный, большой и добрый человек, который в одно мгновение развеял бы незнакомый пронзительный страх, застывший в глазах отца. Она, кажется, понимала, что призывает сюда Айболита — милого толстого волшебника, умеющего все поправить и излечить и даже не сделать при этом больно. Детская вера

в чудо овладела Юлькой. Ведь и у страшной сказки всегда счастливый конец, надо лишь потерпеть. Чуть-чуть потерпеть и дожждаться.

И только потом, когда Юлька, проводив отца, вышла из приемного покоя больницы, на нее гремющей лавиной хлынуло горе, не давая дышать, шевельнуться.

Больше недели отец пролежал в реанимации — все висело на волоске. Дни и ночи для Юльки спутались...

Сейчас отец на третьем этаже, в светлой трехместной палате. Зыбкое равновесие, игра в «тянем-потянем» между жизнью и смертью окончилась, хоть, возможно, и не навсегда.

— Инфаркт-то обширный какой! — вздыхала и горько поджимала губы Полина Савельевна, соседка. — Это еще чудо, что все обошлось.

Да, разумеется, чудо. Правда, оказалось, что в жизни оно выглядит совсем по-иному, чем в сказке. Совсем, совсем по-иному выглядит в жизни чудо!..

В тот день, когда отцу стало легче, Юлька приняла важнейшее за все свои сознательные годы решение: отказать от поступления в институт, идти работать.

Она слышала и читала, что подобного рода выбор обычно связан у людей с колебаниями и сомнениями, и очень удивилась себе, поскольку ничего похожего не испытывала. Юлька понимала: отец не поправится долго, а когда поправится, ему дадут инвалидность и работать он больше не сможет. Во всяком случае, работать, как раньше. Но если бы даже захотел и смог, не смогла бы Юлька. Не смогла бы больше мириться с его вечными командировками, вечными к нему звонками из дальних мест, где рабочий день в разгаре, когда в Москве спят; с его ответственностью за все и вся, с круглосуточными заботами о планах — выполненных и невыполненных, с увязками чего-то с чем-то, а также какими-то неувязками, с тысячей других вещей и понятий, о которых она наслышана с детства.

Юлька у папы одна. И он один у Юльки. Маму она не помнит. Мама умерла давно, когда Юлька была совсем маленькой. Неожиданно умерла — от гриппа. С тех пор дома болезнь эта считалась самой коварной и страш-

ной. Во втором классе Юлька тяжело захворала — высокая температура, бред.

Надо было видеть папину неимоверную радость, когда врач определил корь!

Кстати, выбор Юлькой института — медицинский, и никакой другой! — как раз и определялся тем, что на свете продолжал существовать гриппозный вирус — грозный, неистребимый.

Приняв решение не сдавать в институт, а поступать на работу, Юлька никак не ожидала, что работать ей идти в сущности некуда.

На досках объявлений, развешанных на каждом шагу, в приложении к газете «Вечерняя Москва», на стендах у заводских проходных — повсюду бросались в глаза слова «требуется» и «приглашаются», за которыми следовали длинные перечни самых различных профессий и специальностей.

В ком только не нуждался город!

Требовались и приглашались строители и механики, шоферы и машинистки, бухгалтеры и плотники, научные работники и швей-мотористки. «Водитель трамвая — интересная профессия!» — взывала афиша. «Водитель троллейбуса — интересная профессия!» — как бы спорила с ней другая. И невозможно было решить, какая же из них все-таки интересней.

В общем, требовался кто угодно и сколько угодно. Не требовалась никому лишь одна-единственная девушка, вот эта: рост метр шестьдесят пять, вес пятьдесят четыре, цвет глаз в плохую погоду серый, в хорошую — голубой, волосы русые, пора бы их чуточку постричь, лоб в меру высокий, нос ничего себе — нос как нос, не хуже, чем у других, улыбка... ну, нельзя сказать, чтобы обворожительная, но вполне подходящая, веселая улыбка. Девушка имеет аттестат зрелости со средним баллом четыре и пять, так что не совсем уж круглая дура, ноги, по мнению того же Славки, на зависть манекенщицам, нрав общительный, характер сносный, то есть характера, какжется, еще нет, но скоро какой-нибудь да появится.

Окончив пристрастное саморазбирательство, Юлька напоследок строила себе рожу и отходила от зеркала.

Было, разумеется, немало объявлений, призыва-

ющих молодежь учиться. Техникумы, институты, самые различные училища и школы извещали о наборах студентов, курсантов, учащихся. Однако Юльке подобные объявления не были интересны. Юлька не собиралась учиться, а уж потом работать. Она хотела начать работать, а уж потом учиться, точнее, учиться одновременно с работой. Она стремилась стать самостоятельной как можно быстрее, чтобы к тому дню, когда выйдет из больницы отец, факт свершился.

Именно реальное действие с ее стороны, в некотором даже смысле жертва, потребует от отца уж никак не разговоров, но ответного, встречного действия, тоже, если хотите, жертвы. Решительный Юлькин отказ от давным-давно взлелеянной мечты стать врачом не мог для него ничего не значить.

Noblesse oblige, положение обязывает, — любила говорить их француженка, со вздохом сожаления вкатывая кому-нибудь двойку.

И вот хорошо продуманный Юлькой план рушится. Окончив самую обычную школу, которая не спец и без модных уклонов, Юлька не имела и намека на какую-нибудь профессию, а потому поступить на работу не представлялось никакой возможности. Было так, будто кто-то невидимый повесил перед самым Юлькиным носом еще одно — последнее и очень короткое объявление:

НЕТ ВЫХОДА.

В момент особого отчаяния Юльке стало казаться, что такая надпись появлялась перед ней не раз, вполне реально, наяву. От всего этого можно было сойти с ума. В конце концов Юлька вспомнила, что подобные надписи во множестве развешаны по станциям метро и не содержат ни философского, ни просто огорчительного смысла. Тем более где-то рядом непременно существует, должен существовать полный оптимизма

ВЫХОД.

И выход действительно нашелся.

В свое намерение пойти работать, а не поступать в

институт Юлька посвятила Валерию и Славку Колесова. Те каждый день звонили, постоянно начинали разговор с двух дежурных вопросов — о здоровье папы и о том, увенчались ли успехом ее поиски. Рассказав подробно об очередном посещении больницы, Юлька давала затем полный отчет о своих пока бесполезных мытарствах. Делала это, разумеется, без какого-либо расчета на помощь. Однако помощь пришла от Славки, вернее, полезный совет.

— Юлик, старуха, — начал однажды Славка бодровесело — иначе он не умел. — Кончай ты свои походы. Теряешь в темпе.

— Ваше предложение, товарищ? — обозлилась Юлька. — Алло, что-то не слышу!

— В райком топай. Там помогут.

Юлька знала: по путевкам комсомола молодежь отправлялась на БАМ, на всякие знаменитые стройки, ехала поднимать, осваивать, возводить в самые далекие уголки страны. И никогда не слышала Юлька, чтобы кто-нибудь получил путевку в... Москву! Славкин совет показался не слишком серьезным, как, впрочем, представлялось легковесным все, что говорил и делал Славка до сих пор.

Однако, поразмыслив, Юлька решила в райком сходить — хуже не будет.

Войдя в здание райкома и миновав прохладный сумрачный вестибюль, она оказалась в недлинном коридорчике, в который выходило три-четыре двери. На стульях сидело несколько девчонок Юлькиного возраста или чуть старше. Все они лихорадочно зубрили Устав, то и дело перетягивая друг у друга и быстро листая книжку. «На бюро, — догадалась Юлька, — в комсомол вступают».

Юлька открыла дверь с надписью «Приемная».

— Можно?

За столом с двумя телефонами и новеньким красивым селектором сидела небольшого роста девчущка с острым, подвижным личиком, которое она тут же и повернула к Юльке. Рот ее был набит печеньем.

Прожевав печенье и проглотив его, секретарша сообщила Юльке, будто старой знакомой:

— Пообедать не успела, а тут бюро через десять минут. К нашему первому? — спросила она, кивнув на тугую обтянутую коленкором дверь с надписью «Первый секретарь РК ВЛКСМ». — Нету. Придет к бюро.

— Я не знаю, — замылась Юлька.

— А не знаешь, значит, можно ко второму. Ты по какому делу?

Задав вопрос, она не стала дожидаться ответа, а потянулась к селектору, нажала клавиш, быстро заговорила:

— Роман Иванович! К вам девушка. Вопрос небольшой, до бюро успеете. Как?

В динамике раздался тяжелый вздох: «Ох, Лида!» Судя по нему, вздыхавший собирался последние до бюро минуты использовать как-то по-другому. Однако через секунду последовало решительное: «Давай!»

Роман Иванович сидел за светлым широким столом, и было ему, на Юлькин взгляд, лет двадцать пять. «Старый», — подумала Юлька. На лацканах сизовато-синего костюма два значка — университетский и ВЛКСМ. Лицо скуластое, грубоватое, с резкой складкой у переносья, глаза озабоченные. Нетерпеливо взглянул на часы.

— Выкладывай. Ты откуда?

— Здравствуйте, — сказала Юлька.

— Привет! — Роман Иванович, кажется, удивился излишней задержке. — Так что у тебя? Садись, излагай. Ну! Только короче.

— В институт решила не поступать, — выпалила Юлька, ощущая в голове полный сумбур.

— Ну, что ж, — после некоторой паузы, как будто даже одобрительно, сказал Роман Иванович. — Все ясно.

— Что ясно? — Юлькин вопрос прозвучал вызывающе, хоть она этого и не хотела.

— Да все ясно. — Роман Иванович вроде бы не обиделся, только усмехнулся. — Комсомолка, окончила десять классов, решила идти работать. Обстановка дома сложилась такая, что с институтом приходится поременить. Куда работать устроиться, не знаешь, пришла, чтобы помочь. Верно?

«Откуда ему про меня все известно?» — с недоумением и беспокойством думала Юлька. Потом-то она, ко-

нечно, сообразила, что никакой загадки для секретаря райкома составить не могла. Пришла в школьном платье с комсомольским значком, значит, окончила десять классов, значит, комсомолка. Сама же сказала, что в институт поступать не собирается. Почему — угадать нетрудно: семейные обстоятельства, что ж еще? В райком пожаловала, скорее всего, за помощью, а если так, то остальное тоже легко додумать: не знает, куда пойти работать, какую специальность выбрать, иначе прямо туда бы и направилась, где получают эту специальность.

Да, во всем Юлька разобралась значительно позже, а сейчас стояла истукан истуканом, хлопала глазами.

— Над кем комсомол шефствует, а? — Роман Иванович вопросительно вскинул брови.

— Перечислить?

— Не надо. Про сферу обслуживания, думаю, помнишь. Ну-ка, что туда входит?

— Сапожные мастерские, — несмело начала Юлька, — парикмахерские, ателье разные... Только я шить не умею.

— Шить мало кто умеет, — недовольно сказал Роман Иванович. — И хорошо торговать тоже. — Он бросил на Юльку взгляд, пристальный и быстрый. — В торговлю пойдешь работать?

— Куда?! — ужаснулась Юлька. Она могла предположить все что угодно — завод, стройку, метро, учреждение, какую-нибудь школу, где, как она думала, вполне справилась бы с обязанностями старшей пионервожатой. Но торговля! Кошмар!

— Лакейская специальность пугает? — зло сказал секретарь.

— Зачем вы так? — спросила Юлька. Получилось очень жалобно.

— Затем! Все мы с детства знаем: «Человек — это звучит гордо!» Хорошо?.. Конечно, хорошо. Прекрасно!.. Только кое-кто это начал так понимать: раз гордо, то вроде и не ты уже должен кого-то обслуживать, а тебя должны. Не-ет! — Он поднял вверх палец. — Запомни: лакей — не профессия вовсе, лакей — это характер! — Подумав, он добавил спокойней, не так резко: — Скорее, мировоззрение. Стойкое, между прочим!

Быть может, так оно и есть. Но какое дело до всего этого ей, Юльке? Она-то тут при чем? Представив себя за прилавком — «Вам нарезать? Или кусочком?» — Юлька засмеялась. Стоило десять лет грызть науки, читать умные книжки, замирать от ожидания праздника большой жизни, наконец, просто мечтать, чтобы, не начавшись, все кончилось вот этим: «Вам нарезать? Или кусочком?» Жуткая, глупейшая нелепость!

— Смеешься, — спокойно, как о чем-то в данных обстоятельствах разумеющемся, сказал Роман Иванович.

Он вынул из ящика стола пачку сколотых скрепкой листов бумаги и помахал ими перед собой, зажав в пальцах.

— У социологов понятие существует — «коэффициент престижности». К профессиям относится. Слышала?

— Нет, — сказала Юлька, — не слышала. Но, в общем, понятно.

— И у каких же профессий, по-твоему, самый высокий этот коэффициент? Я молодежь имею в виду, школьников.

Юлька пожала плечами:

— Смотря какого класса.

— Во втором у меня племянник учится, в пожарники решил податься. А вот у вас, в десятом?

Разговоров о будущих профессиях в последний год велось много. Двое хотели быть физиками, Саша Жегин — геологом, Валерия — актрисой, она, Юлька, врачом, Славка Колесов всем сообщал, что принял твердое решение почетно завалиться, сдавая на филфак университета.

Юлька перечислила эти специальности и, к своему удивлению, почти угадала. Социологическое исследование — его-то и достал из стола Роман Иванович, а сейчас прочел нужное место — установило, что самыми привлекательными для молодежи являются занятия физика, летчика, математика, радиотехника, геолога, врача. «Коэффициент престижности» у этих профессий был наиболее высок. Зато предельно низкий коэффициент — и об этом тоже прочел Роман Иванович — выпал на долю продавцов, а также других работников сферы обслуживания, делопроизводителей и счетоводов.

Результат социологического исследования, кажется, недвусмысленно подтверждал справедливость Юлькиного отношения к торговой специальности.

Роман Иванович как будто отгадал ее мысли. Он сказал:

— Общеизвестность критерием истины не является. Это ты тоже запомни. В бога, к примеру, до сих пор порядочно народу верит. А его нет. Нет бога? — спросил секретарь.

— Нет, — сказала Юлька.

— Молодец, — похвалил ее секретарь. — Умница.

Он снова обратился к страницам социологического вопроса.

— Деталь одна занятная: оказывается, чем непопулярнее профессия, тем меньше о ней молодежь знает. Что-то вроде замкнутого круга выходит, верно?

— Верно, — сказала Юлька исключительно из соображений вежливости. Разговор ее тяготил.

— Вот и давай этот круг размыкать. Пора! Поработаешь в магазине, все узнаешь, расскажешь другим.

— Почему именно я?

— А почему не ты? — ответил вопросом на вопрос секретарь.

Что ему на это сказать, Юлька сообразить не могла. Ну, действительно, почему не она? Пришла в райком просить, чтобы направили на работу, куда — не ясно самой. А когда стали предлагать, решила отказаться. Чего же она, собственно, хочет? Не нравится торговая специальность? Но ведь Юлька о ней и ведать не ведает. Не зря, значит, читал ей секретарь эти социологические исследования. Из-за них любой Юлкин довод заранее можно было признать несерьезным.

— Не знаю, — промямлила Юлька, проклиная свою нерешительность. Возникнет у нее, наконец, характер или нет?!

— Ну, что ж, — сказал секретарь райкома. — «Не знаю!» — это уже кое-что.

Он полистал маленькую телефонную книжку в синем ледериновом переплете и набрал номер.

— Иван Филиппович?.. Сизых, из райкома комсомола. Да... В счет нашей, так сказать, задолженности де-

вущку посылаю. Фамилия? — Роман Иванович вопросительно взглянул на Юльку.

«Не надо! — хотелось ей крикнуть. — Я лучше пойду, я больше не буду!» И даже: «Пожалейте!» Но сказала она совсем другое.

— Рогова, — сказала Юлька. — Юля.

— Юля Рогова, — продолжил секретарь, — комсомолка, только что окончила десять классов... — И начал твердить, кивая головой. — Да... Да... Конечно... Да... Э, нет, вам об этом самим заботиться надо: условия создавать, наставников подбирать стоящих. Еще хоть одна уйдет — поссоримся!.. Эта? — Роман Иванович отодвинул трубку от уха и пытливо взглянул на Юльку. Глаза посветлели, разгладилась морщинка на лбу. — Эта не уйдет, — произнес он уверенно. — Ладно, добро! — И повесил трубку.

«Еще как уйдет! — подумала Юлька со злостью. — При первой возможности. А то — нашли бедное бесхребетное!»

— Держи, Юля Рогова. В важнейшую отрасль хозяйства работать идешь. — Он повторил: — В важнейшую! — И протянул Юльке листок бумаги, на котором успел записать адрес и телефон.

С секретарем она, кажется, не попрощалась. Вылетела из кабинета пулей — со свистом.

Дальше был райпищеторг, был Иван Филиппович, начальник отдела кадров — седой, с лицом, изрезанным многочисленными морщинами.

Беседа продолжалась минут пять, и, как показалось Юльке, повышенного интереса к ее особе начальник кадров не проявил, за что она была ему благодарна. Дал он Юлии Константиновне Роговой направление в продовольственный магазин номер шестнадцать, к директору Дорофееву, и сказал, что там, на месте, ее оформят ученицей продавца с окладом сорок пять рублей в месяц. Это, как говорится, не густо, но учеба будет продолжаться недолго, всего три месяца, если, конечно, Юлька проявит себя человеком толковым и прилежным.

Затем Иван Филиппович вручил Юльке книгу — квалификационный справочник для продавцов, — дабы (он так и сказал — дабы) на досуге она внимательно

прочла и запомнила, в чем заключаются обязанности младшего продавца мясной гастрономии, поскольку именно в этот отдел должны будут поставить Юльку. По прочтении книгу надлежало вернуть Ивану Филипповичу в собственные руки.

— И вот еще что, — сказал Иван Филиппович, когда Юлька встала, чтобы уйти. — С первого дня начинай воспитывать в себе гордость за свою профессию. Поняла?

Юлька ответила, что поняла, хотя, честно говоря, ей было не совсем ясно, в чем должна выражаться профессиональная гордость продавца. Задирать нос перед покупателями? Вряд ли. Но как раз это-то она бы смогла, будьте уверены! Недаром в прошлой жизни — теперь Юлька так называла все прожитые ею годы и месяцы вплоть до болезни папы — кое-кто считал ее гордой и неприступной. Скорее всего, потому, что Юлька умела отбрызнуть любого, кто распускал язык, а тем более руки. Тут-то характера хватало. С избытком.

Итак, завтра в магазин...

Вновь перебрав в памяти все случившееся, Юлька, однако, не заплакала, как вчера и как несколько раз сегодня. Но все равно чувство пустоты и одиночества ее не оставило. Напротив, без слез оно ощущалось еще острее.

На часах три. Надо купить фрукты для папы, потом поехать в больницу, оттуда в прачечную за бельем и еще сделать много другого — вон на столе список, там все записано.

Она медленно вылезла из кресла. Книга, лежавшая на коленях, соскользнула на пол и захлопнулась. Подняв ее, Юлька решила погадать — задумать номер страницы и какую-нибудь строку сверху или снизу, а потом прочесть. Так они иногда делали на уроках литературы, гадали по хрестоматии. Гадали для смеха, но все равно бывало жутковато.

— Сто восьмая страница, пятнадцатая строка снизу, — громко сказала Юлька и открыла книгу.

Пятнадцатая строчка гласила: «Обслуживает покупателей».

Что ж, все правильно...

Глава вторая

В магазин Юлька вошла не сразу. Походила рядом, потопталась возле витрин.

За одним из широких окон во множестве красовались пустые винные бутылки, призванные, по-видимому, изображать изобилие данного рода продукции; в другом висел большой рисунок свиного окорока; в третьем были расставлены помятые и изрядно запыленные коробки с макаронами, лапшой, желудевым кофе. Четвертую витрину Юлька смотреть не стала, а вернулась к окороку.

Окорок поразил ее картонной своей неаппетитностью. Он был почему-то коричневато-грязного цвета.

Она оглянулась вправо-влево, хотела выяснить, удивляются ли и другие, наткнувшись взглядом на живописный шедевр, выставленный в витрине.

Люди спешили мимо, лица их были сосредоточенны и замкнуты, они быстро входили или выходили из магазина, ни на чем постороннем не задерживая своего внимания.

Торговый зал магазина, обрамленный с трех сторон массивными холодильными прилавками, показался Юльке темноватым и неуютным. Впечатление это усилилось, когда возле окна она увидела гору зеленых полиэтиленовых ящиков, заполненных порожней посудой.

Юлька огляделась.

Справа шла торговля молочными продуктами. На прилавке были выставлены пакеты молока и сливок, а также пол-литровая банка с засыпанной в нее на три четверти солью. Рядом стояла табличка: «Сметана 1 сорт. 1 руб. 50 коп.». Несоответствие надписи содержанию банки не смущало ни покупателей, ни продавцов.

В центре зала, напротив входной двери, располагался гастрономический отдел. Очередь здесь стояла плотно, и Юлька ничего не сумела рассмотреть.

В левой части зала продавали мясо. Высокий дядя в светло-голубом женском берете крутил перед самым носом пожилой покупательницы кусок свинины, словно предлагал не только со всех сторон осмотреть возмож-

ную покупку, но и обнюхать. За ухом продавца торчал остро заточенный карандаш.

Юлька направилась было к нему, чтобы спросить, как ей пройти к директору магазина, когда у молочного прилавка послышался резкий и неприятный крик, что-то стеклянное коротко звякнуло и разбилось о кафельный пол. Все немедленно стали смотреть в ту сторону.

Продавец мяса тоже устремил свой взгляд в сторону молочного отдела. Роста продавец был длинного и видел, наверное, больше других, потому что тут же и высказался с каким-то затаенным ехидством:

— Клашка бунтует. От смехота! — Крутнув головой, он затем свирепо уставился на покупательницу: — Ты, мать, усадьбу, что ли, торгуешь с садом и прудом? До вечера будешь выбирать?

Покупательница испуганно засуетилась, но взяла ли она кусок свинины, Юлька так и не узнала, поскольку прошла к молочному отделу. Там, очевидно, разыгрывалась какая-то драма. Надрывно и хрипло кричала продавщица — средних лет женщина с сухим, костистым лицом и горящими злобным страхом глазами. Она неистово отталкивала от весов руки коренастого, одетого в новенький свитер паренька, который пытался положить на них небольшой сверток. По всему прилавку была разлита сметана, а на полу валялись острые осколки разбитой банки, и пареньку приходилось неестественно изгибаться и балансировать, чтобы не испачкать свой свитер или не наступить на стекло.

— Руки убери! Руки! Ишь нашелся! — захлебывалась в крике продавщица. — Много вас тут таких ходют!

— Дайте мне положить масло на весы!

Паренек старался сохранить достоинство, и это, вероятно, было нелегко, поскольку опасность перемазаться в сметане заставляла его принимать самые нелепые и комические позы. Но он не сдавался:

— Вы не имеете права. Не мешайте! Вы за это ответите!

— Грозиться вздумал! Право ему! Испуга-а-ались!.. Ты жене своей грози. Пьяный, да? Точно, пьяный! — И она снова отбрасывала от чашки весов протянутый сверток.

— Что происходит? — спросил высокий мужчина в белоснежном, туго накрахмаленном халате.

Подошел он сзади и теперь стоял рядом с Юлькой — темные, с сильной проседью волосы, четкая линия твердо сдвинутых губ, длинный розовый рубец на щеке, взгляд неприветливо-отчужденный, какой бывает у человека, которого оторвали от дел по поводу мелкому и досадному.

— Что здесь происходит? — повторил вновь пришедший с некоторым раздражением.

— А вот и Виктор Егорыч, — сладко пропела продавщица и в новом приступе остервенения стала тыкать пальцем в сторону паренька: — Пьяный он, пьяный!

Паренек хотел было передать масло Виктору Егоровичу, но не успел. Совершенно неожиданно и очень быстро продавщица выдернула из его руки сверток, рванув при этом так, что паренек пошатнулся.

— Смотрите, на ногах не стоит! — закричала продавщица, указывая на парня.

Под собственный крик — Юлька на это обратила внимание случайно — продавщица сноровисто и ловко развернула масло и отбросила бумажку в сторону. «Зачем?» — недоуменно подумала Юлька. Хлоп — и кусочек оказался в эмалированном белом лотке среди других подобных ему кусочков, рядом с большим светло-желтым кубом, от которого и был, наверное, отрезан.

Паренек непроизвольно потянулся за маслом, когда бросала его в лоток продавщица, словно думал поймать его на лету, и тут же наступил на осколки банки, валявшиеся на полу. Осколки хрустнули, брызги сметаны из-под ноги парня рванулись в стороны. Молчавшие до того наблюдатели разом пришли в невероятное возбуждение и заговорили все одновременно, так что понять, к кому или к чему относятся их возмущенные реплики, не представлялось возможным. Продавщица продолжала шуметь, отругивался парень, невдалеке жалобно жужжал кассовый аппарат, грохотали входные двери.

Страшнейшая эта какофония рассмешила Юльку. Происходившее смахивало на заранее отрепетированное комедийное представление.

Виктор Егорович приказал продавщице:

— Пройдите, Клава, ко мне! — Затем он представился пареньку: — Дорофеев, директор магазина. Прошу вас в кабинет.

Сказав появившейся в белом халате женщине, чтобы встала на место Клавы, он обратился к покупателям:

— Спокойно, товарищи! Ничего не случилось.

«Ничего себе — ничего не случилось!» — подумала Юлька.

Директор двинулся через торговый зал и, приподняв доску, прошел за прилавок, а потом внутрь магазина. За ним потянулся паренек, за пареньком пошла Юлька. Ей ведь требовалось обратиться к Дорофееву — так было написано в направлении.

Стараясь не отрываться от паренька и миновав очень темный извилистый коридорчик, она, наконец, оказалась в директорском кабинете, ничем не примечательной крохотной комнатке с окном, забранном решеткой.

Кроме директора, прошедшего сразу за потрепанный, дешевый письменный стол, в кабинете оказались плачущая Клава, все тот же парень, она, Юлька, и неведомо откуда возникший седой, осанистый старик. К нему первому и обратился директор:

— Вы, товарищ, ко мне?

— Подожду. — Старик милостиво помахал рукой. — Мне не к спеху. Разбирайтесь со своими делами.

Сказав это тоном величайшего одолжения, старик плотно уселся на стул, упер в пол свою палку, приготовившись, как видно, оставаться здесь долго.

— Да нет, — возразил директор, — говорите, с чем пришли. Старость все-таки...

— Не радость! — с непонятым Юльке удовольствием подхватил старик. — Да-а, мало радостей в старости, а вы и последние норовите отнять. Вот ведь как!

— Что отнять? — Виктор Егорович недоуменно вскинул брови.

— Покой. Заслуженный, так сказать, отдых.

— Пользуйтесь на здоровье. Мы-то тут при чем?

— А при том самом! Ты попробуй воспользуйся. — Старик неожиданно перешел на «ты». — Попробуй,

когда тебе каждый миг в самое ухо жу-жу-жу, гу-гу-гу, дык-дык-дык!

Произнося свои «жу-жу-жу», старик громко, им в такт колотил об пол тяжелой палкой. С каждым стуком он входил все в больший гнев, распалялся.

— Толком можете объяснить? — поморщился директор. Его, наверное, раздражал этот стук.

— То-о-олком? — картинно изумился старик и хряпнул палкой изо всех сил. — Это ты, ты объясни, когда свое безобразие закончишь?!

— Зря, папаша, расстраиваетесь, — подал вдруг голос паренек. — Жизнь прекрасна!

— А ты, молодой человек, не встревай! — Старик обжег взглядом своего нечаянного оппонента. — Вот если бы тебя так — каждый день по голове кувалдой, а потом сверлом, а потом рашпилем, а?

— Плохо, конечно, — согласился парень.

— То-то! А я пенсионер местного значения, — гордо сказал старик. — Чувствуете?

Тут старик со множеством деталей и подробностей стал перечислять свои заслуги перед государством, властно покрикивая на директора, если тот пытался его прервать, чтобы выяснить суть дела.

Старик уже рассказал, как он воевал в гражданскую войну, как сражался на фронтах Великой Отечественной, как восстанавливал, а потом развивал народное хозяйство, и Юлька было решила, что все, скоро конец, когда он неожиданно перешел к Декабрьскому вооруженному восстанию 1905 года.

— Хоть мне в ту пору трех лет не сравнялось, — неторопливо поведал старик, — однако...

— Ну и память у вас, папаша! — удивился паренек.

— Не отшибли пока. — Пенсионер кивнул на директора. — Не успели. Но стараются. — И продолжил рассказ.

Звонил телефон, в дверь поминутно всовывались разные головы и спрашивали: «Можно?» — но, наткнувшись на взгляд директора, быстро исчезали.

Было ясно: старик парализовал работу директора, остановить его можно было только грубостью или резкостью, но Виктор Егорович, видимо, не хотел прибегать

к подобного рода сильным средствам, и это Юльке понравилось.

Старик, наконец, устал от собственных рассказов, умолк на минуту, тяжело вздохнул и потребовал от директора, чтобы в магазине перестали пользоваться грузовым лифтом. Жил пенсионер в квартире, расположенной над магазином, когда же включали лифт, с помощью которого подавали товары из подвала в отделы, мотор шумел и был слышен в квартире старика.

— Но помилуйте! — воскликнул директор. — Лифт установлен с соблюдением всех технических требований. Принят надзором.

— Слепым надзором, — сказал старик. — И глухим.

— Мы ж его неделя как пустили. Вздохнули все! Ведь на горбу приходилось ящики и мешки из подвала таскать. А у нас большинство женщины, не хватает подсобных рабочих.

— Не мое дело, — сказал старик.

— Не выключу! — отрезал директор. — Ни за что!

— Выключишь, — пообещал старик. — Как миленький!

Опираясь на свою палку, он поднялся, чтобы идти. Юльке показалось, что пенсионер остался доволен результатами разговора. И было странно: разве может человек испытать удовольствие, когда ему отказали в просьбе?

До конца продумать необычное поведение старика Юлька не успела. Как только тот вышел, директор обратился к ней:

— Что у вас, девушка?

Юлька подала направление, которое получила в отделе кадров торгового морщинистого Ивана Филипповича.

Виктор Егорович прочел бумажку и немного повертел ее в руках, как бы любуясь.

— Отличччно! — протянул он, упирая на букву «ч». — Комсомолка?

Юлька кивнула, добавив:

— По направлению райкома.

— Прекрасно! — продолжал радоваться директор. — Очень хорошо! То, что нужно!

Он достал из сейфа небольшую картонную карточку, расчерченную на графы, и предложил Юльке сесть за краешек его стола, чтобы эту карточку заполнить. Требовалось написать о себе самые общие сведения. Юлька принялась за работу.

— Ну как? — обратился директор к Клаве и молодому человеку. — Поостыли?

Юлька решила, что директор хитрый дядька. Старика он выслушал первым, очевидно, не только из уважения к сединам. Надо было этим двум дать время, чтобы успокоились, пришли в себя после скандала.

— Поостыли, — засмеялся парень.

— Протрезвел, значит. — Клава зло покосилась на своего врага.

Директор на нее прикрикнул и спросил паренька, что же все-таки случилось?

Оказалось, парень пришел в магазин купить масло и сметану — велела жена. Получив от продавщицы свои покупки, он захотел пошутить и, накрыв одной рукой банку со сметаной, а другой кусок масла, отчетливо и строго сказал:

— Контрольная закупка!

Вмиг банка была перевернута и треснулась об пол, сметана разлилась по прилавку. Остальное директор видел своими глазами.

— Значит, пошутить хотели, — задумчиво сказал директор.

— Вроде. — Паренек беспечно пожал плечами. — Настроение было хорошее.

— Ты что скажешь? — Виктор Егорович обратился к Клаве.

— Врет он все! — Клава отняла от носа скомканный в кулаке мокрый платок, быстро заговорила: — Не опрокидывала я банки, сам ее сшиб, сам! Все врет! Выпимши он был — любой и каждый вам подтвердить может. Хорошо, к весам не допустила, не то и их бы двинул.

— Ерунда это, — сказал парень. — На междугородных я работаю. Шофер. Час, как из рейса. Там, пожалуй, выпьешь.

— Ох-хо-хо, ангел с крылышками — хоть стой, хоть падай! Знаем вас, шоферню!

— Клава, прекрати! — резко сказал директор и затем, обращаясь к парню, продолжил другим тоном: — Клавдию Ивановну Глушкову мы строго накажем. Выговор ей объявим за грубое и нетактичное обращение с покупателем. Оставьте адрес, копию приказа вам вышлем.

— Да ладно, я крови не жажду. Вы мне сметаны в какую-нибудь банку налейте. А то от жены влетит.

— Вы уж на нас зла-то не держите, — попросил директор. — И адресок все ж таки надо бы записать.

Он протянул парню шариковый карандаш, тот что-то написал на бумажке.

— Иди, Клава, отпусти товарищу масло и сметану.

Клава вышла, недовольно бурча под нос, который от многочисленных соприкосновений с платком принял пунцовый оттенок.

— Счастливой вам торговли! — Парень снова улыбался. — Жизнь прекрасна!

Сразу за парнем ушел и директор, сказав Юльке, что через минуту будет.

Рассеянным взглядом она скользнула по стенам кабинета. На них были вывешены социалистические обязательства магазина, какие-то непонятные графики, красовалась косо припиленная стенная газета с тремя небольшими заметками. Газета называлась «За советскую торговлю», и выпустили ее еще к 1 Мая. Но Юлька не стала читать газету и обязательства, что непременно бы сделала в другое время, хотя бы из природного любопытства, — она напряженно думала.

Директор не появлялся уже минут пятнадцать. Где-то совсем близко, наверное за стеной, включили подъемник. Он стал урчать, подвывать и чем-то довольно громко лязгать, однако и это не помешало Юльке предаваться размышлениям, пытаться осмыслить столкновение, происшедшее между пареньком и продавщицей там, в торговом зале.

Сопоставляя факты, Юлька неоспоримо для себя признала, что Клава обвесила покупателя, то есть присвоила себе чужое, совершила — пусть в небольших

размерах — то, что принято называть несмыслом позорными словами — воровство, кража.

Куда Юлька попала?! По спине у нее проползли мурашки.

И как быть с Клавой? Разве сможет Юлька спокойно работать рядом, зная о Клаве это?

«Но может, и задумываться не стоит? — продолжала Юлька свои невеселые рассуждения. — Ведь уйду я отсюда, все равно уйду при первом удобном случае!»

Вернулся директор и, молча сев за стол, стал подписывать бумаги, на каждой из которых было напечатано жирным шрифтом «СЧЕТ-ФАКТУРА» и типографским способом оттиснут многозначный номер.

Окончив это занятие, он посмотрел на Юльку.

— Чего загрустила? — Предупреждая Юлькины возможные возражения, поспешил добавить: — Не отказывайся, вижу!

Надо было говорить о Клаве, нельзя не сказать. И Юлька начала говорить, стараясь не глядеть на директора, потому что стыдилась за продавщицу, стыдилась ее поступка, и стыд этот был по-особому неприятен и жгуч.

— Скажите, Виктор Егорович, Клава обманула того парня, шофера? Обвесила его, да?

Директор поднялся из-за своего стола, прошелся по комнате туда-сюда, снова уселся.

— Переживаешь?

Юлька промолчала.

— Переживаешь, точно. Больше, правда, за себя.

Юлька и тут ничего не ответила. Неловкость, которую она испытывала за продавщицу, почти неуловимо связывалась с беспокойством за собственное душевное равновесие, поскольку Юлька и представить себе не могла, как же это бок о бок работать с человеком заведомо нечестным.

— Это хорошо, что за себя переживаешь, — уверенно сказал директор. — Нам, понимаешь, крепкая моральная атмосфера нужна. Как бы это поясней? В общем, здоровый нравственный климат.

— А он здесь нездоровый? — Вопрос не отличался тактичностью, и Юлька мысленно себя ругнула.

— Здоровый — нездоровый, кто его знает! — откровенно признался директор. — Я в магазине месяц всего. По профессии инженер-строитель, в торге им и работал. Правда, экономические курсы еще закончил, без отрыва. Вот руководство меня сюда и сосватало. Не хотел, да пришлось на старости лет менять специальность.

— И отказаться было нельзя? — заинтересовалась Юлька.

— Почему нельзя отказаться? — удивился директор. — Отказаться всегда можно. То есть было, конечно, можно. Сейчас-то уж нет.

Он посмотрел на Юльку, словно оценивая, стоит ли ему, человеку, разменявшему, как говорится, пятьдесят, пускаться в откровенности с зеленой девчонкой.

Сказал, не вдаваясь в подробности:

— Видишь ли, в магазине в этом три директора за малый срок сменились. Так получилось. Теперь вот меня назначили. Дело, понимаешь, страдает. Разве откажешься?

«А где гарантия, что четвертый будет подходящим, если три не подошли?» — подумала Юлька. Она продолжала подогревать свою настороженность.

— Насчет Клавы ты подожди выводы делать, — посоветовал директор. — Вы ведь, молодежь, как — раз-раз, и готово: либо черное, либо белое. Никаких промежуточных.

— Клава специально масло в лоток бросила, чтобы его не взвесили. Я же видела.

— И я видел, — сказал директор. — Что с того? А она, Клава, другое видит. Контрольные чуть не каждый день берут. Кто только ими не занимается! И ОБХСС, и торговая инспекция, и общественность. Нервы знаешь какие нужны? Вережки! Тут с перепугу не то наворотишь.

Директорские доводы Юльку не убедили. Говорил он еще, что Клава — женщина одинокая, двое детей. И что здоровье у нее шалит. Только какое это отношение имело к самому поступку? Да никакого. В общем, вел себя директор странно.

Тут в кабинет вкатился низкорослый человечек, одетый в синий замусоленный халат. Он было начал что-то

нудить вполголоса директору, но, увидев Юльку, замолк и уставился на нее светлыми, белесо-прозрачными, как зимнее небо, глазами.

— Застрелиться можно! — сообщил он радостным тоном, который никак не отвечал мрачному смыслу высказывания. — Что ли, дочка, Виктор Егорыч? Похожа вроде. Носик вроде папин, ай? Гляди-ка, красавицу сладил!

— Какой носик?

Виктора Егоровича оторвал телефонный звонок, и сейчас, положив трубку, он потрогал свой нос. Наверное, машинально. Он, конечно, не слышал, вернее, не уловил, о чем говорил низкорослый.

А тот продолжал:

— Под копирку, как есть! — И, сложив ладонь корытцем, шагнул к Юльке: — Поздравляю!

— С чем ты ее тут поздравляешь? — нетерпеливо передразнил директор. — Что-то не пойму?

— С тем, что она ваша, то есть директорская, дочь, а вы наш руководитель, то есть ее отец. Вот!

Виктор Егорович засмеялся, потом встал и церемонно представил Юльку:

— Юлия Константиновна Рогова. Зачислена ученицей продавца в гастрономический отдел. А это, — он обернулся к низкорослому, — Алексей Андрейч, подсобный наш рабочий. Большой, понимаешь, физиономист!

Алексей Андреевич с важностью поклонился.

Директор протянул ему подписанные счета-фактуры.

— Возьми вот, отдай экспедитору.

— Премного вами благодарен! — сказал почему-то Алексей Андреевич и, понизив голос, добавил: — За простой машин поставщики, поди, снова намахают штраф. Три фургона прибили разом, хоть застрелись!

— Чего ж ты время теряешь? — возмущился директор. — Ну, и команда на мою голову! А Петро где?

— Не вышел на работу по причинам неизвестным. И потому отсутствует.

— Тьфу! Хоть сам на разгрузку становись.

— Не положено, — строго заметил Алексей Андреевич. — В авторитете убыток будет.

— А штраф платить магазину положено? Тут убытка не будет?

Виктор Егорович направился к двери, поманив за собой подсобного рабочего.

— Пошли!

Про Юльку он как будто совершенно забыл.

Она вышла из кабинета и, пройдя мимо каких-то бочек, очутилась рядом с большими черными платформенными весами. Тусклый свет лампочки, подвешенной под самый потолок, томил.

Где-то совсем рядом с грохотом отворилась дверь, впустив в темноту коридора слепящий импульс летнего дня. Вошла женщина — коренастая, крепко сбитая, одетая в белый халат. Грубовато спросила:

— Кто тут весами балуется?

— Я не балуюсь, — сказала Юлька. — Просто стою.

Вошедшая приблизилась к Юльке, пытаясь рассмотреть.

— Новая ученица, что ли? — Она протянула руку. — Трошина Мария Степановна, заведующая молочным отделом. В мою, между прочим, секцию пойдешь работать.

— Рогова Юля. — Юлька пожала жесткую, очень шершавую руку Марии Степановны. — Меня в гастрономический назначили. Так и в направлении торгога написано.

— Мало ли кто что напишет! А у меня работать некому, людей нет. Или, может, прикажешь отдел закрыть? — с вызовом и в повышенном тоне спросила Мария Степановна. — Молчишь?

Разумеется, Юлька молчала. И не только потому, что не несла ответственности за подбор и расстановку кадров в магазине, но еще и по той причине, что работа в одном отделе с Клавой ее увлечь не могла.

Однако, как оказалось, Мария Степановна и не ждала ответа на свой вопрос.

— Выйдем!

Яркий полдень заливал маленький дворик золотистоголубым светом. После прохладного сумрака коридора добела раскаленный городской воздух казался плотным, он окутывал непроницаемо-прозрачно, как целлофан.

Здесь, въехав задними колесами на тротуар, застыли с открытыми дверцами три продуктовых фургона. У одной из машин стояла Клава, она принимала круглые металлические кассеты с уложенными в них пакетами молока. Теперь не только нос, но и все ее лицо покраснелось, распарилось, пряди потных волос прилипли ко лбу.

Пробегаая мимо Юльки и Марии Степановны с двумя кассетами в обнимку, Клава озорно крикнула: «Посторонись, зашибу!» — и, толкнув своей ношей дверь, скрылась в темной утробе магазина.

Мария Степановна громко позвала директора. Он тут же высунулся из кузова второй машины. Вид у него был не лучше Клавиного — Виктор Егорович раскраснелся и тяжело дышал.

Спрыгнув на асфальт, он принялся вынимать из машины ящики, набитые густо замазанными салом банками с говяжьей тушенкой. Мария Степановна ему что-то горячо доказывала, одновременно помогая разгружать привезенные продукты. Время от времени она показывала или посматривала на Юльку. Нетрудно было догадаться, что речь шла о ней.

Водители всех трех машин стояли невдалеке со скучающим видом. Один из них, подпиравший плечом дерево, оттолкнулся от него, выплюнул изжеванную папиросу на асфальт.

— Эй, завмаг! Сколько чухаться будете? Скоро там?

Виктор Егорович обернулся.

— Разгрузим, не горячись.

— Ты в темпе давай, в темпе! — потребовал шофер, и двое других немедленно его поддержали жестикуляцией и руганью.

Не обращая на них внимания, директор потянул к себе очередной ящик, тяжело крикнул, опуская на землю.

— Бери ученицу, ладно, — сказал он Марии Степановне. — Что с тобой поделаешь? — И пошел объясняться с шоферами.

Итак, Юлькина судьба была еще раз решена без всякого участия с ее стороны. Обстоятельства, которые помимо нее все еще продолжали возникать, увлекали смилившуюся Юльку неизвестно куда.

— Поди-ка подсоби,— услышала Юлька Марию Степановну, но не сразу поняла, что та от нее хочет.

— Как это? — спросила невпопад, в полном недоумении.

— Ручками,— бросила Мария Степановна, сделав жест в сторону решеток с молочными пакетами. — Или ты неженка? Замараться боишься?

Нет, неженкой Юлька не была. Но разве ее обязанность таскать все эти решетки и жирные, перемазанные салом ящики? Ведь не грузчиком же она пришла сюда работать! Ей и без того хватает впечатлений. Да и стыдно перед окружающими, и тяжело, наверное, тоже, и платье можно испачкать — светло-серое, самое нарядное ее платье из дорогого джерси. Из груди вырвался короткий вздох, скорее даже стон. Неужели стон? Во всяком случае, ничего похожего из Юлькиной груди до сих пор не вырывалось.

— Среднее образование не позволяет? — Чуть рыхлое, оплывшее лицо Марии Степановны не выражало ни насмешки, ни тем более злорадства, а лишь озабоченность и усталость.

С трудом оторвав подошвы от асфальта, словно были они прилеплены к нему универсальным клеем «Суперцемент», Юлька двинулась к ящикам...

Глава третья

Вернувшись домой, Юлька первым делом забралась под душ. Плечи, спина, все тело было налито свинцом, сила земного тяготения вдруг многократно увеличилась. Вода дробно барабанила по резиновой шапочке, приятно стегала лицо, когда Юлька поднимала его вверх, быстрыми мягкими струями стекала вниз. Усталость и тяжесть постепенно уходили куда-то, исчезали. Чтобы ускорить этот процесс, Юлька резко завернула кран горячей воды и открыла на полную мощь кран холодной. Сразу перехватило дыхание. Но она заставила себя досчитать до ста, потом пять раз повторить «До Клавы мне нет никакого дела!», еще пять раз «До директора тоже!» и с визгом выскочила из-под душа.

— Жизнь прекрасна! — доверительно сообщила Юлька своему отражению в зеркале. Фраза шофера при-
шлась кстати.

Сунув ноги во вьетнамки и накинув халат, она присе-
ла у телефона и стала накручивать диск. Валерия сняла
трубку тут же. Голос был низким и бархатистым.

— Говорите!

— Скажу! Всю правду скажу! Не вели казнить, вели
миловать, матушка царица!

— Юшка!

Валерия рассмеялась, поцеловала воздух перед труб-
кой, и телефон донес до Юльки звук ее поцелуя. Юлька
тоже поцеловала воздух.

— Сегодня жду. Расскажешь все-все! — торопливо
сказала Валерия и нажала на рычаг, не поинтересовав-
шись, сможет ли прийти Юлька. Это было в духе Вале-
рии — ей никто, никогда и ни в чем не отказывал.

Юлька еще немножко посидела на тахте и поболтала
в воздухе ногами.

Свобода и полная независимость, которые обрела
Юлька на оставшуюся часть дня и вечер, воспринима-
лись как легкий веселый праздник. Праздник существо-
вал в самой Юльке, заставлял томительно замирать
сердце в предвкушении ожидаемой и одновременно
нежданной радости, неизвестно какой, непонятно
с чем связанной, а значит, таинственной и потому еще
более привлекательной.

Юлька подумала о том, как мало все-таки человеку
надо. Ну, отпустили пораньше домой из этого тяготно-
го, жуткого, страшного магазина — сразу после раз-
грузки; ну, хорошая погода; ну, встретится она с подру-
гой. Что еще? Ну, погуляет, скажем, немного, съест две
порции мороженого — больше не осилит. А дальше? Все
это не повод для телячьей радости, которая ее разбира-
ет. Впрочем... Юлька вспомнила, какое счастье бушева-
ло класс, когда неожиданно срывался последний урок.
Все радовались и веселились, хотя особых причин для
ликования тоже, кажется, не было. Придя домой раньше
обычного, она скучала. Однако заболел на завтра другой
преподаватель — все повторялось.

Юлька натянула свои любимые джинсы, надела

батник — желтую трикотажную кофточку, напоминающую покроем мужскую рубашку, — который папа привез ей в прошлом году из Праги, низко на бедрах затянула широкий ремень. Всё, можно отправляться! Вот только захватить яблоки, ветчину, а также пирожки, испеченные соседкой Полиной Савельевной для папы, — прежде всего Юлька поедет к нему.

Больница находилась недалеко, четыре остановки автобусом, ждать которого Юльке не пришлось — подъехал сразу.

Устроившись с правой стороны у окна, она принялась внимательно читать вывески, мимо которых проезжала, и рассматривать прохожих. Это было особенно интересно, поскольку прохожие не знали, что Юлька на них смотрит. Правда, автобус двигался довольно быстро и, чтобы не потерять из виду очередного пешехода, Юльке приходилось крутиться на сиденье.

Так продолжалось некоторое время, пока она не заметила, что на нее смотрят с не меньшим интересом, чем она на прохожих.

Особенно пристально, не сводя дымчатых очков, разглядывал ее загорелый молодой человек, сидевший у передней кассы спиной по движению и лицом к Юльке. Рядом с ним лежала авоська, наполненная продуктами: сок манго, бутылка с ряженкой, еще какие-то свертки. «Вернулся с юга, — подумала Юлька. — Едет в больницу». Она снова стала смотреть в окно и о молодом человеке в дымчатых очках тут же забыла.

Больница занимала весьма солидную территорию и была построена прямо в лесу. Ее корпуса белели сквозь ветвистые кроны высоких деревьев. Всю территорию окружал глухой бетонный забор, в котором невдалеке от автобусной остановки имелся проем, точнее, дыра, пробитая неизвестно кем и непонятно каким способом.

Юлька пролезла в дыру и пошла по твердо утоптанной тропинке, которая выходила прямо к папиному корпусу.

Войдя в отделение, Юлька приветливо поздоровалась с палатной сестрой, которая сидела у своего поста — просторного белого шкафа. Сестра раскладывала по пакетикам разноцветные пилюльки. Рядом на электри-

ческой плитке кипятились иглы для шприцев, и вода в никелированной коробочке громко урчала.

Дверь в папину палату была третьей от медицинского поста.

Когда Юлька, подвинув стул к постели отца и поправив ему подушки, присела, он похлопал ее по руке, бледно улыбнулся:

— Что скажешь, дикобраз?

Папа почти никогда не называл Юльку по имени, только если сердился или если что-нибудь случалось. Обычно же она бывала мартышкой, ежиком, сорокой, зайцем и т. д. Иногда в ход шли обидные прозвища, вроде поросенка или крокодила. При этом черты человеческого характера, которыми в народе наделяются те или иные представители фауны, у Юльки могли отсутствовать, значения данное обстоятельство не имело. Бывало, что поросенком она неожиданно оказывалась после тщательной уборки квартиры, сорокой становилась, просидев молча весь вечер за книгами, а барашком — получив три пятерки по трем предметам сразу. Еще в раннем детстве Юлька пыталась у папы выяснить, почему она в одном случае мартышка, а в другом ежик или белка, с чем это все-таки связано. Всерьез папа ей не отвечал, только смеялся и говорил, что в Юльке уживаются все на свете зверушки. «Я зоопарк, да? — хныкала маленькая Юлька. — Не хочу!..» — «Нет-нет, — успокаивал ее папа. — Конечно, не зоопарк! Ты — джунгли, ты — пампасы, ты — лес, ты — река, море, океан, воздух, земля, весь мир!» Юлька отступала. Потому, наверное, что обижаться на весь мир глупо даже в дошкольном возрасте. Как же давно это было!

Юлька подробно рассказала папе обо всех, кто звонил и справлялся о его здоровье, о том, что Полина Савельевна снова напекла ему целую гору пирожков с зеленым луком и яйцами, но она, Юлька, не удержалась и съела несколько штук, что квартира ею содержится в образцово-показательном состоянии, а счета за телефон, газ и свет оплачены своевременно. Юлькина информация хоть и касалась самых разнообразных явлений и фактов, была проникнута единой организующей идеей: все сообщения имели исключительно позитивный харак-

тер и предназначались для пробуждения положительных эмоций.

Поэтому-то Юлька и не призналась папе в том, что не станет сдавать экзаменов в институт, что поступила работать. Отрицательные эмоции, которые могло вызвать это известие, Юлька не сумела бы нейтрализовать ничем. Оставалось одно: ждать, хотя чего именно ждать и до какого момента, Юлька не знала сама. В жизни для нее не было сейчас ничего менее определенного, чем час признания, и ничего более определенного, чем само это признание, его роковая неотвратимость.

— Много занимаешься? — спросил папа, словно нарочно, словно знал, о чем она сейчас думает.

— Грызу, — сказала Юлька. — А что?

— Да так. Просто спросил.

— Скоро все высшее образование заимеют, — недовольно пробурчал папин сосед по палате, Петр Никанорович, таксист. — Работать будет некому.

— А каково ваше мнение на сей счет, товарищ пума? — спросил папа у Юльки.

Но Юлька решила в разговор не вступать. Не хватало ей сейчас пускаться в рассуждения о дипломах, самое время! От одного упоминания о них внутри начинало ныть.

— Петр Никанорович просто шутил, когда говорил, будто высшее образование мешает людям работать, — не дождавшись ответа, продолжал Юлькин папа. — Диплом — прекрасная цель в человеческой жизни. Если он не самоцель, конечно... Что же касается цели, то о ней, точнее, о «рефлексе цели» писал еще академик Павлов.

И он рассказал, что академик Иван Петрович Павлов рефлекс цели считал основной формой жизненной энергии человека. По Павлову, рефлекс этот является как бы неким двигателем, вырабатывающим энергию творчества, делающим существование людей наполненным и счастливым. Вся жизнь, ее улучшения, ее культура, создается людьми, стремящимися к той или другой поставленной ими перед собой цели. Стоит исчезнуть цели, и сама жизнь перестает привлекать, притягивать к себе, одна за другой рвутся нити, связывающие человека с ней.

— Ну, а какие уж такие особые цели у таксиста? —

Петр Никанорович задал вопрос, который могла бы задать Юлька, но не решилась, боясь выдать свою прямую заинтересованность. — Или что это за высокие цели у уборщицы? Плафон под потолком протереть? Выше-то ей вроде некуда...

— Неверно! — живо откликнулся Константин Николаевич. — Абсолютно неверно! Всякая общественно полезная профессия предполагает, включает в себя цели благородные и содержательные. И таксист и уборщица — все служат людям, а это очень и очень много! И вот что еще: в рамках любой специальности возникают свои цели, свои задачи, далеко не примитивные, как иногда принято думать. Да, да, к сожалению, принято, — повторил Юлькин папа, будто с ним кто-то собирался спорить. — И это нехорошо! Но уж совсем плохо, когда по отношению к таким профессиям проявляется мещанская чванливость, тупая барская заносчивость. И ведь не только проявляется — у иных она превратилась чуть ли не в условный рефлекс, грозящий стать безусловным. Вот ведь как!

«Милый мой папка, — думала в это время Юлька, — дорогой мой, ты, как всегда, все правильно излагаешь. Правильно, благородно, немного возвышенно. Но что бы ты сказал, если бы знал, что собственная твоя дочь, единственная и любимая, которая сидит здесь с невозмутимым видом, вовсе не будущий медик, а самый настоящий продавец! Продавец! Так ли бы ты стал расхваливать все профессии подряд?!»

Юлька все же немного стыдилась этих своих мыслей. Стыдилась, поскольку папа никогда бы ей не сказал того, во что не верил сам. В разговорах с ней он не допускал даже намека на неискренность, а двуличие презирал, как величайшее на свете зло. Нет, папа, конечно, верил в то, о чем говорил. Не верила Юлька. Она стыдилась своих мыслей и все же наперекор себе испытывала противненькое желание, чем-то похожее на возникавшее в детстве, когда хотелось разломать еще одну игрушку и посмотреть, что там у нее внутри. Искушение сознаться во всем прямо сейчас, разом выпалить тайну, и дело с концом, — это искушение немислимым, нетерпеливым зудом отдавалось в нервах, дразнило, брало, как в шко-

ле, на «слабó». Но цена! Цену-то она понимала. И это были совсем не игрушки, стоимость которых могла не приниматься в расчет.

Юлька на всякий случай прикусила язык — отнюдь не в переносном, а в самом прямом смысле, вполне натурально — и некоторое время подержала его так, прижав между верхними и нижними зубами.

В палату впорхнула сестра:

— Как тут у вас? С уколами сейчас приду.

— Эх-хе-хе,— испуганно повздыхал Петр Никанорович.

Хорошенькое личико сестры сморщилось в кислой, пренебрежительной гримаске.

— Мужчины! — с презрением бросила она, обращаясь исключительно к Юльке.— Никакой боли не переносят. Мнительные!

Юлька собралась уходить. Она вынула и положила в тумбочку принесенные продукты, поцеловала папу, улыбнулась Петру Никаноровичу.

О том, что мужчины боятся боли и переносят ее труднее, чем женщины, Юлька вроде бы слышала. Но случай убедиться в этом воочию представился впервые. Все-таки смешно: сильный пол, добытчики, охотники, мужественные защитники женщин. Что там еще? Воины, первопроходцы. Странно как-то, не вяжется одно с другим. А может, всегда так, во всем и везде? Может, и не должно вязаться?

Вдруг она поймала себя на том, что занимавшая ее проблема каким-то непонятным образом связывалась с Клавой, с тем, как выглядел Клавин поступок внешне и что он собою представлял по существу.

— Не хочу! — сказала вслух Юлька. Мыслями о магазине она боялась спугнуть свое праздничное настроение.— До Клавы мне нет никакого дела!

Юлька направилась к тропинке, чтобы по ней выйти к остановке.

Подойдя к больничному забору, Юлька обнаружила рядом с проемом, в который ей предстояло пролезть, тетрадный листок, приколотый к щелястому бетону веточками. Никаких надписей на нем не имелось, просто был нарисован кораблик. Небольшой красный кораблик с

тремя мачтами и красными же парусами, упруго наду-
тыми ветром. Кругом кипело море и простиралась без-
брежная даль — неизведанная, манящая и таинст-
венная.

А не遠далеке, справа от тропинки, сидел тот самый
загорелый молодой человек, которого она видела в авто-
бусе. Сидел на траве и во все очки глядел на нее. «Во все
очки», — именно так подумала Юлька.

Она снова стала смотреть на кораблик, стремитель-
но и безмолвно летящий вперед, на застывшие над ним
стрельчатые облака, на неторопливо шумящие волны.
Или это шумели окружающие Юльку березы, чьи ветви
едва перебирал легкий и нежный ветер? Тревожно и
сладко заняло в груди. Она глубоко втянула в себя воз-
дух. Голова закружилась на миг, деревья приблизили
друг к другу свои вершины, и где-то там, в опрокинутой
вверх зеленой бездне, в самом конце ее, застыла густая
синь то ли неба, то ли моря. Что-то приближалось и что-
то удалялось, что-то неведомое окружало и вливало
тревогу, а маленький упрямый кораблик продолжал
плыть к далекому горизонту, за которым прятались все
радости и печали.

Так продолжалось недолго, быть может, минуту, не
больше. Потом Юлька снова взглянула на рисунок, по-
баиваясь и одновременно надеясь, что пережитое ею по-
вторится. Но нет — кораблик как кораблик, нарисован
красным фломастером, в общем, умело. Видно, автор ри-
сунка не впервые взял в руки карандаш. Где-то внутри,
глубоко-глубоко, шевельнулось легкое сожаление.

Юлька вздохнула.

Взглянуть снова на парня она не решилась и полез-
ла в дыру. Едва просунув голову, увидела, что к остано-
вке вырывает автобус и, еще не дотянув до нее, открыв-
вает двери. По чисто московскому обычаю — даже если
никуда не спешишь, все равно бежать к автобусу, будто
другой никогда не придет, — Юлька бросилась вперед.

Пропустив ее, двери автобуса со скрипом соедини-
лись. Машина тяжело двинулась и стала набирать ско-
рость.

Юлька подошла к заднему стеклу. У проема в боль-
ничном заборе стоял парень в очках.

Заднюю часть автобуса сильно подбрасывало и качало. Казалось, прыгает сама улица с ее тротуарами, деревьями и домами. А вдаль, все уменьшаясь в размерах, металась и дрожала вместе с улицей одинокая фигурка, словно обуреваемая нетерпением и отчаянием.

По дороге Юлька думала о том, что работа — это еще не все в жизни, что никакая самая скучная и неинтересная работа не отнимает у человека всего его времени, а значит, можно как бы разделить себя между одним и другим, стиснув зубы, отбывать положенные часы, а потом — жить. И быть счастливой! Вернее, быть счастливой и несчастной одновременно. А может, так и должно выглядеть счастье?..

У Валерии торчал Славка Колесов. Он и открыл дверь, когда Юлька позвонила.

— Привет труженикам прилавка!

— Спасибо, Слава, можешь сесть, — сказала Юлька тоном их литераторши, которая была всегда без ума от Славкиных ответов и сочинений.

Валерия и Славка принялись с пристрастием ее расспрашивать о первом рабочем дне, точнее, о половине дня, проведенном Юлькой в магазине. При этом Валерия всячески старалась подбодрить Юльку, Славка же в своих суждениях был до противности категоричен.

Выслушав историю о разбитой банке со сметаной, о Клавде, он безапелляционно заявил:

— Жулье!

Юлькин рассказ о том, как она своими собственными руками разгружала машины, Валерию ужаснул. Когда же Юлька сообщила, что директор магазина занимался тем же самым, Славка коротко заключил:

— Бездарь!

Его нисколько не позабавила фигура подсобного рабочего и даже ошибка Алексея Андреевича, принявшего Юльку за директорскую дочь.

— Неудачник! — определил Славка.

В конце концов Славка ее разозлил, хотя еще несколько часов назад Юлька рассуждала пусть не так резко, но очень похоже.

— По-твоему, магазин — это сборище бездарей, неудачников и хапуг?

— Бесспорно! — ответил Славка словечком, которое еще в девятом классе сам сконструировал из слов «бесспорно» и «несомненно».

— Хватит тебе, — попыталась осадить Славку Валерия.

— Ну, а я? К какой группе ты отнесешь меня? — спросила Юлька.

— Ты — это особый случай. Придет время, уйдешь, поступишь в медицинский, окончишь, и тогда... — Он дурашливо завопил: — Доктор, клизму!

— А если не уйду?

— Уйдешь. Что сегодня важно для думающего молодого человека? — Славка встал и с видом мыслителя начал мерить шагами комнату, изредка рассеянно дотрагиваясь до красивых безделушек, расставленных там и тут. — Прежде всего важны две вещи: престиж профессии и возможность роста. Перспектива, так сказать...

— Простите, учитель, — перебила его Валерия. — А о перспективах зарплаты думающий человек не думает?

— Думает, но не в первую очередь. Гипертрофированные потребности давайте оставим взбесившимся мещанам и не будем их, то есть мещан, принимать в расчет.

— Не будем, — согласилась Валерия.

— Итак, первое: какова перспектива у нашего Юлика в ее любимом магазине, или, научно выражаясь, торговом предприятии? Перспектива единственная: закалившись в боях с покупателями и окончив высшие трехдневные курсы повышения там чего-то, в конце концов стать директором магазина. Но как вопрошал Омар Хайям: «Что дальше?» К счастью, этот вопрос нам любезно осветила сегодня сама товарищ Рогова — дальше по-прежнему будем таскать ящики и разгружать автомобили собственными ручками!

— Передержка! — решительно возразила Юлька, однако оратор на ее замечание не отреагировал.

— Что же касается престижа, — продолжил он, — то здесь дело обстоит еще печальней. Но сначала рассмотрим проблему в ретроспективе.

— Слова-то, слова какие знает! — сказала Валерия. — Перспектива, ретроспектива...

Славка ее не слушал. Его несло.

— Еще в стародавние времена приказчик и половой не вызывали симпатий ни в одном из слоев общества. Не щадила их и литература прошлого, отобразившая, так сказать, реальную жизнь во всех ее проявлениях. Даже лакей, чья, выражаясь современным языком, профессия...

— Лакей — не профессия, — вспомнила Юлька, — а характер.

— Ого! — изумился Славка. — Прекрасно сказано! Это откуда?

— Из моих будущих мемуаров.

— Что ж, почитаем. Так вот, слово «лакей» давно стало нарицательным. Но даже к лакею когда-то относились с большим уважением, чем к приказчику или половому. Вспомните Фирса из «Вишневого сада». Фирс вовсе не жалок. Он трагичен!

— Положим, некогда и актер был презираем, — вставила слово Валерия. — Что с того?

— Верно. Но тут традиция дала трещину. А к работникам прилавка, официантам и по сей день сохранилось, мягко говоря, отношение малоуважительное.

— Почему? — требовательно спросила Юлька. — Почему?

— Я не анализирую причин. Я лишь констатирую факты.

— Не идет ли такое отношение от тех самых взбесившихся мещан, о которых уже упоминал оратор? Ведь у нас всякий труд почетен, — напомнила Валерия.

Подруга щадила Юльку, ее самолюбие, но делала это, как показалось Юльке, несколько неуклюже. Самым же непонятным и странным было то, что Славкины разглагольствования начинали Юльку задевать всерьез, хотя она и повторяла сегодня про себя целый день: «До Клавы мне нет никакого дела!»

А Славка продолжал свои словесные упражнения, и Юлька не могла придумать, как достойно ему возразить.

Несогласие со Славкиными суждениями пришлось высказать в самой общей форме, причем не столь обидной, как хотелось бы.

— Ты уже большой мальчик, Славочка, а пользуешься чужим мнением, не составив своего. Опираешься на чьи-то — неизвестно чьи — мысли. Ай-яй-яй!

— Юлик, ты чего взъерошилась?

— Я, пожалуй, пойду, — устало сказала Юлька. — Рано вставать.

Юлька поцеловалась с Валерией. Та шепнула, имея в виду Славку:

— Дундук, не обращай внимания!

Дундуку пришлось выкатиться вместе с Юлькой, хотя он несколько раз прозрачно намекал, что мог бы еще посидеть и попить чайку.

Выйдя из подъезда, Юлька от неожиданности вздрогнула и вцепилась в рукав Славкиной куртки. Прямо на асфальте перед входной дверью мелом был нарисован кораблик, на всех парусах летящий вперед. Причудливые тени колеблемых ветром деревьев, сухой и холодный луч фонаря, падавший на рисунок, разреженный сумрак московского вечера — все это окутывало белый кораблик движущимся призрачным светом. Казалось, кораблик сам излучал этот свет — бледный, мерцающий.

— Юлик, ты что?

Славка, видно, подумал, что она испугалась чего-то, и обнял ее за плечо. Юлька вырвалась резко, даже, наверное, грубо, и это его немало озадачило. Она боялась и не хотела, чтобы ее увидели вот так.

— Слава, счастливо!

Она побежала. Славка обалдело глядел вслед, ничего не понимая. Крикнул:

— Постой, провожу!

— Не надо, сама!

У дома Юлька перевела дыхание. Сердце колотилось так громко, что своим стуком могло разбудить соседей, — окна были открыты. От этой бредовой мысли Юльке стало смешно и спокойно.

Вокруг ни души, только уснувшие под своими брезентовыми одеялами автомобили и тишина.

Глава четвертая

Уже пять дней Юлька работает в магазине. Пять долгих дней, которые тянутся с восьми утра и до семи часов вечера. Но это только для нее до семи, для остальных еще дольше. Ведь Юльке нет восемнадцати лет, и ее отпускают раньше. Она уходит, а магазин продолжает торговать еще целых два часа.

На Юльке белая куртка и светло-синий берет, как у всех продавцов. Халаты здесь носят только директор, заведующие отделами, их заместители и работники бухгалтерии. Правда, зачем последним нужны халаты, Юлька себе представляет слабо.

Обязанности ее пока не сложны, но хлопотливы.

Она готовит товары к продаже: освобождает их от тары, протирает банки, зачищает масло — соскабливает заветренный слой с дышащих холодом светло-желтых монолитов.

Она нарезает трескучую оберточную бумагу, орудуя длиннющим гастрономическим ножом, который сточен почти до самой спинки.

Вместе с другими ей приходится подтаскивать продукты из подвала, и это не очень легко.

А что поделать? Строгим распоряжением торгового лифта остановлен по жалобе пенсионера со второго этажа. Того самого, которого встретила она в первый день у директора в кабинете. Говорят, будто лифт пустят снова, как только соорудят бетонное основание для мотора. Новое основание будет гасить вибрацию, уменьшится шум, и подъемник перестанет отравлять стариковскую жизнь. Только когда это будет?

Еще Юлька учится красиво выкладывать товары в витринах прилавков: накручивать розочки на кусках шоколадного и сливочного масла; составлять причудливые фигуры из тугих блестящих плавленых сырков, в особом порядке располагать красные и желтые головки благородных сыров — этаких аристократов среди товаров молочного отдела.

Она уже кое-что знает о продуктах, проникла, можно сказать, в их некоторые тайны. Диетические яйца, оказывается, считаются диетическими лишь в течение

десяти дней с момента носки — дата проставляется на каждом яйце. Когда же истечет этот срок, их разрешается продавать только по цене столовых, то есть уже не по рубль тридцать, а по девяносто копеек за десяток. А куда девается разница? На этот вопрос Юлька пока ответить не может.

Она знает теперь, что до начала работы циферблатные весы в отделе обязательно выверяются и стрелка их устанавливается строго на нуле. Мария Степановна, заведующая отделом, очень внимательно за этим следит. Еще она проверяет наличие ценников над образцами товаров, а новые ценники выдает собственноручно и расписывается на обороте каждого. Это если старые загрязнились или поступили продукты, на которые ярлыков с ценами не было.

Между делом Юлька наблюдает за людскими приливами и отливами у прилавка, присматривается к покупателям. Некоторые ей уже знакомы.

Каждое утро в девять часов приходит общительная старушка с ясными и тихими глазами. Покупает она два пакета молока: пакет обыкновенного для себя и жирного, шестипроцентного или топленого, для двух своих сиамских кошек, вернее, для кошки и кота. Зовут их Клепа и Филька, они избалованы и пьют только дорогое молоко, а от простого отказываются.

Около двенадцати появляются двое рабочих в синих комбинезонах и покупают по бутылке кефира. Товар штучный, взвешивать его не надо, а потому свои покупки они пытаются получить без очереди. Это всякий раз вызывает переполох и злые нападки женщин. Однако двое в комбинезонах не отступают, а на недовольные выкрики отвечают постоянно одними и теми же фразами:

— Машина у меня тут, автомобиль! Понимаете, мамыши?! Бензин в нем горит! — хитрит первый.

— Ну, чего шуршите, женщины? — удивляется второй. — Не вино ж мы берем, право слово!

В очереди много пенсионеров. Им стоять особенно трудно — в торговом зале духота, тяжелые сумки с продуктами обрывают руки. Юлька как-то сказала об этом Антонине Сергеевне, старшему продавцу, но та только пожала плечами:

— Без очереди их, что ль, обслуживать? Да ведь тут такое начнется! Не беда, потерпят. Делать-то им все равно нечего.

Антонине Сергеевне сорок пять лет, в магазин она пришла совсем девчонкой и работает в нем куда больше, чем Юлька живет на свете. Лицо у нее обычно доброе и приветливое, особенно в первой половине дня. А когда Антонина Сергеевна улыбается, на щеках образуются ямочки и вся она как-то сразу молодеет.

Работает Антонина Сергеевна сноровисто и споро. Юльке приятно наблюдать за ее руками, которые будто сами находят нужный товар, что-то завертывают или нарезают, двигаясь расчетливо и точно. С покупателями она ровна, обходительна, по-хозяйски спокойна, а их заискивания или раздраженность не выводят ее из состояния деловой сосредоточенности.

Правда, так бывает только до середины работы, часов до трех или четырех, смотря по тому, каким выдался или как складывался день. Но к концу дня или еще раньше руки Антонины Сергеевны начинают сбиваться с ритма, а самые обычные вопросы или просьбы покупателей кажутся ей бестолковыми или не в меру настырными, выводят из себя.

Однако, если она резко возразит покупателю или отмахнется от него, будто от назойливой мухи, вскоре затем обязательно потихоньку спросит у Юльки:

— Слышала, как я его?

— Слышала,— так же тихо ответит Юлька.

— Никогда себе такого не позволяй. Покупатель — он всегда прав! Запомнила?

— Запомнила,— шепнет Юлька в ответ.

Дело в том, что Антонина Сергеевна — Юлькина наставница, она обучает Юльку торговому ремеслу: рассказывает о свойствах товаров, о сроках их реализации, о том, как товар взвешивать, нарезать, проверять его качество по органолептическим — ну, и словечко! — признакам, и еще о многих вещах.

В обязанности Антонины Сергеевны входит также обучение Юльки вежливому и культурному обращению с покупателями. А тут, понятно, личный пример занимает не последнее место. Вот почему каждый собствен-

ный срыв, допущенный в присутствии Юльки, Антонины Сергеевны переживает, в десятый раз спрашивая Юльку:

— Слышала, как я его?

— Запомнила! — уверенно обещает Юлька.

Ответ неожидан для обеих, и Юлька еще не знает, какую он вызовет реакцию у наставницы. Но Антонина Сергеевна нисколько не сердится, хотя ее система воспитания вежливости методом «от противного» идет прахом. Помимо Антонины Сергеевны и Клавы, в Юлькиной смене работает еще одна продавщица — Лиза.

Она старше Юльки на четыре года. Кажется, не так-то и много, но за этот недолгий срок Лиза уже ухитрилась невозвратно потерять фигуру, стала коротенькой и полной.

Окончив школу, Лиза собиралась поступить в институт кинематографии, но вместо этого вышла замуж, что, по ее словам, в наше время сделать не легче, чем пройти три тура испытаний на актерском факультете при тысячном наплыве абитуриентов. Теперь у Лизы трехлетний сын Колька и муж, которого тоже зовут Николаем. Муж безумно любит Лизу, встречает ее каждый вечер, дико ревнует ко всем и ко всему, даже к магазину, поскольку слово «магазин» тоже мужского рода — об этом Юлька узнала из первого же разговора.

Вообще-то трудно представить себе Лизу кинозвездой, и та, рассказывая о своей несбывшейся мечте, прекрасно это понимает.

— Я как тростинка была, честное слово! — говорит она, сложив молитвенно руки на своей высокой груди. — Как ивовый прутик, клянусь! Пришла в институт, все ахнули: сама тонюсенькая, а глаза большие-большие, голубые-голубые, ну, такой наив, такой типаж — умереть!

Что верно, то верно — глаза у Лизы и большие и голубые, правда, наивными они Юлке не кажутся. В них постоянно пляшут озорные бесенята, маленькие шалые чертики. Скорее всего, именно эта бродящая в Лизе потусторонняя сила заставляет ее постоянно менять свой облик, однако не играть, нет, а быть то одной, то другой Лизой, придуманной по настроению или к случаю.

Сегодня с утра Лиза воплощает в себе августейшую особу, утомленную тяжелыми драгоценностями, многочисленными балами и бесконечными дворцовыми интригами.

— Слышь, малявка! — обращается к ней затертый лысый мужичонка. — Кинь два плавленых. Поживей! Нам для дела.

И слышит царственно-удивленное, сопровождаемое гордым поворотом головы и холодным, надменным взглядом:

— Вы мне?

Наверное, в ней есть какая-то внутренняя стать. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на несчастного покупателя. Он ошарашенно молчит и, наконец, выдавливает из себя никогда не употребляемое им в подобных обстоятельствах:

— По... пожалуйста!

Клаву Юлька старается не замечать. Но не замечать человека, который находится рядом с тобой целый день, трудно. И Юльке волей-неволей приходится с Клавой разговаривать. Она старается скрыть неприязнь, не выдать своей подозрительности, и все-таки разговор выходит сухой, а отношения искусственными и натянутыми.

Юльке кажется, что и другие работники отдела не жалуют Клаву своим расположением. Но Клава в этом как будто и не нуждается. Держится особняком, всегда одна. В обеденный перерыв, когда все рассаживаются за столом в небольшой задней комнатке и начинают обмениваться припасами, она садится в сторонке на ящик и мелко грызет что-то зажатое в кулачке, уперев в стенку взгляд отсутствующий и неподвижный.

Больше, чем остальные, с Клавой общается заместительница заведующей молочным отделом Калерия Ивановна Кононова, цветущая женщина с фигурой гренадера и томным волооким взглядом. Юлька считает, что сложена она превосходно, только природа немного ошиблась в масштабах или, возможно, во времени, произведя Калерию Ивановну на свет в нашу эпоху, а не в отдаленном будущем, когда человеческая порода в результате акселерации разовьется и богатыри станут явлением обычным.

Юльке кажется, что Клава побаивается Калерию — так запросто зовут здесь заместительницу Марии Степановны. Таков принятый тут обычай: все женщины друг друга называют по имени, независимо от возраста. Впрочем, возраст у большинства из них либо средний, либо выше среднего. Молодежи почти нет, человек пять, не больше. И это на восемьдесят работающих. Не густо.

Юлька пока мало кого знает из других отделов. Зато ее теперь узнали многие. Вот как это получилось.

Позавчера в обеденный перерыв директор задумал провести производственное совещание или профсоюзное собрание — Юлька так и не поняла, что именно. Собрали всех прямо в торговом зале, поскольку ни красного уголка, ни другого подходящего для подобных целей помещения в магазине нет.

Вынесли стол, покрыли бордовой, в чернильных пятнах скатертью, поставили два стула. На них сели директор и председатель цехкома, она же заместитель заведующей гастрономическим отделом, Нина Семеновна Лобанкова. Очень серьезная, в очках.

Все остальные, недовольные, между прочим, что их оторвали от обеда, разместились кто где: стояли у прилавков или за ними, сидели на ящиках. Алексей Андреевич устроился прямо на полу, по-восточному поджав ноги.

— Мы коротёнько, — предупредил директор.

К длинному разговору обстановка и не располагала, особенно если учесть, что в витринные окна нет-нет да и заглядывали прохожие, отвлекая внимание своим любопытством.

— Значит, так, — начала Нина Семеновна, председатель цехкома, и немного покашляла. — Слово предоставляем нашему директору Виктору Егоровичу.

Директор встал со стула, одернул белый халат, обвел всех взглядом и поморщился, когда в его поле зрения попал сидящий на полу Алексей Андреевич.

— Все мы неоднократно читали и изучали материалы XXV съезда партии, — сказал Виктор Егорович. — Знаем, что в них говорится о торговле, какая роль ей отводится в десятой пятилетке. Хочу напомнить еще раз слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные им в докла-

де по этому поводу.— Из одного кармана халата он достал очки и нацепил их на нос, из другого — маленькую бумажку, развернув которую стал читать: — «Огромные резервы заложены в улучшении качества и ассортимента продукции». Так... Тут дальше об обуви... Вот! «Еще острее проблема качества работы, внимания к потребителю и его запросам стоит в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании». — Он на секунду замолк, ища нужное место, нашел, прижал строчку ногтем и возобновил чтение: — «В отраслях промышленности, производящих товары народного потребления, торговле, общественном питании, в сфере обслуживания трудится более полутора миллионов коммунистов и трех миллионов комсомольцев, а всего занято около сорока миллионов человек. Обращаясь к вам, мне хочется сказать: товарищи, от вас, от вашего труда во многом зависит и благосостояние, и настроение советских людей. Помните об этом. Работайте лучше и инициативнее, равняйтесь на передовиков. К этому призывает вас, этого ждет партия». — Директор оторвал взгляд от бумажки, спросил: — Всем понятно?

— Понятно! — ответили со всех сторон, полагая, что собрание на этом закончится. — Ясно!

— Вот и хорошо, — сказал директор. — Но мало. Нам надо не только понимать, нам надо работать на уровне требований, предъявляемых съездом к торговле. У магазина, конечно, социалистические обязательства имеются. И всего коллектива обязательства есть, и по отделах. А вот различные полезные почины, трудовые инициативы передовых торговых предприятий почему-то мы не поддерживаем. Не включаемся, так сказать. Почему?

Кто-то возразил:

— Почины — они для универсамов, не для нас.

— Универсамы — дело хорошее, — кивнул директор. — Только ведь вот такая штука: строить универсамы начали в прошлой пятилетке, в Москве их открыто несколько десятков, по всей стране около двухсот. Так что в настоящее время подавляющая масса покупателей пользуется такими магазинами, как наш, то есть обычными райпищеторговскими магазинами. А это значит,

люди судят о торговле, об уровне обслуживания главным образом по тому, как работают эти самые обычные магазины. Пока еще мы и такие, как мы, определяют и лицо торговли и ее душу!

Директора внимательно слушали, а с последней его фразой возникло даже небольшое шевеление среди присутствующих, выражавшее, как решила Юлька, некоторое удовольствие от высказанной им мысли.

— Вы знаете, я недавно у вас. Месяц ходил, приглядывался. А теперь могу сказать: многого магазин еще недобирает. И в смысле товарооборота, и в смысле культурного обслуживания.

Директор снова залез в карман своего халата и вынул оттуда газету «Советская торговля», но разворачивать не стал, только ударил по ней тыльной стороной ладони.

— Тут написано, что ряд торговых предприятий выступил с трудовой инициативой под лозунгом «Отличное обслуживание — гарантируем». Читали?

Никто ему не ответил, и Виктор Егорович хотел было продолжить свое выступление, когда неожиданно откликнулся сидевший на полу Алексей Андреевич. Начав говорить, он одновременно стал подниматься и заканчивал свою реплику уже стоя.

— Не читали, Виктор Егорыч, не взыщи. Однако почин горячо поддерживаем и просим занести в протокол для отчета. Как ты сказал? Повтори, будь добрый. Чтоб знать, если кто из начальства спросит... Отличное обслуживание... чего делаем?

— Гарантируем! — бодро выкрикнула Лиза и подняла руку. — Мы — «за»!

Остальные тоже подняли руки, хотя ни председатель цехкома, ни директор голосовать за предложение не просили.

Виктор Егорович некоторое время грустно рассматривал своих подчиненных и молчал, так что никто не знал, следует ли ему опустить руку или делать это еще рано. Наконец Нина Семеновна Лобанкова, которая тоже держала руку вверх, уперев локоть в столешницу, обратилась к залу:

— Кто против?

Руки разом опустились.

— Воздержавшиеся?

Все молчали.

— Единогласно! — подвела итог Нина Семеновна.

— Стоп, стоп, не единогласно, — сказал директор. — Я, например, против.

— И я против, — неожиданно для себя самой сказала Юлька, подняв при этом руку.

Надо же было ей вылезти со своим мнением! В магазине без году неделя, а уже собралась кого-то учить. Несерьезно, нехорошо получилось. Юлька смутилась, вспыхнула до корней волос.

Наверное, и правда ее микровыступление выглядело самонадеянным и легковесным. Ехидный мясник, которого Юлька заприметила еще в день своего знакомства с магазином, бросил ей через зал:

— Яйца курицу не учат!

Юлька вся сжалась, ожидая и от других обидных и насмешливых замечаний, даже зажмурилась. Она поэтому не видела, как директор повернулся к мяснику, только услышала вопрос:

— Кто тут за курицу кудахчет? Вы, что ли? Заклевать, значит, нас с товарищ Роговой решили? Так ведь мы не зернышки! Верно, Юля? А?

Но теперь Юлька промолчала, хотя вопрос был обращен непосредственно к ней.

— Давайте-ка мы лучше выслушаем товарищ Рогову, узнаем, почему она против.

Сказал это директор резко, и все сразу притихли, а ехидный мясник вытянул и без того длинную свою физиономию.

— Смелей, Юль, не бойся!

Это подбодрила Юльку Майя, секретарь комсомольской организации магазина. Пришла она с опозданием, но, как видно, успела разобраться, что к чему. С Майей Юлька познакомилась, когда вставала на комсомольский учет. Майя ей понравилась — славная девчонка, некрасивая, однако по поводу своей внешности не комплексует, что обычно сразу бывает видно невооруженным глазом. Она заочно учится в торговом техникуме, летом увлекается водными лыжами, зимой — горными.

Юлька еще чуточку помедлила, прерывисто вздохнула и начала:

— По-моему, нельзя голосовать за то, чего не знаешь, в чем не разобрался. Так и за приговор себе самому недолго поднять руку.

— Ну, хватила,— засмеялась Калерия.— Мы вроде не в суде. Это там, что ни день, приговор выносят.

— Верно, выносят в суде.— Директор смотрел на Калерию строго и недружелюбно.— А зарабатывают заранее. Его и тут, например, заработать легче легкого. Если не вникать как следует в то, что делаешь. Прошу, товарищи, без замечаний. Продолжай, Рогова!

— Те, кто выступали с почином, о чем-то ведь думали, что-то предлагали такое, что может улучшить их работу, гарантировать отличное обслуживание. Я не знаю, может, у вас все это давно есть, а может, и нет. Надо же разобраться!

— Так-так,— сказал директор.— Давай!

— По-моему, кое-что улучшить все же можно. Я всего ничего в магазине, но и то вижу. Знаете, Константин Сергеевич Станиславский, когда создавал вместе с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко Московский Художественный театр, говорил: «Театр начинается с вешалки». Мне кажется, он этим хотел сказать, что даже самое большое дело начинается с малого. И я вот думаю: а с чего начинается магазин? Наверное, с витрины. Покупатель, прежде чем войти к нам, на нее смотрит. И что видит? Темно-коричневый картонный окорок!

Никакого особого эффекта от своих слов Юлька не ждала. Но он был и что-то преодолел, сняв общую напряженность, возникшую, когда она начала выступать. В общем, аудитория грохотнула смехом, и атмосфера разрядилась.

— Вот! — Директор, довольный, щелкнул пальцами.— Одно конкретное предложение уже есть. Как сформулируем?

На помощь снова пришла Майя:

— Заменить оформление внешних витрин магазина с привлечением квалифицированных специалистов-декораторов.

— Спасибо, девочки! Хорошо! — Виктор Егорович наклонился к Лобанковой: — Запиши.

— Позволь мне, Виктор Егорович! — Алексей Андреевич протянул вверх руку. — Я скажу. Транспортёр ленточный наклонный где б раздобыть. Товары с машины в подвал прямо по нему пойдут, так что таскать-надрываться не надо будет.

— Может, по твоему транспортёру и покупатели в магазин поедут, как по эскалатору? — Калерия Ивановна, стоявшая рядом с Алексеем Андреевичем, торкнула его согнутым пальцем в висок. — И-изх, голова! Разговор о культуре обслуживания идет, а он знай себе легкой жизни ищет.

— Так ведь тяжко, — вздохнул Алексей Андреевич. — И затруднительно. Застрелиться можно!

— Не одним только подсобным тяжко, — горячо вступила Лиза. — Каждый день ящики таскаем, вместо того чтобы с покупателями работать. — Я, и Клава, и Юля тоже. Мы разве продавщицы? Мы верблюдь! Какая уж тут культура обслуживания!

И вдруг как прорвало. Со всех сторон посыпались предложения, разгорались и гасли споры, каждый спешил высказаться и перебивал соседа. Но Виктор Егорович, несмотря на возникший сыр-бор, что-то улавливал, то и дело торопил Нину Семеновну Лобанкову:

— Пиши это, это важно! — И вполголоса диктовал: — Вот что запиши! — И диктовал опять.

Время от времени Виктор Егорович поглядывал на Юльку и на Майю взглядом заговорщика.

Наконец директор попросил тишины.

— Товарищи, минуту! Перерыв заканчивается, скоро работать. Думаю, правильно сделать так: создадим небольшую комиссию и поручим ей изучить все поступившие предложения, а также собрать мнения у всех тех, кто сегодня их высказать не успел. Обобщим, выработаем мероприятия, конкретный, так сказать, план. А уж план этот рассмотрим тогда на собрании. Нет возражений?

Возражений не было.

— В комиссию давайте включим меня, если никто

не против, председателя цехкома Нину Семеновну Лобанкову, от комсомола Майю и еще двух человек. Кого?

— Иноземцева, — предложила Юлькина наставница Антонина Сергеевна, — старшего бухгалтера.

— Обязательно! — одобрил директор. — Нам серьезный экономический анализ потребуется. Еще?

— Рогову, — выкрикнула Лиза. — Юлю Рогову!

— Но ведь я... — Такого поворота Юлька никак не ждала. — Нет, надо тех, кто давно работает, это лучше, правильнее...

— Тех, кто давно работает, мы включили, — сказал директор. — А свежий, не посторонний глаз тоже не будет лишним. Я бы ее включил. Как, товарищи?

— Включить! — дружно отозвались голоса. — Можно! Согласны!

В возгласах ощущалась симпатия. На сердце у Юльки сделалось тепло, а окружающие казались ей сейчас людьми милыми и душевными, даже мясник и Клава не вызывали настороженности. И вовсе не в удовлетворенном честолюбии здесь было дело. Юлькина натура требовала человеческой отзывчивости и добра. Сейчас она их хорошо чувствовала.

Однако сразу после собрания Юлька имела случай убедиться, что симпатия к ней не была столь единодушной, как это могло показаться на первый взгляд.

Она разрезала головку сыра сорта «Советский», орудуя специальным немудреным приспособлением, которое называется здесь «струна» и состоит из проволоочки, протянутой между двумя деревянными ручками, когда рядом появилась Калерия Ивановна и стала за ней наблюдать. Под чужим пристальным взглядом работать было неприятно, но Юлька справилась с операцией как нельзя лучше — головка развалилась на две совершенно одинаковые половинки, поверхность срезов была ровной, без единой зазубринки. И все-таки Калерия Ивановна, осмотрев дело Юлькиных рук, небрежно процедила:

— Можно бы и поаккуратней. Только ведь это не на собраниях выступать, тут думать надо!

— Покажите, Калерия Ивановна, я посмотрю.

— А чего показывать? Ученого учить — только пор-

тить. Куда уж нам, серым. Ты вон про Станиславского знаешь, в театр ходишь...

Она отошла с полной убежденностью в справедливости ею сказанного. И убежденность эта была под стать фигуре Калерии Ивановны — такая же неколебимая, надежная, кареатидоподобная.

«Почему? — думала Юлька. — От меня она не видела ничего плохого. Зачем же так?» Враждебность, явственно прозвучавшую в голосе и словах Калерии Ивановны, Юлька объяснить себе ничем не могла.

— Не обращай внимания, — посоветовала Антонина Сергеевна, слышавшая этот разговор. — Бесится баба, а чего — сама не знает. Забуди!

Произошел и другой, не менее неприятный случай, но совершенно иного рода. Как ни странно, он тоже был связан с ее выступлением на собрании.

В мясном отделе, помимо длинного ехидного продавца, работал еще один, которого звали Саша. С тоненькими, в ниточку, усиками, пышными баками, он напоминал Юлке лихих гусаров времен Отечественной войны 1812 года, знакомых ей по многочисленным репродукциям и литографиям, посвященным этому героическому периоду. Сходство подчеркивалось Сашиной военной выправкой, оставшейся, скорее всего, после недавней армии: грудь вперед, плечи разведены, между лопатками можно засунуть кулак.

После собрания Саша несколько раз подходил к молочному отделу, не имея к тому никакой служебной необходимости, и, повертевшись некоторое время, молча с достоинством удалялся.

Антонина Сергеевна заметила его маневры и сердито спросила:

— Какого лешего этот-то сюда наладился?

— «Любовь, любовь...» — пропела Лиза, продолжая наливать сметану в поставленную на весы банку, и сразу превратилась в этакую Кармен, неповторимую и прекрасную во всем, даже в своем легкомыслии.

— Прекрати балаган, — бросила ей Антонина Сергеевна. — Какая еще там любовь?

— Не поняли? — Лиза перешла на свой обычный голос. — Саша из мясного в нашу Юлиньку влюбился.

Не с первого взгляда, зато с первого выступления. На собрании, я имею в виду.

Юлька, смеясь, притянула к себе Лизину голову, шепнула:

— Жуткая ты болтушка, Лиза!

— Я не болтушка, а информатор.

Спустя день, то есть это было вчера, Юлька помогала разгружать машину. Она шла извилистым полутемным коридорчиком, неся кассету с пакетами молока, когда перед ней, словно из-под земли, вырос Саша. Конечно же, он ее поджидал.

— Пропусти! — тихо потребовала Юлька. — Слышишь?

Нет, он не слышал и не отвечал, только смотрел ей в глаза, одновременно стараясь вырвать из ее рук металлическую кассету-решетку, которую она инстинктивно приподняла и прижала к груди, защищаясь. Юлька цеплялась за эту решетку, как могла, изо всех сил. Но Саша коротко дернул ее, Юлькины пальцы разжались, решетка упала набок, посыпались по полу пакеты. В тот же миг Юлькину щеку и шею опалило его горячее дыхание, к ней тесно приблизилось и вжало в стену чужое, окаменевшее в напряженном усилии, упрямое тело. Отчаянный стыд парализовал движения, но продолжалось это недолго — силы словно удесятились, она стала истово молча сопротивляться, выворачиваясь ужом из сжимавших ее тисков. «Ну чего ты, чего?» — слышала она Сашин шепот.

Внезапно тиски ослабели, и Юлька едва не упала, когда в последний раз рванулась, им уже не удерживаемая.

Рядом стояла Калерия Ивановна и обстоятельно рассматривала открывшуюся ей картину: растерзанную Юльку, поспешно отступившего Сашу, молочные пакеты на полу, один из которых был раздавлен во время короткой и яростной схватки.

Юлька тоже посмотрела на молоко. Белая лужица жирно поблескивала в неверном свете далекой и тусклой лампочки. Прибежала кошка — серого цвета, большая. Она стала жадно лакать молоко, время от времени встряхивая мордочку и облизываясь. «Откуда кош-

ка? — подумала Юлька. Никаких других мыслей в голове не было.

— Смотрю, быстрая ты, — сказала Калерия Ивановна после несколько затянувшегося молчания. — Как в общественной, значит, жизни быстрая, так и в личной. Ну-ну!

Юлька нагнулась, стала подбирать пакеты. Саша повернулся уйти.

— Эй-эй, кавалер! — крикнула ему вдогонку Калерия Ивановна. — А деньги? За разлитое молоко кто будет платить? Ты давай-ка в кассу двадцать пять копеек пробей. Слышишь?

Саша не ответил, скрылся за поворотом коридора.

— Я заплачú, — не поднимая лица, буркнула Юлька.

— Выходит, полюбовно у вас. Свадьбу-то когда будешь справлять?

Калерия Ивановна возвышалась над Юлькой могуче и монументально, как памятник. Только вот чему памятник? Героическому Юлькиному сопротивлению? Или ее стыду? Впрочем, кто из людей захотел бы увековечить свой стыд? В детстве Юлька часто жалела, что у нее нет старшего брата. Сейчас она снова, как никогда остро, пожалела об этом. Был бы старший брат — веселый и сильный, — он бы заступился. А она? Что может сделать она?

— Брысь! — бросила Юлька кошке, вкладывая в это слово все, в ней накипевшее.

Глава пятая

Отработав пять дней, Юлька получила пятидневный отдых. Такова принятая в магазине система: во всех отделах продавцы распределены на две смены, каждая из которых работает по пять дней от открытия до закрытия, а потом столько же отдыхает. Узнав об этом сразу же по приходе в магазин, Юлька даже обрадовалась.

Четкий временной раздел между работой и жизнью вне работы, казалось бы, облегчал Юлькино намерение

существовать в двух независимых друг от друга сферах — несчастливой и счастливой.

Сейчас, правду сказать, она сильно поколебалась в своем положительном мнении о работе по пятидневкам. Отстоять, как здесь говорят, смену оказалось ей почти не по силам. Последние два дня, уже начиная с самого утра, она едва таскала ноги от усталости. Физическая эта усталость, всю пятидневку копившаяся в Юльке, как электричество в поставленном на подзарядку аккумуляторе, едва не сыграла с ней невеселую шутку.

Юльке поручено было расфасовать в пакеты столовые яйца. Операция, казалось бы, проще не придумаешь: бери пакет, раскрывай, осторожно укладывай по десятку в каждый, ставь пакет на прилавок — тоже осторожно, чтобы не пострадал хрупкий продукт. Она все так и делала, все, как надо, хоть и удивлялась тому, что простейшие эти движения требовали слишком трудных усилий, вовсе не пропорциональных исполняемой работе.

Товар отпускала Лиза. Пакеты разбирали быстро, и Юлька все время торопилась пополнить запас.

Оставалось расфасовать совсем немного яиц, когда к прилавку подскочила средних лет покупательница в сбившейся набок косынке. Имела она вид человека, ограбленного до нитки, да еще в чужом незнакомом городе.

— Что ж это творится?! Что творится?! Как называется?! — Она выкладывала яйца на прилавок, крича так, как кричат только «караул». — Считай! Считай! Ну, подсчитывай!

Яиц в пакете оказалось девять.

Тупая от переутомления, заторможенная Юлька не успела как следует испугаться, а Лиза уже успокоила покупательницу, вложив в пакет не только десятое, но и лишнее, одиннадцатое, яйцо.

Вместе с Лизой они пересчитали яйца в оставшихся пакетах — десять, десять, десять... Юлька вспомнила Клавин обвес. Все это было красноречивой иллюстрацией к речам директора в защиту Клавы. Вот так...

Почти целых два дня Юлька провалялась дома на тахте, отдыхала, старалась не думать ни о чем. Но

мысли ее то и дело возвращались к магазину. Стычка с великаншей Калерией, наглость мясника-гусара Саши, обособленность Клавы, казавшаяся Юльке зловещей, неудачная фасовка яиц — это были не лучшие и не самые приятные воспоминания. Правда, была еще Майя, была Антонина Сергеевна, Лиза, было выступление на собрании, поддержанное большинством присутствовавших.

И было еще одно — необычайное, что сопровождало Юльку все это время, постоянно занимало и будоражило.

Был кораблик!

Да-да, тот самый кораблик, который впервые она увидела на больничном заборе и еще потом, когда выходила вместе со Славкой от Валерии. Теперь кораблик переместился к ее дому, «доплыл» до подъезда.

Каждое утро, идя на работу, Юлька останавливалась и рассматривала этот кораблик, нарисованный на асфальте разноцветными мелками: раздутые ветром паруса, стремительные и плавные обводы, вечное движение навстречу отступающему горизонту.

Дважды так получалось, что одновременно с Юлькой к кораблику подходила дворничиха Рая.

— Ловко изображает! — с похвалой отзывалась Рая о неизвестном художнике. — Ох, молодец, от шельма! И ведь не поймаю никак! Когда успевает?

Вдосталь налюбовавшись рисунком, Рая брала шланг и пускала струю воды на кораблик. Затем она размашисто мела по нему своей огромной метлой и снова пускала воду.

Юлька жалела кораблик. Очертания его становились зыбкими, блекли и смазывались. Она тут же придумала, будто на кораблик обрушивается свирепый заряд дождя, который застилает его непроглядной пеленой и, как бы растворяя в себе, заставляет исчезнуть. Однако исчезнуть не совсем, не навсегда. Кораблик лишь на какое-то время делается невидимым для глаза, продолжая плыть наперекор стихиям.

Но должно быть, нечто в этом роде и происходило, поскольку на завтра кораблик снова появлялся в своей ничем не нарушенной первозданности.

— Дитя так не разрисует, — высказывала Рая догадку после молчаливых продолжительных размышлений. — Небось ученый! — Она снова бралась за планг и метлу, сердито приговаривая: — Дождется он у меня! Всю ночь глаз не сомкну, а поймаю!

Раина угроза изловить живописца натолкнула Юльку на решение сделать это самой во избежание шумной сцены, на которые Рая была охоча.

Появление рисунка отзывалось в Юльке томительным волнением. Что-то в этом во всем было особенное, нынче не принятое, возвышавшее ее до недостижимого уровня неприступности, свойственного лишь гордым средневековым красавицам, Прекрасным, так сказать, Дамам. Было в появлявшемся каждое утро кораблике нечто от рыцарского бескорыстия, рыцарской же безмолвной преданности, рыцарского «Не требую награды!».

В общем, Юлька должна была признать, что мысли ее кораблик будоражит. Так что Раино обещание поймать нарушителя явилось не причиной, а поводом или, скорее, катализатором Юлькиного решения сделать это самой, причем в возможно сжатые сроки.

Ей представлялось очевидным, что кораблик обретает свою новую жизнь в сравнительно небольшом створе времени — где-то от одиннадцати до часу. Скорее всего, он появляется после того, как по четвертой программе телевидения заканчивается показ фильма и окна в домах начинают гаснуть одно за другим, а прохожие попадают реже и реже. Однако рисунок возникал, конечно же, до того, как закроются двери метро, ибо заниматься живописью с риском не попасть на последний поезд означало идти на жертвы чрезмерные даже по понятиям рыцарским.

Задумано — сделано!

В одиннадцать часов вечера Юлька заняла позицию на маленькой скамейке у края детской площадки. Скамейка была надежно скрыта от случайного наблюдателя лохматым кустарником. Никакой фонарь поблизости не горел, и от места, где находился рисунок, — оно освещалось лучше — увидеть Юльку было трудно, почти невозможно.

Оставалось ждать.

Город постепенно стихал.

Вдруг ей сделалось страшно. Непривычно тихий, в причудливых тенях двор, казалось, таил опасность и с каждой минутой все более накапливал ее повсюду: за углами домов, в непроглядной тьме кустарника, за стволами деревьев.

Захотелось, не оборачиваясь, единым духом влететь по лестнице, кинуться в квартиру, крутануть за собой на два поворота замок, повсюду зажечь свет — все лампы в комнатах, кухне, ванной, включить на полную мощность радио, звонить по телефону, набирая подряд любые случайные номера.

Ледяная корочка покрыла кожу, все тело сотрясала противная мелкая дрожь.

Юлька приподнялась уже, чтобы бежать, когда из соседнего дома вышла женщина с собачкой.

Когда женщина с собачкой ушла и Юлька снова осталась одна, страх, прежде ею владевший, прошел, казалось, его и не было.

О и появился около двенадцати. Спокойно огляделся вокруг. Вынул из заднего кармана джинсов коробочку. «Мелки», — сообразила Юлька. Стал насвистывать. Умолк. Быстро и легко присел. Начал рисовать.

Юлька решила: «Пора!»

Стараясь не производить шума, она медленно встала и, осторожно ступая, двинулась вперед.

Он, видимо, почувствовал, что не один, и обернулся. Наверное, все-таки ждал, что рано или поздно она сюда придет: ни растерянности, ни удивления на его лице Юлька не прочла.

Пауза затягивалась. Он по-прежнему сидел на корточках, держа в одной руке мелок и упираясь им в асфальт. Она стояла над ним, чуть наклонив голову, руки повисли вдоль бедер. Поза могла показаться унылой и даже скорбной, хотя ничего похожего Юлька не испытывала.

— Очень красивый кораблик, — сказала наконец Юлька, пристально разглядывая место, где тот обычно был нарисован и где сейчас его не было.

— Я нарисую еще.

— Зачем? — спросила Юлька и, подумав, добавила: — Вообще, зачем все это?

Он поднялся, отбросил в сторону мелок. Потом достал платок и тщательно вытер им пальцы.

Она все так же упорно смотрела туда, где привыкла видеть кораблик. Он взглянул в том же направлении.

— Бригантина, — сказал он и сделал такой жест рукой, будто показывал ей кораблик, будто кораблик все-таки продолжал существовать.

— Пиратская? — спросила Юлька.

— Нет. Конечно, нет.

— Тогда какая?

— Мирная бригантина. Приписана к Зурбагану.

— И направляется в Лисс?

— Ш-ш-ш! Это тайна! Ее никто не должен знать. Остерегайтесь!

— Хорошо, я буду осторожна.

— Между прочим, как всякий корабль, бригантина имеет имя. Имя пишется впереди на борту, на корме, на спасательных кругах и на разных других предметах.

— На баграх, например.

— Да. Вы видели?

— Нет. Где-то читала.

— Имя бригантины вам известно?

— Она проходила всегда далеко, я не могла разобрать. Да еще дождь, туман... Или ее название — тоже тайна?

— Имя корабля тайным не бывает. Бригантина носит женское имя. «Юлия».

— Откуда вы знаете?

— Слышал. Хорошее имя, правда? Красивое.

— Никогда над этим не задумывалась.

— Но это так.

Юлька наконец посмотрела на собеседника. Сегодня очки на нем были с прозрачными стеклами, а не затемненные, как прошлый раз. Насколько она могла разобрать в неясном свете, глаза глядели с тревогой и ожиданием.

— Как зовут капитана? — спросила Юлька.

— Понятия не имею. Я знаком только с юнгой.

— А его?

— Олег.

Он протянул руку.

Глава шестая

Юлька позвонила в магазин Виктору Егоровичу и спросила, приходите ли ей на заседание комиссии, которое должно было в этот день состояться.

— А как же, — сказал директор. — После обеда как раз и соберемся. Сейчас-то у нас тут — Содом и Гоморра. Тогда хоть потише будет.

Новый Юлькин знакомый, Олег, предлагал поехать с утра куда-нибудь за город, покупаться, покататься на лодке. День для этого — лучше не придумаешь. В небе ни облачка, лишь где-то очень далеко невидимый отсюда самолет рисовал белую полосу, которая, впрочем, могла иметь другое происхождение: быть шлейфом бального платья доброй волшебницы. Конец шлейфа пушился, редел и постепенно таял в воздушной синеве.

Ей было жалко, что она отказалась, однако деваться некуда, дело есть дело.

Настроение было приподнятое, Юльке все время хотелось улыбаться, и она не отказывала себе в этом желании, чем невольно порадовала соседку Полину Савельевну, заходившую узнать, не надо ли чего Юльке из продуктов.

Олег оказался студентом юридического факультета МГУ. Они вчера долго ходили и разговаривали. Сначала Юлька пошла провожать его до метро, потом он Юльку до дома, потом опять она, потом снова он. В конце концов ему едва удалось проскользнуть в закрывавшиеся двери станции.

Разговаривали о многом и, конечно же, о кораблике. Юлька не ошиблась — Олег учился рисовать, он окончил специальную художественную школу, которая расположена напротив Третьяковской галереи. Родители мечтали видеть сына художником, но у сына была совсем иная, своя мечта. Он твердо хотел стать следовате-

лем по особо важным делам. После поступления в университет папа и мама смирились, и теперь дело за ним, Олегом.

Правда, до настоящей работы еще далеко: следователем по особо важным делам не становятся в два счета. А пока что в шутилом судебном процессе над Остапом Бендером, который они затеяли с ребятами на курсе, ему доверили расследовать преступления великого комбинатора и составить обвинительное заключение. Хвастливые утверждения подследственного, будто бы он чтит уголовный кодекс, оказались, как и предполагал Олег, чистейшим обманом. Стараниями Олега Остапу Ибрагимовичу Бендеру было предъявлено обвинение сразу по нескольким статьям: мошенничество, хищение личной собственности, умышленная порча государственного имущества, шантаж, контрабанда, незаконный переход государственной границы и тому подобное. В ходе судебного разбирательства все обвинения подтвердились, несмотря на изощрения адвокатов.

Вне всякой связи с рассказом Юлька вдруг задала вопрос, который вертелся у нее в голове с начала знакомства:

— Олег, почему вы не подошли ко мне, когда я вышла от папы? Ну там, в больнице?

Ее встретил долгий серьезный взгляд.

— Не хотел рисковать. Не мог,— поправился он затем.

— Что значит рисковать?

— Вы бы не стали знакомиться на улице. Наверняка!

Юлька вспоминает это его признание и чувствует, что оно ей приятно, греет и вызывает нечто похожее на гордость за себя, за свою собственную особу. Подумать только, пустил армаду кораблей, стремясь завоевать ее расположение. Может ли бедная девушка устоять перед целым флотом?..

В магазин Юлька пришла сразу после обеденного перерыва. В кабинетике Виктора Егоровича сидел старик — пенсионер местного значения. Как видно, сидел давно. Лицо у директора было очумелое.

— В сотый раз вам говорю: фундамент мы под мотор

подвели. Фундамент! — втолковывал директор старику. — Вибрацию он полностью гасит, шума быть не должно. Не может его быть, шума!

— А он есть, — не сдавался старик. — Еще хуже свербит. Раньше вроде как кувалдой било, а теперь эдак тоненько — вззз, вззз, вззз. Слыхал, как мины летают?

— Привелось, — сказал директор.

— Во! Выходит, для всех война в сорок пятом окончилась, а для меня идет по сю пору.

— Да уж вижу, — сказал директор. — Ты, дед, как нацепил автомат в войну, так до сих пор и не снимаешь, лупишь очередями в кого попало.

— Никак на «ты» перешел? — незлобиво справился старик. — Ничего, можно. На Руси царя-батюшку и того на «ты» называли. Пока не взяли моду манерничать.

Тут пенсионер принялся рассказывать эпизоды из жизни дома Романовых. Начал он с Николая II Кровавого, то есть с конца. К счастью, дальше императрицы Александры Федоровны дело не пошло, директор решительно и резко сказал:

— Хоть всех царей перечисли, подъемник останавливать не буду!

— Поживем — увидим!

Старик встал, опираясь на палку, и как-то по-особому дернул при этом плечом, так что Юльке и впрямь показалось, будто он поправил свой неразлучный автомат.

— Вот и работай с такими, — сказал директор и стал крутить телефонный диск, — повышай культуру обслуживания!.. Алло!.. Мария Степановна?.. Нету?.. Это ты, Калерия Ивановна?.. Зайди на минуту.

Виктор Егорович позвонил по телефону еще раз и вызвал Иноземцева, старшего бухгалтера. Иноземцева он попросил сообщить председателю цехкома и секретарю комсомольской организации, что комиссия соберется через десять минут.

Появилась Калерия Ивановна. Увидев Юльку, удивилась:

— Ты чего здесь? Тебе отдыхать положено.

— Комиссию собираем, — пояснил директор. — Слушай, Калерия Ивановна, пенсионер этот наш, — Виктор

Егорович показал глазами на потолок, — опять приходил. Горкомом партии грозит и Министерством торговли.

— Старый хрыч, — сказала Калерия Ивановна.

— Может, подъемник будем пускать, когда он не спит? Чтоб не беспокоить?

— Пробовали. Тут же и прибежал.

— Может, когда спит?

— Пытались. Сразу проснулся и сюда. Чуткий.

— Двух дней подъемник не проработал. Зря только средства ухлопали. Эх, дела!

— Консервировать придется.

— Похоже, — огорченно отозвался директор. — Похоже, что навсегда.

— Почему навсегда? — не согласилась Калерия Ивановна. — Как помрет старик, так и пустим. Плох на вид, долго не протянет. Машину бы не раскурочили до того часа.

Директор некоторое время смотрел на Калерию Ивановну, подперев кулаком щеку. Молча смотрел, не моргая.

— Ты иди, Калерия Ивановна, работай.

Калерия Ивановна удалилась.

Ее сменил Иноземцев. Вошел спокойно, по-хозяйски. Чувствовалось, с директором он на равных.

Юльке уже успели объяснить, что старший бухгалтер магазина фигура важная, государственный контролер, второй человек после директора. Но это официально — второй, фактически же Иноземцев занимал особое место в магазинной иерархии. Толкуя Юльке о положении старшего бухгалтера, Антонина Сергеевна упирала на один важнейший, с ее точки зрения, момент: в магазине Иноземцев бесменно работал двадцать с лишним лет, тогда как директоров за то же время поменялось не менее десятка.

За Иноземцевым вошла Майя. Подмигнула Юльке, состроила гримасу — напустила на себя нарочитую серьезность: мол, мы комиссия, с нами не шути. Села.

Устроившись на стуле и бережно подпернув брюки, чтобы не пузырились на коленях, старший бухгалтер завел с директором разговор об издержках обращения,

наценках и еще о каком-то бонусе, который оплатил магазину пивоваренный завод и который предстояло распределить.

Не первый раз в терминологии, принятой в магазине, попадались непонятные Юльке слова.

— Что такое бонус, Виктор Егорович?

Ответил Иноземцев, повернув к Юльке свое очень белое узкое лицо, снабженное несколько великоватым для этого лица носом:

— Бонус — премия. Торговым предприятиям ее выплачивают поставщики за сбор и возврат порожней посуды. А уж мы от их щедрот премию распределяем между работниками.

— Для сбора посуды специальный пункт полагается иметь, — вздохнул директор. — А у нас его нету. И открыть негде. Берем посуду только в обмен.

— И платим заводам штрафы за невозврат оборотной тары, — добавил Иноземцев. — Доходов лишаемся, заработанных своим же горбом. И бонус получаем — копейки.

— Это так, — скучно согласился директор. — Кругом проблемы.

— К. нам во двор, — сказала Майя, — приезжает иногда фургон и собирает у жильцов посуду. Правда, редко.

— Частные предприниматели. Сколько за банку-то платят? Половину цены или больше? — спросил Иноземцев.

— Побольше, — ответила Майя. — Но все равно все рады: банки никуда не надо носить, не стоять в очереди. Приемные пункты плохо работают, ведь знаете.

— Да уж, — подтвердил Иноземцев, — по всему городу — из рук вон.

— Слушай, Илья Васильевич! — оживился вдруг директор. — А она дело говорит. Ну, дадут наши комсомольцы! — Он быстро поднялся со стула, подошел к Майе и Юльке и взъерошил им волосы, как маленьким девочкам, забыв или не зная, что женская прическа подобного обращения не выносит. — Не зря мы их в мозговой трест записали.

От директорских восторгов Юлька изрядно сму-

тилась. В словах Майи никакой идеи или предложения она не усмотрела, а свое выступление по поводу витрины вовсе не была склонна преувеличивать. Юльку до сих пор удивляло, что уродства картонного окорока до нее никто не заметил.

Иноземцев, как показалось Юльке, тоже не разделял энтузиазма Виктора Егоровича, смотрел отчужденно и задумчиво, склонив голову, увенчанную хорошо сохранившейся, тронутой сединой шевелюрой.

Появилась наконец Нина Семеновна Лобанкова.

— Дисциплина хромает, Нина Семеновна, — нетерпеливо отметил директор и продолжал безо всякого перехода: — Майя тут высказала одну интересную мысль, давайте-ка ее обсудим. О том, что по возвратной стеклотаре у нас вечная задолженность перед поставщиками, знаете. Так вот, предлагается следующая система сбора посуды от населения. В домах трех ближайших массивов — а в них живет основная масса наших покупателей — вывешиваем объявления: «Дорогие товарищи! Продовольственный магазин номер шестнадцать организует прием порожней посуды непосредственно во дворе вашего дома. Посуда принимается по понедельникам в следующие часы». Часы проставим разные. Понятно?

— Пока нет, — сказал Иноземцев.

Остальные промолчали.

— Слушайте дальше. Каждый понедельник Алексей Андреевич выезжает в эти дворы на электрокаре...

— Простите, на чем же это электрокаре? — любезно осведомился старший бухгалтер. — Откуда взялся электрокар, Виктор Егорович? С неба свалился? Тогда это луноход, наверное.

— Сегодня прибудет! — сказал директор с такой гордостью, с какой, пожалуй, и Галилей не произносил свое знаменитое: «А все-таки она вертится!» — Выбил я его для нас. Имеем!

— Любопытно.

Иноземцев радоваться не спешил. Зато все другие приободрились.

— В каждом из дворов наш электрокар появляется в строго определенное время, на один час, и, собрав посу-

ду, транспортирует ее к магазину, свозит во двор. В ящиках, конечно. Заранее договариваемся с Торгтрансом о машинах. Тару они вывозят на заводы в тот же день, поскольку хранить ее нигде. Теперь понятно?

— Скорее, занятно, — сказал Иноземцев. — Видите ли, что-нибудь эдакое начать всегда легче, чем продолжить. Я вам сейчас нарисую, как все это примерно будет выглядеть. Уже во второй понедельник автобаза не пришлет машину. Что тогда? Стражу ставить у ящиков? Или таскать их в торговый зал? Это же материальные ценности, их разворовать могут! Дальше. В четвертый или пятый понедельник встанет на подзарядку электрокар. Зато машины на сей раз придут к условленному времени тютельница в тютельку. Чем это грозит, известно: оплата холостого пробега, штраф, категорический отказ снова прислать транспорт. Но и это еще не все. Обманутые в своих ожиданиях покупатели тащат авоськи, полные бутылок, прямехонько в магазин. Каша заваривается такая, что и не расхлебашь!

— Живописная картина! — Директор даже поежился. — Но скажи ты мне, дорогой Илья Васильевич, до каких же пор будет держать нас за горло кустарщина, круговая порука безответственности, спасительные ссылки на объективные причины да обстоятельства? Почему в промышленности есть такие понятия, как график, ритм, а у нас о них вроде не догадываются? Ты представь, если бы так рассуждали на заводе в Тольятти. Да они свой конвейер не пустили бы ни в жисть! А ну как ярославские шинники покрышек к сроку не поставят, другой смежник — краски, третий — стекло? Сидели бы да чесали в затылке, как мы сейчас чешем. Жизнь-то вперед идет!

— Вперед, — согласился Иноземцев. — Куда ж ей еще идти, жизни? Идет вперед, ключом бьет.

— И все по голове. Мы это знаем, слышали.

— Но согласитесь, Виктор Егорович, что сравнивать работу автогиганта с нашей, простите, конопырькой, все равно что равнять... — Иноземцев замолчал, подыскивая пример похлеще.

— Цену на «Жигули» с ценой на пустую банку изпод майонеза, — подсказал директор. — Верно, цены не

сопоставимые. Зато цена безответственности и тут и там очень высокая. И не каждый раз ее выразишь в цифрах. Вот живут вокруг нас тысячи покупателей — простых, как говорится, советских людей. А их квартиры заполняются банками, которые сдать некуда, но и выкинуть вроде бы бесхозяйственно.

— Что же дальше? — холодно осведомился старший бухгалтер.

— Как будто ничего особенного, — сказал директор. — Только в людях помаленьку да полегоньку скапливается раздражение. И его, это раздражение, никакой ценой не измеришь!

— Драматизируете. — Иноземцев немного покривился. — Гипербола больше в литературе уместна, а не в экономике. Здесь иные законы господствуют. И иные мерки.

— Не знаю уж, какие там мерки, а вот мера, по моему, должна быть одна — мера высокой личной ответственности за дело, которое тебе доверили. И неважно, малое это дело или большое с точки зрения, так сказать, глобальной. Важно, чтобы ты его представлял большим и значительным, чтобы твердо знал, что нужно оно, что необходимо!

В неожиданно возникшем споре Юлька была всецело на стороне директора. Возможно, то, что он затевал с приемом порожней посуды, могло обернуться для магазина излишними хлопотами, которых никто сверху не требовал. Но именно это и подкупало.

— Ваше мнение, товарищи?

Директор посмотрел по очереди на Юльку, Нину Семеновну и Майю. Майя сказала:

— Комсомольцы поддерживают.

— Надо попробовать, — откликнулась Нина Семеновна.

— Да, — сказала Юлька.

Иноземцев задумчиво потрогал свой нос и тоже кивнул.

В кабинете у директора они просидели больше двух часов, рассматривая, обсуждая и взвешивая предложения, которые были выдвинуты на общем собрании и тогда же наспех записаны Ниной Семеновной. Юльку

поразило, что так много простых и очевидных вещей можно было сделать для улучшения работы магазина и что все это, несмотря на простоту и очевидность, до сих пор сделано не было. Она поудивлялась вслух. Виктор Егорович ответил:

— Работы выше головы, заедает людей текучка, вот и сужают они свои обязанности до минимума, ограничиваются лишь тем, за что в первую очередь с них спрашивают.

— Да, это так, — подтвердил Иноземцев. — Есть три-четыре предела, они и замыкают круг, по которому ходим: план, сохранность ценностей, санитарное состояние.

— Обвесов чтоб не было, — дополнила Лобанкова.

— Пойдем дальше! — Директор снова вводил разговор в деловое русло.

Дальше шло предложение об изменении часов доставки молочных продуктов. Высказано оно было Юлькиной наставницей Антониной Сергеевной. Дело в том, что молочный завод завозил в магазин свою продукцию в самое неопределенное время. С утра или в обед, но чаще всего машина с молокозавода прибывала к вечеру, иногда перед самым закрытием магазина. При такой анархичной доставке отдел не имел возможности реализовать всей продукции в тот же день и значительная ее часть оставалась в магазине до утра. Покупатели, узрев на пакетах молока вчерашнюю дату, приходили в полное разочарование. Следовали письменные жалобы, устные замечания и нарекания. Часть продуктов попросту скисала, кефир приобретал свойства, прямо противоположные тем, какие имел на сутки раньше.

Процент возвращаемого заводу молока и других продуктов увеличивался, а с ним росли и убытки, поскольку возврат шел по более низкой цене.

— Да, закавыка, — вздохнул директор. — На завод я вчера ездил, думал, решу вопрос к нашему совещанию. Просил установить четкий график доставки, хотел, чтоб только утром возили.

— Ну и как? — усмехнулся Иноземцев.

— Какое там! Слушать не хотят. Лучше, говорят, не

рыпайтесь, а то на ночную доставку переведем — еще не так запоете.

— И переведут, — пообещал Иноземцев. — С них станет. А отказ чисто формальный. Просто пораскинуть мозгами нет охоты. Это ведь весь график надо перекопачивать. Кому нужны лишние заботы? Вози, как возил, — и точка!

— Никому ничего не надо, — в сердцах сказала Нина Семеновна. — Куркули несчастные! Сами-то небось свежее молочко попивают.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — сказал Виктор Егорович. — Что у нас дальше?

Нина Семеновна полистала и почитала про себя свои записи, по-детски шевеля при этом губами. Наконец нашла нужное.

— Предлагается создать при магазине совет покупателей и, кроме того, регулярно, раз в квартал, проводить покупательские конференции, хотя бы заочные.

— В план включаем? — Виктор Егорович вопросительно глянул на Майю. — Как комсомольцы?

— Поддерживают, — ответила вместо Майи Нина Семеновна, и Майе осталось только кивнуть: «Ага!»

— Однако состав покупательского совета продумать надо хорошенько. Несколько человек у меня есть на примете. Шофер один недавно тут приходил, на междугородных рейсах работает. Но главное, нам председатель совета требуется сильный. Крепкий мужик, головастый, умелый, и чтоб с душой относился к делу, помогал, чтоб жил заботами магазина, чтоб...

— Ну-ну-ну, — охладил директорский пыл Иноземцев. — Где вы такого найдете? Да еще на общественных началах!

— Уж и помечтать нельзя! — Директор смущенно поскреб в затылке. — Верно, малость перехватил.

Вот тут-то Юлька впервые — таково было ее глубокое убеждение — высказала действительно самостоятельное, важное и ценное предложение. И не какое-то там обычное предложение, которое лежит на поверхности и доступно каждому, как, например, ее же совет переоборудовать оконные витрины. Нет, предложение было особого рода, и до него не всякий бы додумался. То, что

она собиралась сказать, могло быть воспринято даже как невероятная глупость и, возможно, так и выглядело — глупостью, но Юлька чувствовала, что попадает в точку, и это чувство с каждой секундой превращалось в уверенность, хотя объяснить или доказать свою правоту она бы, наверное, не сумела.

— Я думаю,— робко сказала Юлька,— есть один подходящий человек.

— Неужели есть такой? — с большим сомнением спросил директор.— Я его, что ли, не знаю?

— Знаете,— возразила Юлька.— Очень хорошо.

Все с любопытством ждали, кого же она все-таки назовет, кто он есть, этот суперпокупатель.

Юлька торжественно провозгласила:

— Старик со второго этажа. Пенсионер местного значения. По-моему, самая подходящая кандидатура.

Создалось впечатление, что Юлькины слова оглушили присутствующих. Точнее даже, не оглушили, а оглоушили.

— Неуместный розыгрыш,— сурово отчеканил директор.— Соображаешь? Треклятый старик только и ждет, чтобы веревки из нас начать вить.

— Да, уж никого не пощадит,— подлила масла в огонь Нина Семеновна.— Замотал он меня как председателя цехкома своими требованиями.

— Он и ко мне обращался,— добавила Майя.— Вы, говорит, комсомольцы и должны уважать преемственность поколений, а не глушить своих героических отцов и дедов подъемником, как рыбу динамитом. У всех побывал!

Юлька понимала, что каждый из возражавших ей по-своему прав,— старик всем здесь изрядно попортил крови. Но она не могла расстаться с ощущением, что тоже права, предлагая его кандидатуру. И ее правда — так, во всяком случае, чувствовала Юлька — была правдой какого-то иного, более высокого и обобщающего порядка, ибо ее правда зиждилась не на нечаянно возникшей ссоре старика с магазином по поводу подъемника, а заключалась в сопереживании ему глухого стариковского одиночества, неприкаянности, смертельной его боязни признать свою полную ненужность. Совсем недавно, ког-

да Юлька не знала, куда устроиться на работу, она сама испытала нечто подобное. И пережитые ею собственные огорчения заставляли сейчас остро чувствовать несчастье другого.

— Он хороший, — сказала Юлька тихо, понутив почему-то голову. — Очень хороший и очень одинокий старик...

Больше Юлька ничего не могла сказать и ничего не сказала. Она продолжала сидеть, виновато опустив лицо, жалея старика и кляня себя за то, что не сумела его защитить. Так и сидела, как школьница, вызванная к завучу за шалость, которая выглядела шалостью лишь в глазах примитивных, ничего не понимающих взрослых, а всем ребятам представлялась добрым и благородным поступком.

Молчание прервал Иноземцев. Прервал вопросом, который, казалось бы, не имел никакого отношения к старику и ни к чему-либо другому, о чем здесь шел разговор.

— Послушайте, Юля, — ровным голосом спросил Иноземцев, — вы бы не хотели работать в бухгалтерии?

По напряженной задумчивости, которая воцарилась после заданного Иноземцевым вопроса, Юлька поняла, что его слова имеют какой-то второй, очень важный, но непонятный ей смысл. Она ничего не ответила — то ли растерялась, то ли мысли ее были заняты стариком. Иноземцев вопроса не повторил и ни на чем не настаивал. Зато в головах присутствующих что-то неожиданно повернулось.

— Хм-хм... — Директор поправил на столе стопку бумаг, переложил с места на место ручку. — Коли по здравому размышлению...

— Вообще-то... — начала Нина Семеновна, но больше ничего не сказала, снова задумалась.

И тут директор вдруг принял вид человека, осененного до чрезвычайности счастливой какой-то мыслью, возможно даже, открытием.

— Точно! Председателем совета старикана надо ставить! Попросим его на молочный завод съездить. От лица, так сказать, покупателей. Он же там!.. Представляете?

Надо думать, каждый исключительно образно и живо представил себе, как и х неугомонный старик стирает в порошок нерасторопных молочных деятелей, — смеялись все от души, но азартнее и дольше других — сам директор. От персонального пенсионера местного значения он имел забот куда больше, чем кто-нибудь еще, вот и смеялся пропорционально полученному.

— Остается уговорить другую сторону, — напомнил Иноземцев.

— Юлю! Юлю направим! — Виктор Егорович говорил об этом так, словно старик не мог не послушать Юльку, словно в ее просьбе он никогда не решился бы отказать. — Ну, и я с Юлей, понятно, пойду. Уговорим! Добрый у нас план получается, деловой!

Лишь много спустя Юлька узнала, что приглашение работать в бухгалтерии, высказанное Иноземцевым, являлось в его устах лучшей похвалой, признанием в человеке высших достоинств, не подлежащих ни малейшему сомнению. С этим в магазине не могли не считаться.

Глава седьмая

Все-таки Юлька ошиблась, когда, впервые увидев Олега в автобусе, решила, будто он только что приехал с юга. Оказалось, ничего подобного. Олег готовился к экзаменам, лежа на пляже в Серебряном бору, и очень загорел, стал похож на головешку — по его собственному выражению.

Они шли из кинотеатра «Москва», с площади Маяковского. Шли пешком к Юлькиному дому. Пока смотрели фильм, над городом пролился обильный летний дождь, вечерний воздух был влажен и свеж. Олег шел рядом. В серебрившемся под светом фонарей легком тумане розовато-белая, суженная в талии рубашка Олега чем-то напоминала парус. Олег держал Юльку за руку, переплетя свои и ее пальцы, и было в этом что-то от детсадовской боязни потеряться, остаться одному, была наивная детская доверчивость и совсем не детская нежность.

Юлька выразила сомнение в целесообразности подго-

товки к экзаменам на пляже. Олег объяснил, что его система продумана во всех тонкостях и всецело себя оправдала. Подтверждение тому — три пятерки, четверка и единственная тройка, полученная на экзамене.

— Тройка, конечно, самое лучшее подтверждение, — позлорадствовала Юлька.

— Именно, лучшее, — сказал Олег. — Три дня перед последним экзаменом лил дождь. На пляж не пришлось ездить.

— В чем состоит система?

Как выяснилось, все очень просто. В дни подготовки к экзаменам человека тянет на пляж или к любым другим развлечениям с неодолимой силой. На борьбу с этой силой уходит значительная часть энергии мысли, так что на вдалбливание в голову очередного предмета ее почти не остается. Поэтому единственно разумным будет совместить развлечение с обучением, замкнуть враждебные силы друг на друга и этим их полностью нивелировать. Ни кино, ни театр такому совмещению не подмога, зато пляж просто создан для овладения наукой. Прочел и перевернул страницу — перевернулся на левый бок, перевернул вторую — перевернулся на правый. Напряжение и расслабление в едином ритме. Фантастика! Одолевал главу — нырнул. Под водой и на ее поверхности повторяешь про себя только что пройденное.

Олег говорил с преувеличенной серьезностью по отношению к своей системе овладения юридической премудростью, так что было не совсем понятно, где начинается шутка и где она кончается. Но таков его стиль — легкая насмешка над собственными заботами, прикрытая невозмутимой сосредоточенностью изложения, разговор с запертым на секретный замочек вторым смыслом, ключ от которого не сразу найдешь.

Юльке это нравилось. Ей вообще нравился Олег, как никто другой до сих пор. С ним было легко. С ним было интересно. К Юльке Олег относился с ровной, ненавязчивой предупредительностью, а точнее, даже с бережностью. Он как бы приподнимал ее над окружающими, ставя на некий воображаемый пьедестал. А чтобы на этом пьедестале Юльке не было неудобно, чтобы она не слишком зазнавалась, он ее немного поддразнивал и шу-

тил. Правда, делал это очень мягко, стараясь ненароком не огорчить и не ранить.

Они встретились всего два раза, так получилось. А тот вечер, когда ходили в кино и шли пешком от площади Маяковского, был последним. Олег уезжал с родителями на машине в Крым, уезжал на месяц.

Юльке было тоскливо, но она старалась не выдать своего настроения и посылно участвовала в разговоре. Когда же Олег закончил свой рассказ о том, как готовился к экзаменам, они замолчали и до самого Юлькиного дома не проронили ни слова. Но именно это молчание, это тихое хождение среди многолюдной вечерней толпы запало, запомнилось более, чем все остальное. Юлька потом часто думала: что же в том их молчании было такого особенного? Однако объяснения не приходили, мысли мгновенно растекались, путались и рвались, а пространство вокруг нее начинало заполняться звуками и запахами того вечера, рука ее как-то сама собой начинала ощущать сухое тепло его ладони, осторожную силу пальцев. Становилось легко и тревожно.

Олег писал из Крыма веселые, милые письма. В каждом он непременно помещал одну-две забавные картинки, на которых присутствовала Юлька. Вот она скользит по волнам, вернее, идет по ним, едва касаясь воды, окруженная дельфинами и всякими рыбами, которые тянут к ней радостно-удивленные и счастливые рожи. На другой картинке Юлька являла собою солнце, а будущий следователь по особо важным делам грелся в испускаемых этим солнцем лучах. На последней странице письма картинка имела продолжение: солнце светило с прежней улыбкой, а под его лучами осталась лишь жалкая горсточка пепла и треснувшие от жара очки.

В письмах Олег неизменно интересовался, как у Юльки дела в магазине. О своей работе Юлька рассказала ему все очень подробно. Правда, сначала трусила и мучилась — сказать или нет? Было ужасно противно сознавать, что она стесняется своей профессии, опасается, что специальность продавца может

уронить ее в глазах Олега. Однако ко всем опасениям примешивалось и другое — злость против любого, кто посмел бы неуважительно отнестись к ее работе, фыркнуть или косо взглянуть с высоты собственной привилегированной и многоуважаемой профессии, пусть даже будущей. Еще совсем недавно подобных чувств Юлька не испытывала, но теперь она кое-что знала о магазине и думала примерно так: «Если в каждом из них работает хоть одна Антонина Сергеевна, хоть одна Майя или Виктор Егорович, к их делу нельзя отнестись несерьезно».

Но злость злостью, а признаться Олегу в том, что она ученица продавца, было не так-то просто. «Пусть попробует что-нибудь такое сказать, — повторяла про себя Юлька. — Пусть только попробует что-нибудь такое подумать! Пусть! Никогда больше не встречусь, ни за что!»

Возможно, Олег заметил ее смятение, да и трудно было не заметить, поскольку сведения и признания она выдавливала из себя с трудом. Во всяком случае, ни обидного сочувствия, ни тем более пренебрежительности Олег не проявил. С Юлькиных слов Олегу понравился Виктор Егорович, о котором он сказал:

— Дельный, видимо, человек. Прошел войну?

— Да, — ответила Юлька. — Танкист, был ранен. На лице шрам и сейчас очень заметен.

— Шрамы украшают мужчину, — засмеялся Олег. — Знаешь, Юль, мне с детства фронтовики кажутся людьми особенными. Они постигли настоящую цену жизни и всего, что ее наполняет. Если хочешь найти истинного праведника, ищи его среди ветеранов, только среди них! Сами они этого, по-моему, не понимают.

Юлька согласно кивала, хотя поисками праведников никогда в жизни не занималась.

В связи со словами Олега она почему-то вспомнила пенсионера местного значения и рассказала о нем: как впервые увидела, как предложила сделать его председателем совета покупателей, как вместе с Виктором Егоровичем ходила в одинокую стариковскую квартиру.

...К старику Юлька и директор пришли сразу после совещания. Приходу их он не удивился, снял с себя женский фартук, в котором предстал, открывая дверь,

провел в комнату, предложил сесть. Сам тоже сел на стул и сидел молча. Когда директор собрался начать разговор, старик приложил палец к губам: «Тсс!» Молчание сохранялось довольно долго, а директорские попытки его прервать пресекались все тем же сердитым «Тсс!»

За это время Юлька рассмотрела стариновское жилище. Аккуратно и чисто, хорошая мебель, и пол натерт до блеска, но как-то холодновато, зябко, необитаемо. Квартира напоминала мемориальные квартиры-музеи. В них вроде бы все осталось таким же, каким было при хозяине, но осмотришь, и тает спросить: «Будьте любезны, скажите, а где он все-таки жил? Просто жил, понимаете?»

Странная игра в молчанку, которую затеял старик, прервалась неожиданно. Юлька потянула носом — пахло горелым.

— По-моему, — начала Юлька.

— Тсс! — пенсионер погрозил ей пальцем.

— ...пахнет горелым, — закончила Юлька свою мысль.

— Каша!!!

Старик всполошился было бежать на кухню, стал натягивать на себя фартук, но Юлька его опередила. К сожалению, кашу спасти не удалось.

— Я сварю новую, — предложила Юлька. — Молоко в холодильнике?

— Свернулось, — сказал старик. — Пришлось выкинуть. Все ваши сюрпризы.

Последние слова пенсионер адресовал директору в качестве очередного упрека.

— Отлич-ч-чно! — Виктор Егорович, говоря «отлично», упирал на «ч». Обычно он это делал, когда хотел свою оценку возвести в более высокую степень: сверх-отлично, отлично в квадрате.

Старик насупился.

— Опять издеваешься?

— И в голове не держал! Мы ж как раз по этому поводу пришли. По поводу молока и другого прочего. Нам помощь ваша нужна.

— Помощь? — осторожно спросил старик, не веря

директору и ожидая какого-нибудь подвоха.— Разве не подъемник пришли слушать? Звук ему замерять?

— Да какой там еще звук!

Этим директор чуть все не испортил, поскольку старик решил, что Виктор Егорович хочет его лишний раз уверить, будто шума подъемник не издает, и заладил угрожающе:

— Как это какой звук? Как это какой звук?!

— Да нет,— вмешалась Юлька.— Мы подъемник даже не собирались включать, честное слово!

— Не собирались? — строго переспросил старик, он искал подтверждения у директора.

— Законсервирован.— Виктор Егорович сложил крест-накрест руки и показал этот крест старику.— Конец машине.

Старик задумался.

— Чего ж мы тут полчаса молчали да прислушивались? К чему прислушивались-то?

— Сами удивляемся,— сказал директор.— Вы все «тсс» да «тсс», слова не давали вставить.

Старик мелко затрясся — смеялся. Юлке и директору тоже стало весело.

— Сам я Федор и по батюшке Федорович,— представился наконец старик.

— Это мы, дорогой товарищ, знаем из ответов на ваши жалобы. Нам копии присылали.

— И мне! — Федор Федорович процитировал: — «Копия директору магазина номер шестнадцать Трофимову В. Е.». Теперь расшифруй-ка, что оно значит — В. Е.?

— Виктор Егорович.

— А меня Юлей зовут,— сказала Юлька.— Можно, я в магазин сбегая? Одна минута! Принесу молока и сварю все-таки кашу.

— Умеешь?

— Умеет,— твердо уверил старика Виктор Егорович.— Таковую кашу сварит — объединение. Пальчики оближешь, спасибо скажешь, век не забудешь!

Директор, разумеется, не мог знать, какие каши варит Юлька и вообще умеет ли она их варить.

Юлька убежала в магазин, а когда вернулась, обна-

ружила, что собеседники, очень довольные друг другом, ведут разговор о войне. Мелькали слова: «Первый Белорусский», «Жуков», «Зееловские высоты», «Одер», «Самолет-бомба». При чем говорил директор, а Федор Федорович слушал с предельным вниманием.

«Кажется власть переменилась,— весело подумала Юлька.— Наша берет!»

Манная каша вышла отменная, и Федор Федорович потребовал, чтобы гости разделили с ним трапезу. Ели с большим аппетитом. Когда Юлька, вымыв пустые тарелки, вернулась с кухни и все оказались в сборе, Федор Федорович спросил:

— Дело-то у вас ко мне какое?

И снова старик слушал, не перебивая.

По тому, как подрагивали у него пальцы, когда он набивал трубку, по намеренной медлительности движений Юлька определила: волнуется. Она и сама волновалась, и радовалась, и даже немного гордилась, уловив, что хозяин квартиры не безразличен к их предложению, что она не ошиблась, участвуя в решении первого в ее жизни серьезного общественного дела. Свои объяснения Виктор Егорович закончил вопросом:

— Согласны?

— Дело нужное,— просто сказал старик.

— Значит, по рукам!

— Но пощады от меня не жди,— попугал директора старик.— Не будет тебе пощады!

— Пощада, она кому требуется? Тем, кто сдаваться задумал,— бодро возразил директор.— А мы еще повоюем! Как, Юля?

— Повуюем,— подтвердила Юлька.— Есть еще порох в пороховницах.

Федор Федорович и директор дружно фыркнули.

— Кандидатуру на председателя совета, думаете, кто предложил? — Виктор Егорович простер руку в Юлькину сторону.— Она предложила! И не надо, говорит, нам другого!

Из-под седых лохматых бровей на Юльку посмотрели высвеченные временем, белесо-серые глаза. Глаза быстро влажнели. У Юльки защипало в носу. Она отвела свой взгляд и поспешно прошла в переднюю. Туда же напра-

вился Виктор Егорович. Попрощались несколько сухо-
вато.

Когда директор и Юлька были уже на лестнице, старик снова открыл дверь и высунул голову.

— Послушай, директор!

Виктор Егорович и Юлька остановились.

— Подъемник этот ваш...

— Ну?

— Запускай ты его, что ли... Не век же на себе мешки волочить.

— Так ведь шум,— великодушно напомнил директор.— Мешает шум-то.

— Куда от него денешься? Улица вон не меньше шумит.— И, закрывая уже дверь, старик произнес: — Запускай!

Последнее слово прозвучало как непререкаемый военный приказ...

Юлькин рассказ о старике Олег нашел удивительно интересным. Впрочем, что бы ни рассказывала Юлька, ему все было интересно, так же как ей, когда говорил Олег. Даже в самое обычное, будничное, о чем она никогда бы не стала говорить ни папе, ни Валерии — никому, Юльке хотелось посвятить Олега. Подобного желания она до сих пор не испытывала. Любые пустяки, любые мелочи вдруг приобретали — так ей казалось — какой-то мудрый смысл, были освещены откуда-то возникшей в ней заостренной проницательностью, почти таинственной способностью замечать в примелькавшемся нечто яркое и значительное. Стремление поделить с Олегом всем, что она видит, слышит, читает, о чем думает, что пережила и что пережить еще только предстоит, обрело характер необходимой и постоянной потребности. Юлька испытывала смущенную радость, когда думала о том, что вот есть человек, от которого можно ничего не скрывать, который все поймет и оценит так же, как она, Юлька, ибо ее и его миры, еще месяц назад существовавшие обособленно и замкнуто, успели проникнуть друг в друга, совпасть и, беспредельно от того расширившись, создать новый мир — общий, единый, бесконечный, искрящийся, в котором легко и прекрасно быть, поскольку он добр и мудр, как ожившая, ставшая явью сказка.

Юлька считает дни, оставшиеся до приезда Олега. Они тянутся бесконечно долго и вместе с тем быстро летят, их еще очень много — дней преддверия встречи, но они незаметно и стремительно тают; мера далекого и близкого странно нарушается, томительность ожидания обращается в радость, а радость возбуждает жгучее, непреодолимое нетерпение.

В который уже раз она перечитывает его письма, по несколько раз бежит на первый этаж к почтовому ящику взглянуть, не пришло ли что-нибудь от Олега. Но новое письмо оказывается там лишь после того, как она очень, очень захочет его получить. Что это — телепатия, телекинез? Но откуда ей знать, действуют ли здесь какие-то мощные, не изведенные наукой силы или что-то другое, тоже не подвластное никакой науке, но тем не менее реально существующее, то великое и невыразимо прекрасное, что Юлька пока еще боится назвать, как древние люди боялись всуе произнести имя своего божества.

Ни Валерии, ни тем более Славке Колесову Юлька о существовании Олега довольно долго не говорила. Скорее всего, потому, что Олег и все, что с ним связывалось, представлялось ей чем-то неуловимо-неосвязаемым, тонким и совершенно невыразимым словами привычного обихода. Однажды папа, вернувшись домой после симфонического концерта, вошел в Юлькину комнату и долго молчал. «Папк, ты чего?» Он не ответил. Потом, как бы очнувшись, сказал: «Знаешь, эти этюды Скрябина... Удивительно!.. Чувствуешь, а осознать не можешь...» Юлька хорошо запомнила фразу. Спустя некоторое время «эти этюды Скрябина» она услышала, правда, не в концертном зале, а по радио. Прослушав, осознала, что ничего не почувствовала. Наверное, чтобы вот так воспринимать музыку, нужен особый душевный настрой, внутренняя готовность откликнуться на нее и настроением своим и мыслями.

Теперь, когда Юлька пыталась облечь в слова то, что чувствовала в связи с существованием на белом свете Олега, она тут же признавала, что ни выразить, ни даже толком осознать ничего не могла. «Ну, прямо как этюды Скрябина!» — думала Юлька. Хоть за последнее время

юмора в ней поубавилось, окончательно она его все же не утратила.

Как-то, когда Олег уже уехал в Крым, Юлька вечером заскочила к Валерии. Там, по обыкновению, толкся Славка.

— А-а, пропащая грамота! — встретил он ее. Ну конечно, сказать «пропавшая грамота» для Славки было бы слишком примитивно.

Без всякого перехода Славка завел какую-то научно-образную галиматью об ускорении или замедлении течения времени в представлении того или иного индивидуума.

— Любовь! — заключил Славка. — Ламур, лав, либе! Любовь — главная сила, которая ускоряет бег времени.

— Славка, прекрати! Получишь в лоб!

Юлька потянулась к нему через стол, чтобы разок стукнуть, но Славка скоренько шарахнулся в сторону.

— У вас есть кого стучать по лбу, миледи! Только не разбейте очки. Просветленная оптика, Карл Цейс, жалко все-таки!

— Правда, есть? — Валерия полыхнула, обдала Юльку ласковым зеленым светом своих глаз. — Юшка?!

— Ты у меня спроси, у меня! — неистовствовал Славка в неудержимом желании поделиться сенсационными новостями.

Юлька отметила про себя: конечно же, видел ее с Олегом, но Валерии ничего не сказал, не хотел за глаза, чтобы не выглядело сплетней. Славный он парень, их Славка! Зато теперь держись, расскажет с картинками. Она заранее испытывала смущение, которое, впрочем, не было тягостным или неприятным.

— Кинотеатр «Москва», — приступил Славка, — последний сеанс, ряд восемнадцатый. Сидит наша Юлик, старуха, наша мисс — не прикоснись, а рядом... Кто бы вы думали?.. Рядом — высокий брюнет в ботинках того же цвета. И тут начинается ки-но-о-о-о...

— Славка, без хамства, — предупредила Валерия.

— А чего я такого сказал? Сказал — начинается кино, в том смысле, что приступили к показу фильма, но два человека в восемнадцатом ряду направили перпен-

дикулярно экрану не глаза, а уши. Она — левое, он — правое. И так просидели весь сеанс!

— Значит, повернувшись затылками друг к другу, — подытожила Юлька. — Как интересно!

Славка ответил нараспев:

— Нефертити, не финтите и мозги нам не крутите! — Собственный экспромт ему, как видно, пришелся по вкусу, и он принялся выводить на разные лады: — Нефертити, не темните, знаем ваши финти-мити! Против фактов не попрете, дорогая Нефертётя!

— Слава, — сказала Юлька, — я сейчас тебя убью!

— За правду готов идти на погибель!

— Лучше иди гуляй, — вмешалась Валерия. — Иначе говоря, выкатывайся, нам надо пошептаться.

— И я хочу пошептаться, — занял Славка.

Ему не помогли никакие мольбы.

Расправившись со Славкой, подружки уютно устроились на диване и включили ночник, погасив остальной свет.

Теперь можно было нашептаться всласть.

Юлька начала с автобуса, рассказала о кораблике. Однако сейчас, когда она впервые решилась заговорить об Олеге, ей стало казаться, будто и раньше, до встречи с Олегом, возникло что-то еще, необъяснимое, почти роковое, что с необходимостью обусловило их знакомство и исключало случайную его природу. Немыслимо поверить, горячо убеждала Юлька подругу, что какие-то абсолютнейшие пустяки могли помешать их встрече, не дать ей состояться: села на следующий автобус, папу положили в другую больницу, и еще, и еще, и еще. Она продолжала и продолжала этот ряд нелепых случайностей, каждой из которых было достаточно, чтобы никогда не соединить их с Олегом в одном месте и в один час. Нет, Юлька категорически отказывалась верить в такую возможность!

— Мы не могли с ним не встретиться, правда, Леронька, да? — шепотом спрашивает она Валерию и тесно прикикает к ней телом, словно чего-то боится.

— Конечно, дурачок мой, Юшка! Конечно, не могли!

— Но до встречи я ничего не чувствовала! — В голо-

се Юльки отчаяние, недоумение, страх. — Что это, Лера? Что?

Валерия смеется, тормозит подругу:

— «Пришла пора — она влюбилась!..»

Глава восьмая

«Отличное обслуживание гарантируем!» — так называли план мероприятий, над которым в поте лица трудилась комиссия. Обсудили план на общем профсоюзном собрании. В обсуждении участвовал и Федор Федорович, официально избранный к тому времени председателем совета покупателей при магазине. Он успел уже побывать на молокозаводе, нагнал там страху, но руководители завода продолжали стоять насмерть и график доставки молочных продуктов менять пока не собиралось. Это нисколько не обескуражило энергичного посланца. Он обещал собранию во что бы то ни стало «дожать» вопрос и перечислил инстанции, в которые собирался обратиться. Перечень выглядел внушительно.

План одобрили единодушно, без долгих прений. Но это не было единодушием, рожденным полным и глухим безразличием, что едва не произошло на первом собрании. Юлька видела, большинство отнеслось к новшествам с интересом, намечаемые улучшения принимались близко к сердцу. Всем прибавлялось забот и хлопот, зарплата при этом не увеличивалась, и, казалось бы, особого повода для энтузиазма не имелось. Но наверное, план что-то пробудил в работниках магазина, возможно, ту самую гордость за свою профессию, о которой Юльке говорил морщинистый начальник отдела кадров в первый день посещения ею торгового.

К предложенным комиссией мероприятиям прибавили и еще одно, внесенное Федором Федоровичем: организовать доставку на дом основных продуктов инвалидам Великой Отечественной войны и больным пенсионерам. Выявить таковых брался сам Федор Федорович со своим советом покупателей.

— Дело благородное, — сказал директор. — Только ведь за добрые-то дела приходится расплачиваться —

это известно. Так что взялся за гуж — не говори, что не дюж!

Никто на собрании этого и не говорил. Зато после собрания, когда вернулись в отдел, Калерия Ивановна сразу же дала волю накопившемуся в ней раздражению.

Злоязычие Калерии Ивановны Юльку неприятно задело. Она чувствовала, что упреки обращены прежде всего к ней, поскольку в нововведениях Юлька принимала самое непосредственное участие.

— Навешали на себя всех кошек и собак — да рады-радешеньки. Смех! С корзинами по этажам за спасибо елозить — это ж надо, чего выдумали! Мало им в магазине достается!

Вообще-то Юлька никогда раньше не предполагала и не думала, что работа продавца представляет собой, ко всему прочему, тяжелый физический труд. Тяжелый и изнурительный.

Большинство продовольственных магазинов начинает свой рабочий день в восемь. Но это только так считается, это формально. Продавцы приходят раньше на тридцать — сорок минут: надо подготовить рабочее место, пополнить товарами отдел, разложить продукты так, чтобы их было удобно брать, проверить выкладку в витринах и многое другое.

Потом двенадцать часов на ногах. Шутка ли!

За прилавком не гуляют и не стоят. За прилавком работают: берут чеки и внимательно их читают, внимательно считают стоимость покупок, внимательно взвешивают, тысячу раз поворачиваются и нагибаются, чтобы взять нужный товар, тысячу раз поворачиваются и разгибаются, чтобы положить его на прилавок перед покупателем, нарезают и завертывают, что-то подносят и что-то открывают.

И все это не наедине с собой. По ту сторону прилавка сплошным потоком движется, нарастая и уменьшаясь, постоянно меняется калейдоскоп лиц — молодых, старых, мужских и женских, озабоченных, болезненно-раздраженных, реже — спокойных, чаще — выражающих досаду из-за любой малейшей задержки.

Непосредственного контакта с очередью Юлька пока не имеет, так как товаров не отпускает и участвует лишь

в подготовке их к продаже. Поэтому у нее есть время наблюдать, а также делать некоторые выводы.

Юлька, например, уже успела заметить, что очередь имеет свою особую психологическую атмосферу, образует некое поле тяготения или, точнее, поле взаимного отталкивания, свой фон на манер радиоактивного, которому впору рассчитать единицу измерения. И Юлька эту единицу придумывает: если там — рентген-час, то здесь — магазин-минута. Подходит? Пожалуй.

Размышляя над этой проблемой, Юлька приходит к выводу, что в подавляющем своем большинстве люди в жизни одни, а в очереди совсем другие, потому что очередь — это не жизнь. Очередь — состояние для человека неестественное, насилие над его личностью, помеха его ближайшим планам, времяпрепровождение, бесполезнее которого придумать трудно. Ну, а противное природе вызывает противное в характере. В этом, наверное, все дело.

Вон, пожалуйста, приличного вида гражданин рявкает седоволосой, почтенной женщине:

— Не стояли вы. Не пристраивайтесь!

Женщина пытается втиснуться, но ее выдавливают.

Но если покупатель неузнаваемо меняется, получив сравнительно небольшую дозу магазин-минут, то как же продавцы? На них ведь нет защитных скафандров, они не заколдованы и не из другого теста. Как же они?

Юлька присматривается к Антонине Сергеевне, к Лизе, наблюдает за Клавой. Нет, конечно же, нервный фон, который создает очередь, им не безразличен. Постепенно и они накапливают в себе заряд отрицательных эмоций. Однако Юлька должна признать, что откровенные скандалы сравнительно редки, обычно все оканчивается несколькими обоюдоострыми, энергичными репликами, а чаще, то есть в подавляющем большинстве случаев, продавцы выполняют роль своеобразных громоотводов, заземляя опасные заряды, уводя их в песок, гася надежно и быстро.

Скорее всего, это умение связано с часто повторяемой в магазине формулой: «Покупатель всегда прав!» Ее здесь произносят многократно, иногда горько, иногда

иронично, иногда в полной и слепой уверенности в ее мудрости.

Юлька начинает задумываться над подспудным смыслом этой формулы и в конце концов приходит к выводу, что рациональное зерно в ней все-таки существует, если, конечно, не принимать в расчет демонстративную крайность высказывания.

Можно, например, допустить, что магазин, принимая и обслуживая покупателей, как бы принимает... гостей! Так вот, признав, что покупатель — это гость магазина, и распространив на него нетленные обычаи гостеприимства, сразу придется смириться с тем, что он, покупатель, оказывается в особом положении, ибо равенства между хозяином и гостем не существует.

Таким вот образом Юлька пытается осмыслить окружающее ее в магазине, оценить со своей точки зрения отношения и процессы, происходящие здесь. Она ловит себя на том, что делать ей это с каждым днем все более интересно. Но наверное, и полезно тоже.

Еще Юлька обнаруживает, что некоторые порядки, существующие в магазине, до крайности неудобны. Неудобства эти она замечает вовсе не по причине своей какой-то особой наблюдательности. Их видят все, и все от них одинаково страдают. Но другие, работая в магазине давно, понимают, видимо, неизбежность этих неудобств. Юлька же понять пока не успела.

Чего, например, стоит принятая здесь сменная работа.

Юлька видит, как Антонина Сергеевна во второй половине дня сбивается с ритма, как гаснет, покрываясь серым налетом усталости, ее лицо, и она жалуется, вздыхая, что вот опять отекают ноги.

Лиза значительно моложе Антонины Сергеевны, но и она с трудом выдерживает эту нагрузку. Обычные приветливость и живость испаряются, исчезают, и Лизу бывает не узнать. Угрюмая и замкнутая, она перестает разыгрывать свои роли, а веселые чертенья, прыгавшие в ее зрачках, превращаются во взрослых свирепых чертей, готовых сажать на раскаленную сковородку и правого и виновного, без разбора.

На днях разыгралась такая история. Утро задалось

хлопотное: большой завоз товаров, лихорадочная разгрузка, погрузка тары, врач из санитарной инспекции, две контрольные закупки, — все навалилось сразу. Лизе в тот день почему-то особенно не везло. Ставила на машину ящик с порожней посудой — уронила, тащила монолит масла из кладовой — зацепила рукавом за какой-то гвоздь, порвала куртку, санитарный врач увидел эту дыру, стал срамить: «Почему работаете в рванье? Где ваша женская совесть?» Ко всему позвонил муж и сказал, что Кольку из детского сада взять не сможет. Лиза пошла к Калерии отпроситься, но та, злая на весь свет, не отпустила. Бедняга Лиза металась, как затравленная. А потом, взяв чек у покупателя и не вручив покупки, убежала в подсобное помещение и разрыдалась там, словно маленькая. Юлька пошла за ней.

— Лизочка, ты что? Ну не плачь!..

— Не могу я так! — давилась слезами Лиза. — Разве человек я, женщина? На прическу посмотри, на ногти...

Юлька попыталась ее подбодрить:

— Сегодня последний день смены, потерпи. Отдохнешь пять дней...

— Провались они, эти пять дней! — еще горше плакала Лиза. — Проскочат — и снова. Не могу!.. Уйду я отсюда, на производство пойду...

Прозвенел звонок на обеденный перерыв. В подсобку пришла Антонина Сергеевна, быстро разобралась в причине Лизиных слез.

— Может, прикажешь смены каждый день менять?

— А что? — всхлипнула Лиза. — А что?.. До обеда — мы, а после обеда — другая смена. И через неделю наоборот.

— Каждый день пересменок, значит, делать? Ну, изобрела. Забыла про материальные ценности?

— При чем тут они? — поинтересовалась Юлька.

— Да все при том. За них материальщики отвечают перед торгом. Калерия да Маша. А мы у них на внутреннем подотчете. За те товары отчитываемся, что за прилавков нам выдали из кладовок. К вечеру придут девчонки другой смены, и станем сдавать им товар, пересменок

будет. А Калерия тем часом выведет, сколько его за нами значится, товара. Не хватит — раскошеливайся, плати.

— Это понятно, — сказала Юлька. — Но почему все-таки продавцы не могут работать по половине дня? Как Лиза говорит. Пусть на внутреннем подотчете, но в две смены каждый день? Я имею в виду — по-человечески?

— Снова здорово! Никак и не прошибешь тебя, ей-богу! Пересменок-то часа два-три занимает. Магазин закрывать прикажешь на это время, ай как?

— А если без пересменка?

— Так они и позволили! — протянула Лиза, имея в виду материально-ответственных лиц. — Так и разрешили!

— Не прочувствовала ты, что я тебе сказала про материальные ценности. — Антонина Сергеевна была Юлькой разочарована. — Сама сообрази: сейчас нас трое продавцов в смене, пять дней отработали и все до грамма сдаем. Коли ошибемся, много не выйдет. Кроме того, знаем друг друга, своим доверяем.

— Значит, продавцы другой смены не свои? Они что — враги?

— Типун тебе на язык! — всполошилась Антонина Сергеевна от таких слов, замахала на Юльку руками. — Ох ты и горчичник! — И Лизе: — А ты тут чего огонь разводишь? Юля — ладно, она только пришла, многого не понимает, а ты?

Лиза сотряслась от нового приступа плача:

— Уйду я, уйду! Нормальной жизни хочу!

Антонина Сергеевна подошла к Лизе, погладила по плечу и выдохнула вдруг с тоскливой усталостью:

— Да пропади оно пропадом! Тоже уйду, ей-богу, право!..

Мысль об изменении порядка смен не оставляла Юльку в течение многих дней. Отношения, которые утверждали этот порядок, казались Юльке несправедливыми и далеко не безобидными, поскольку уже заранее на всякий случай предполагали недобросовестность всех людей подряд, рождали недоверие между ними.

Юлька решила поговорить с кем-нибудь еще, чтобы до конца уяснить себе этот проклятый вопрос со смена-

ми. Но с кем? С директором? С Иноземцевым? Пожалуй, преждевременно. Она остановилась на Майе. Та не первый день работает в магазине и, надо думать, на себе испытывает неудобства и трудности, связанные с чередованием смен по пятидневкам.

Еще днем Юлька договорилась с Майей, что домой после работы они пойдут вместе. Так и сделали.

— Конечно, Лиза права,— сказала Майя, когда Юлька поделилась с ней Лизиными соображениями.— Только материальщики не согласятся. Горой встанут.

— Почему?

— Спокойней им так, понимаешь? Когда есть пересменок, спокойнее.

— Не улавливаю,— призналась Юлька.— Сейчас три продавца отчитываются, а будут пять. Какая разница?

— Большая. При пересменке происходит передача товаров от одной смены другой. Тут уж никто ничего не пропустит, ошибки исключены. А при обыкновенном учете такой же тщательности добиться трудно. Вообще-то, конечно, можно, вопрос техники. Но все равно материальщикам это не с руки, лишняя канитель.

— И что делать? — спросила Юлька.— Работать по четырнадцать часов?

— Законом допускается суммированный учет рабочего времени. Трудовое законодательство сдала, знаю. Число рабочих часов за месяц у нас не превышает нормы. Так что формально все правильно.

— А не формально?

— Плохо, не спорю.— Майя взяла Юльку под руку.— А ты человек, честное слово!

Они посмотрели друг на друга. Как-то очень хорошо посмотрели. Возникшая между ними с первого дня симпатия сегодня углубилась еще и взаимным пониманием. Было обоим это приятно до чрезвычайности.

А на следующий день в маленьком своем кабинетике с зарешеченным окном Виктор Егорович слушал Майю, Лизу и Юльку и тихо радовался. Он умел радоваться, их директор. Юлька наблюдала за ним и думала, что, наверное, это не такое уж распространенное свойство — получать удовольствие от новых беспокойств. Да, не

слишком распространенное и, бесспорно, счастливое свойство!..

— Что ж, мысль верная,— сказал директор.— При работе в две смены каждый день и производительность труда повысится, и, значит, очереди станут меньше, улучшится обслуживание. Отлич-ч-ч-но!

— Материально-ответственные лица будут возражать,— заметила Лиза.

— Убедим. Да и подготовить все надо основательно, чтоб комар носа не подточил. С бухгалтерией обговорить, с месткомом. Сначала только в одном отделе ввести ежедневные смены, в молочном, например, а уж потом распространять. Но главное, лед у нас тронулся. А, девочки? Тронулся?

— Вроде пошел,— задумчиво отозвалась Майя.— Заторов бы не было.

— Нас не затрет,— пообещал директор.— Не дадимся.— Он улыбнулся.— Взорвем!

Виктор Егорович не стал откладывать дела в долгий ящик. В тот же день он вызвал Марию Степановну и Калерию и держал их у себя до обеденного перерыва. Вернулись материально-ответственные лица злые-презлые, особенно Калерия. Она прямо-таки кипела, ходила то за прилавком, то в подсобку, искала, к чему бы придраться. К счастью, в обеденный перерыв сделать это было довольно трудно.

— Твои дела? — бросила она, наконец, Юльке, хотя мысль об изменении работы смен Юльке не принадлежала, да и к директору ходили они втроем.— Твои, так?

— Общие,— спокойно ответила Юлька.

— Ах, вон оно...— Калерия обернулась к Антонине Сергеевне.— Что, Тонь, ученица-то твоя подает надежды?

— Учимся помаленьку,— примирительно сказала Антонина Сергеевна между двумя глотками кефира, которым она запивала калорийную булочку.

— Проверим!

Калерия Ивановна подтянула ногой табурет и с размаху на него опустилась. Табурет даже скрипнул. Лиза, глядя на нее, застыла с широко распахнутыми

глазами. Клава испуганно прекратила грызть свою корочку.

— Ну-ка скажи, ученица, как голландский сыр нарезают?

Вопрос прозвучал вызывающе, и Юлька помешкала, соображая, как быть — возмутиться и отказаться отвечать или все же ответить?

— Вы о голландском сыре спрашиваете?

— О нем самом.

— Если брусок голландского сыра имеет прямоугольную форму с закругленными краями, — Юлька говорила отдельно и четко, словно читала по книге, — то его разрезают вдоль и каждую половину нарезают кусочками...

— А шаровидную?

— Тоже разделяют пополам.

— Поперек?

— Нет, вдоль. Нарезается сыр веерообразно, кусочки при этом утолщаются к корке.

— Не с коркой ли покупателям сыр собралась продавать?

— С коркой. Только корка должна быть соразмерна количеству отпускаемого сыра. Это при шаровидной головке. В остальных сырах кусочек может иметь корку не более чем с трех сторон.

Юлька никогда не жаловалась на память, так что запомнить и разом выложить всю эту товароведческую премудрость для нее не составляло труда. Антонина Сергеевна слушала Юлькин ответ, как сладчайшую в мире музыку, — прикрыв веки и покачивая головой в такт словам. Лиза сияла. Даже Клава откликнулась, сказала с некоторой завистью:

— Вот-то режет! Откуда слова берет?! — И сразу смолкла.

— Вызубрила, значит. — Калерия Ивановна была глубоко разочарована. — Слышь, Тонь! — Она обращалась к Антонине Сергеевне, но продолжала колоть глазами Юльку. — Ученая у тебя ученица-то, пора к весам ставить. Ставь ее к весам, а мы поглядим, как у нее дело пойдет, у теоретика у нашего.

В последних словах Калерии Ивановны слышала-

лась насмешка и, как показалось Юльке, угроза. Впрочем, угроза вряд ли. Разве можно угрожать человеку... весами?!

Глава девятая

Удивительно хорошо, удивительно ладно на душе у Юльки! А отчего? Почему? Ведь папа еще в больнице, Олег не приехал с юга, да и магазин как будто не назовешь ее родным домом.

Однако на все можно взглянуть и иначе: папа чувствует себя совсем неплохо, скоро его выпишут и направят в сердечно-сосудистый санаторий, Олег должен вернуться вот-вот, остаются считанные дни, а магазин... в общем, в магазине теперь происходит много интересного. И есть еще одно, точнее, два, а вернее, три обстоятельства, которым Юлька беспредельно рада.

Прежде всего с папой состоялся разговор, которого она боялась все это время.

Объяснение произошло неожиданно, когда Юлька менее всего о нем думала. Впрочем, сказать так — менее всего — нельзя, ибо о своем предстоящем покаении она думала постоянно, и чем дальше, тем с бóльшим отчаянием.

В тот памятный день Юлька вошла в палату, как всегда, бодренько, разгрузила принесенную сумку и принялась излагать накопившиеся новости. Но папа ее вдруг прервал:

— Известно ли вам, хитрая коза, что все тайное в конце концов становится явным?

Не понимая, куда он клонит, но уже почувствовав недоброе, Юлька поспешила сделать большие глаза:

— Ну? Неужели существует такая закономерность?

— Представьте, да! Ко всему прочему ложь еще и убивает доброе имя лгунишки!

Петр Никанорович сказал:

— Гляжу, резвая у тебя дочка, Константин Николаевич.— И недовольно прокряхтел.— Ах, дети, дети, куда нам вас дети?!

— Резвая, говорите, дочка у меня, Петр Никаноро-

вич? Вы еще не знаете, какой номер она тут выкинула! Соседка наша, Полина Савельевна,— помните, приходила? — обнаружила этого ребенка за прилавком продовольственного магазина!

— Да ну? — не поверил Петр Никанорович.

— Красуется там в полной форме продавца и нарежет масло. Полина Савельевна, бедная, чуть с ума не сошла.

— И сойдешь! А им что? Молодым-то что? Им и невдомек, что этим самым ножом они не масло режут — они отца родного режут на мелкие кусочки!

— Ну зачем уж так-то, Петр Никанорович! Сделано все из лучших побуждений: отец переходит на инвалидность, висеть на шее у больного неблагородно, надо самой зарабатывать деньги. — Папа понизил голос и дальнейшее проговорил с таким разочарованием и горечью, что Юльке сделалось нехорошо: — Почему ты скрыла? Разве бы я не понял?

— Боялась... — Юлька глотнула слезы.

— Чего, мартышка?

— Эмо... — И договорила, преодолев прерывистый вздох: — ...ций. Отрицательных. Ты же болен.

— Девчонка ты еще у меня, — только и сказал папа.

Юлька поняла — прощена! С запоздалым раскаянием и несколько смущенно она подумала о том, что не следовало обижать отца недоверием, что отец понимает ее куда лучше и глубже, чем ей это представлялось. И никогда, нет, никогда не надо бояться быть с ним откровенной и искренней до предела!

Петр Никанорович неожиданно вознегодовал:

— Ее в институт носом тычут, как кошку в песок, а она фордыбачит, воротит, вишь, физиономию. Добрый у тебя тятка, пороть некому!

— Вы же сами против институтов выступали, Петр Никанорович, — напомнила Юлька.

— Выступал, да, но это вообще, в принципе. А у тебя отец сильно ученый, тебе сам бог велел рулить за ним, его дорожкой. Ведь в медицинский хотела, верно? Дело чистое, можно сказать, почтенное — исцелять человечество.

— Хорошо кто-то сказал... — Папа задумчиво пово-

дил руками по краю одеяла. — Знаете, кто-то сказал, что полюбить все человечество куда легче, чем своего соседа по квартире. Понимаете мою мысль? В институте ее научат любить человечество, это так. Но быть может, начинать следует совсем с другого? Стать ближе к людям, попытаться найти с ними общее. С тем же соседом по прилавку, например, или за прилавком.

— Да уж там всему научат, в магазине-то. В особенности общее превращать в свое.

— Зачем вы так? — ошетинилась Юлька.

— А ты сиди молчи, слушай, что взрослые говорят! Сотворила глупость, да еще фырчит, понимаешь. Продавец — разве сегодня специальность? Как было сто лет назад, так и сейчас: взвесил — отпустил, отпустил — снова взвесил. За это время чего только люди в технике не напридумали, жуть берет! А в магазине твоём — что при царе Горохе, что нынче — один черт!

Юлька скосила глаза на папу, ища поддержки у него. Вышло это невольно и было не ахти как благородно. Всего полчаса назад боялась ему сказать, что поступила работать, опасалась повредить здоровью, а теперь готова уже требовать от него защиты и оправдания собственного решения в глазах других.

Рассудив таким образом, Юлька решила вступить в дискуссию с Петром Никаноровичем самостоятельно. Благо на днях в обеденный перерыв в магазине состоялась лекция на тему «Перспективы развития советской торговли». Молодой лектор говорил горячо, убедительно и при этом коротко, что особенно понравилось всем работникам магазина. Кое-что Юлька запомнила.

— Петр Никанорович, вы не правы, — начала она, невольно подражая безапелляционному тону горячего лектора. — Торговля вовсе не остается вне сферы научно-технической революции. Именно сейчас вся отрасль входит в качественный скачок, а поэтому... — Тут Юлька запнулась, забыла, о чем дальше говорил лектор.

Но помощь неожиданно пришла от третьего обитателя палаты. Юлька его видела впервые. Нервное лицо, выглядит моложаво. «Пятьдесят плюс-минус десять», — прикинула Юлька с высоты своих семнадцати.

Новый сосед засмеялся, отложил книжку.

— ... Именно поэтому, — продолжал он за Юльку, — торговле, как никогда, нужны люди образованные, инициативные, пытливые. Молодой человек сегодня вполне может рассчитывать на то, что сумеет найти себя в торговле, сумеет... как это говорят... самоутвердиться. Так? — спросил он Юльку.

— Точно! — с радостью подтвердила она.

— Вы тоже согласны? — вопрос был обращен к Юлькиному папе.

Юлька ждала твердого «да», но папа не торопился.

— Видите ли, я слишком поверхностно знаком с проблемой, чтобы что-то категорически утверждать или отрицать, однако...

— Однако, — перебил его новичок, — дочь свою вы не осуждаете за то, что она пошла работать в магазин. Верно?

— Не осуждаю, — согласился папа. — На свете существует, если не ошибаюсь, около сорока тысяч профессий. Угадать, какая твоя, невероятно сложно. — Папа взял Юльку за руку — она сидела рядом. — Мы рано потеряли маму. Эта трагическая случайность еще в детстве родила у нас стремление во что бы то ни стало быть врачом. Правда, в дальнейшем, насколько я знаю, эта идея никаким направленным интересом не подкреплялась, а при виде крови нам и сейчас становится дурно.

— Папка! — укоризненно проныла Юлька. Такая откровенность ей показалась совершенно излишней.

— Постой, постой, Николаич! — Петр Никанорович хитро прищурил один глаз. — Тогда чего ж ты не отговаривал ее в медицинский идти?

— Отговаривать от мечты? Верно ли это? Думаю, нет. Поступление в институт могло и не оказаться ошибкой — кто знает? Но я доволен, что дочь пошла работать, и пошла туда, где трудно. Ей будет легче постичь самое себя — вот что важно и нужно, чтобы в дальнейшем исключить ошибки.

— Но почему все-таки в магазин?! Почему к весам?! — уже всерьез вскипел Петр Никанорович, принимая Юлькину судьбу так близко к сердцу, точно Юлька была не папина дочь, а его собственная. — Вот вы... Александр Иванович, так, кажется?

— Именно так, Александр Иванович,— подтвердил третий палатный обитатель.

— Юля тут или вы говорили, что торговля нынче куда-то скачет, куда-то прыгает — все вперед и выше. Ну а весы? А? Весы?

— Что весы? — не понял Александр Иванович.

— То самое,— многозначительно и с некоторым злорадством произнес Петр Никанорович.— Видать, в торговле служите, вот и защищаете свой мундир... Имеете отношение?

— Имею.

— То-то оно и есть.

— Отношение к торговле имею такое, как все,— покупатель.

— От весов-то все одно ей никуда не ускакать,— продолжил Петр Никанорович,— этой вашей торговле. Никудышеньки не упрыгать! И зачем тогда вот эта девушка, наша Юля, значит, десять лет голову себе ломала разными предметами в школе, чтобы потом за весы встать? Отпустил — взвесил, взвесил — отпустил?

— Да не знаете вы, Петр Никанорович! — возмутилась Юлька.— Современные весы — это же электронно-вычислительная машина. Она и вес покупки указывает, и цену, и стоимость, и даже чек выбивает со всеми этими данными.

— У тебя в магазине есть такие?

— Нет,— созналась Юлька.— Пока нет, но...

— Так и говори!.. На выставке их видела?

— Ничего подобного! — с жаром возразила Юлька. Про такие весы разговоры у них в магазине велись, и она даже ездила на Красную Пресню в овощной, посмотреть, как эти весы работают.— В универсамах они установлены, в овощных магазинах. Сотни!

Петр Никанорович в ответ пробурчал нечто неопределенное.

— Мне кажется, не в одних весах дело,— сказал Александр Иванович.— С развитием технической базы в торговле должны появиться, а возможно, уже появились новые, неизвестные ей до сих пор профессии, даже социальные группы: инженер по электронике, инженер по холодильному оборудованию...

— Художник! — ввернула Юлька, вспомнив кое-что из прослушанной лекции. — В штате каждого университета предусмотрен художник. Представляете?

Александр Иванович покрутился в своей кровати, подтянул одеяло и сел, опустив ноги в шлепанцы. Петр же Никанорович перевернулся на спину, давая тем понять, что в споре он участвовать больше не намерен.

— По-моему, Юля, — сказал Александр Иванович, — в торговле итог своих усилий человек должен ощущать почти незамедлительно. Ведь он видит его воочию, поскольку этот итог — благодарность сотен людей. Разве есть что-нибудь более вдохновляющее для молодого человека, более радостное и ценное, чем людская благодарность?!

О людской благодарности Юлька пока еще как-то не думала, но Александру Ивановичу она была очень благодарна, это точно.

Кроме столь благоприятного разговора с папой, еще два обстоятельства радовали Юльку. Во-первых, Валерию приняли в театральное училище имени Евгения Вахтангова, в скобках вуз — так было написано в документах. Во-вторых, Славка Колесов стал студентом филологического факультета Московского университета, в связи с чем ходил гордый и повторял: «Я, други мои, возможно, и не гений, но я удивительно талантлив!»

Глава десятая

Магазин менялся на глазах, менялся снаружи и внутри.

Все четыре витринных стекла сверкали чистотой и прозрачностью после устроенного комсомольцами воскресника, который они полностью ухлопали на мытье этих огромных стекол.

Две девушки и молодой человек — художники-декораторы — живописно расположили в окнах целые батареи консервных банок с яркими наклейками, до отказа заставив витрины разными другими товарами, снабдив их пластмассовыми ценниками.

— Все только натуральное,— втолковывал молодой художник директору, пытавшемуся всунуть в витрину что-то из старого оборудования.— Никаких муляжей! Витрина призвана наглядно демонстрировать изобилие товаров, имеющихся в магазине. Задача — потрясти покупателя, вызвать эстетические чувства и желание купить.

Юльку отрядили помогать художникам, и она с любопытством прислушивалась к их разговорам. Декораторы вели между собой споры о цветовых гаммах, колорите, выразительности и экспрессии, которые могут быть достигнуты с помощью тех или иных консервных банок, головок сыра и коробок с конфетами. Из споров вытекало, как само собою разумеющееся, что в витринах создаются шедевры.

Закончили поздно вечером. И когда сняли холсты, которыми были занавешены окна, пока художники работали, все ахнули: витрины действительно оказались просто загляденье.

Декоратор отрекомендовал свои творения без лишней скромности:

— Маленькие симфонии цвета, преобразуемые воображением зрителя в музыку вкуса и запаха.

Виктор Егорович ничего не сказал, только с удовольствием потянул носом воздух, словно и впрямь мог понюхать эту музыку.

Торговый зал магазина тоже претерпел изменения. Его очистили от ящиков со стеклотарой, он сразу стал просторней и светлей. В бакалейном отделе, который начал работать по методу самообслуживания, появились передвижные секционные горки для продажи товаров. Они нарядно поблескивали хромом и мягко катались на маленьких колесиках. Очереди в отделе исчезли.

Алексей Андреевич, побритый, в новом синем халате, закручивал на электрокаре лихие виражи, вызывая жгучую зависть окрестных мальчишек. В назначенные дни в близлежащих дворах он принимал от населения порожнюю посуду, как то и предусматривал план мероприятий. Алексей Андреевич всегда был точен, по нему можно было проверять часы. Однако вечно во всем сомневающиеся хозяйки в каждый его приезд неиз-

менно спрашивали, прибудет ли Алексей Андреевич в следующий раз. Ответ был значительным и веским:

— Гарантируем, хоть застрелись!

Руководителей молокозавода Федор Федорович «дожал» довольно скоро. Машины с товаром стали прибывать точно к открытию магазина, и покупатели теперь всегда имели свежие молочные продукты, чем, разумеется, были чрезвычайно довольны. Слух о том, что в магазине номер шестнадцать всегда бывает свежее молоко и сметана, быстро распространился по округе. Товарооборот молочной секции возрастал с каждым днем.

Совет покупателей вовсю занимался выявлением инвалидов Отечественной войны и одиноких больных пенсионеров, которым продукты будут доставлять на дом.

Майя поговорила с девчонками и от имени комсомольцев попросила, чтобы обслуживание инвалидов и больных пенсионеров поручили молодежи.

— Дирекция поддерживает! — Виктор Егорович был удовлетворен. — Как Федор Федорович выявит, так и начнете.

Как раз в это время цехком решил пересмотреть в связи с почином все социалистические обязательства — и коллектива, и отделов, и даже индивидуальные. «В сторону усиления», — сказала Лобанкова, председатель цехкома. Тут оказалось, что у Юльки вообще не было обязательства, поскольку принимали их в самом начале года, а она пришла в магазин значительно позднее.

Посоветовавшись с Антониной Сергеевной и Майей, продумав все и взвесив, Юлька составила обязательство и понесла его к Лобанковой. Были в нем такие, например, пункты: на две недели раньше срока пройти квалификационную комиссию торга и получить звание младшего продавца; бесперебойно доставлять на дом продукты инвалидам и больным пенсионерам; включиться в объявленный торгом конкурс вежливости; изучить по вузовским учебникам свойства и технологию изготовления товаров, реализуемых в отделе, чтобы знать о них все, что может интересовать покупателей; в течение трех месяцев овладеть профессией продавца гастрономичес-

кого отдела, то есть иметь еще одну смежную специальность; побывать до конца года на предприятиях, поставляющих товары молочному отделу, с целью ознакомления с их работой и предполагаемыми к выпуску новинками.

Лиза прочла обязательство и позавидовала:

— Даже читать интересно! Поставщики, вузовские учебники... Дашь списать?

— Всегда пожалуйста! — сказала Юлька.

— По-твоему, выполнить смогу? — Лиза стала похожа на маленькую девочку, у которой собрались отнять полюбившуюся игрушку, — даже губы надула.

— Ты больше сможешь, — уверила ее Юлька. — Работаешь давно, и получается у тебя просто здорово. Красиво, верно!

Лиза тут же успокоилась и снова стала обычной Лизой.

У цехкома своего помещения не было, да Нина Семеновна и не являлась освобожденным председателем — в магазине такой не положен, — а совмещала свою общественную деятельность с обязанностями заместителя заведующей гастрономическим отделом. В этом отделе, как и в Юлькином, тоже имелась небольшая комнатка рядом с подсобкой. В ней стояла двухконфорочная газовая плита, и работники секции здесь обедали. В этой-то комнатенке Лобанкова вершила профсоюзные дела.

— Запаздывает ваш отдел с индивидуальными обязательствами, — недовольно сказала Нина Семеновна.

— Пишут, — ответила Юлька.

— Сколько ж их писать можно? — Нина Семеновна привычным движением протерла очки полкой халата и углубилась в изучение принесенной Юлькой бумажки. Это ей не мешало продолжать разговаривать. — Поторопила бы там своих. Вон и Лизиных нет, и Калерии Ивановны...

— Кто тут обо мне речь ведет? — Калерия Ивановна оказалась легка на помине. Увидев Юльку, недружелюбно спросила: — Ты чего здесь, красавица? В отделе работы невпроворот, прохлаждаться некогда.

— Принесла свое обязательство, — взяла под защиту Юльку Нина Семеновна. — Читаю вот.

— Дело! — одобрила Калерия Ивановна. — Про свадьбу-то пишешь? Обязуюсь, мол, свадьбу сыграть раньше установленного срока?

— Какую еще свадьбу?

— Калерия Ивановна шутит, — сказала Юлька.

— Шучу, точно, — Калерия Ивановна протянула Нине Семеновне две бумажки, каждая в полтетрадной странички. — Мое и Манино морально-индивидуальные обязательства. Пожалуйста! От руководителей, так сказать, отдела. Мы тоже передовые, не отстающие.

— Виктор Егорович разгон дал?

— Официальный! — пожаловалась Калерия Ивановна. — Будто от этих обязательств появится за прилавком сгущенка без сахара или другой какой дефицитный товар.

— Усвоила же ты проработку, — с досадливой иронией сказала Лобанкова и, взглянув на обязательства, переданные ей Калерией Ивановной, подозрительно спросила: — Почему одним почерком?

— Обсуждали вместе, а рисовала я, — объяснила Калерия Ивановна. — Совместное творчество. Да нормально все! Маня подпись поставила собственноручную, так что не сомневайся.

— Не больно много вы совместно натворили, — отметила Нина Семеновна и прочла вслух: — «Обязательство. Индивидуально обязуюсь досрочно выполнить все решения, предусмотренные XXV съездом КПСС».

Лобанкова повертела бумажки в руках, но ни на лицевой стороне, ни на обороте ничего больше написано не было. Кроме подписей, естественно, и даты.

— Все?

— А тебе мало?

— В решениях съезда сказано не про одну торговлю. Там и про легкую промышленность, и про тяжелую, и про сельское хозяйство, и про искусство с культурой. Ты это все по очереди выполнять собралась? Или оптом?

— Ладно придирайтесь-то, Нин! Для отчета сойдет. Калерия Ивановна повернулась уйти.

— Постой!

Приказ свой Нина Семеновна отдала тоном властным, какого Юлька у нее никогда не замечала. И вообще,

мягкая, всегда немного медлительная Лобанкова неожиданно приобрела вид грозный, даже очки у нее зло заблестели.

— Ты, Калерия Ивановна, старые привычки оставь. Довольно нам формализм разводить. Хватит! Хорошо, на собрании тогда вмешался Виктор Егорович да вон Юля еще...

— Заладила все — Юля, Юля! — вскипела Калерия Ивановна. — Ягодка какая скороспелая нашлась!

— Человек, между прочим, слушает тебя, — угрюмо напомнила Нина Семеновна. — Как можно?

— Я и в ее присутствии скажу, чего об ней думаю. Не постесняюсь!

— Скажите, Калерия Ивановна, — попросила Юлька. — Интересно.

Никак не могла Юлька понять, из-за чего, по какой такой причине взъелась на нее Калерия Ивановна, чем и почему обижена? Распоряжения ее Юлька всегда выполняла, в пререкания не вступала, к советам стремилась прислушаться, поскольку заместитель заведующего отделом была работником опытным. И на тебе, как коса на камень наткнулась Калерия Ивановна на Юльку. Может, потому так получается, что держит себя Юлька независимо, может, это не нравится? Но ведь и другие продавцы не слишком-то заискивают перед материально-ответственными лицами. Кроме, пожалуй, Клавы. Скорее, даже наоборот — сами материальщики готовы одалживаться перед продавцами, знают: обидишь несправедливо, возьмут да и разбегутся. Продавцы требуются во всех магазинах, без работы дня не просидят. Откуда же такая неприязнь?

— Интересно тебе? — переспросила Калерия Ивановна. — Тогда слушай. Я так думаю: с человеком пуд соли съешь — и то не всегда угадаешь, кто он такой есть на самом деле. Так что судить тебя не берусь, только кой-чего все-таки скажу.

Волоокие глаза Калерии Ивановны сузились в недобром прищуре, словно собиралась она целиться и стрелять.

— Самый красивый в лесу гриб какой, знаешь? — заговорила она через секунду-другую. — Самый, можно

сказать, активный? Мухомор! Его не просят, а он знает себе в глаза всем лезет — берите меня, рвите, я красивый! А внутри чего? Яд да погань!

— Не в лесу же мы живем, Калерия Ивановна, — сдержанно возразила Юлька, еще надеясь, что та не станет продолжать разговор в подобном духе и обернет, наконец, свои сравнения в шутку.

— Меж людей такое тоже случается: красив с лица, а внутри гнильца. Вот ведь как!

Дикость этих обвинений оглушила Юльку. Стремительным рывком бросилась в голову кровь, словно качнули ее туда мощным насосом.

— У вас нет повода, чтобы так говорить обо мне, — сдавленным обидой голосом произнесла Юлька. — Нет ни причины, ни повода!

Насос продолжал в ней работать, только теперь он действовал в обратном направлении, вытягивая жизнь из самых мельчайших жилок щек и лба, не оставляя в них ни кровинки.

— Стыдись, Калерия Ивановна, стыдись! — с силой выдохнула Лобанкова. — Хочешь знать, что внутри у этой девочки есть? Этого хочешь?

Нина Семеновна, перегнувшись через стол, попыталась втиснуть в руку Калерии Юлькино обязательство.

— Вот! Вот!

— Чего ты мне в нос-то тычешь? Что это?

— Обязательство ее социалистическое! Обязательство Юли Роговой. Читай! Как раз и будешь знать, что у нее внутри. Читай! — переходя на крик, приказала Лобанкова.

— Тю-у-у!.. Было бы зачем глаза ломать! Бумага — она все стерпит. Или, может, скажешь, исповедь ее тут записана? Душу она тебе свою в обязательстве выворачивает, так, что ли? Да опамятуйся ты, Нина! Когда да где это видано, чтобы люди душу свою таким способом отворяли?

Нина Семеновна неожиданно и как-то сразу успокоилась. Юлькино обязательство она положила на стол и несколько раз бережно разгладила ладонью. Могло показаться, что хотела она его приласкать.

— Ты, Калерия Ивановна, о душе помянула, а те-

перь я скажу. Есть в этом обязательстве душа. Есть! Тут о человеке все можно прочитать: и к чему он стремится, и что ему дорого, и как он свою жизнь представляет. Так что никакого пуда соли не требуется. Только не умеешь ты читать. Или не хочешь почему-то.

— Институты мы, конечно, не кончали,— с достоинством сказала Калерия Ивановна,— а восемь классиков все же за нами. Кое-что в грамматике мекаем, буковки от «а» до «я» все знаем.

— Так ведь в душе человеческой по буковкам не особенно чего и прочитаешь. Иная для того нужна грамота!

Калерия Ивановна рассмеялась. Немного, быть может, деланно. Однако из этого короткого ее смеха нетрудно было заключить, что продолжать спор она не собирается.

— С чего это мы с тобой сегодня, Нин,— душа да душа? К чему? Идеализм-то этот к чему? Ох, плохая примета! Не перевели бы наш магазин в дежурные, чтоб по воскресеньям вкалывать. Или еще чего бы похуже не случилось. Ну, ладно, пойду. Ты, Нин, обязательства мое и Манино верни. Перепишем.

В обеденный перерыв Юлька убежала в скверик, который был расположен невдалеке от магазина, и там втихомолку наплакалась. Кругом шумел город, было жарко, и одновременно порывами налетал ветер. Налетал как-то странно — с разных сторон. В Москве такое бывает: ворвавшись в лабиринт московских дворов и улиц и покрутившись среди них в поисках выхода, ветер начинает дуть сам себе навстречу.

Возвращаясь назад и проходя мимо витрин, она все же не преминула на них взглянуть краешком глаза. Красиво. Хорошо! Магазин менялся. Он менялся снаружи и внутри.

Глава одиннадцатая

Несмотря на категорическое предложение Калерии Ивановны поставить Юльку за весы, Антонина Сергеевна сделать это не спешила.

— Пообвыкнуть тебе надо получше,— сказала ей наставница.— Действует на тебя пока еще публика.

— Научись ощущать полное сценическое одиночество,— посоветовала Лиза, черпая из своего запаса театральных терминов.

— Не сбивай! — оборвала Антонина Сергеевна Лизу и разъяснила Юльке свою мысль: — Покупателя лучше всего не замечать.

— Как не замечать? — не взяла в толк Юлька этого пояснения.

— Не самого не замечать, а нервности его вечной, спешки. Не поддаваться всему этому. Вникаешь? Иначе работать не сможешь. Заторопишься, станешь ошибаться в цене, в весе. А ошибаться при весах нельзя. При них продавец, как тот минер на фронте: раз ошибся и...

— Что?

— В клочья! — страшным шепотом подсказала Лиза.— В пыли!

— В клочья не в клочья, а неприятности огребешь большие. Установят обвес, обсчет, а потом иди-ка докажи, что ты не верблюд!

— Да у меня нервы в порядке,— попыталась Юлька успокоить Антонину Сергеевну.

— А недавно плакала в обеденный перерыв чего? Тоже от крепких нервов?

«Все знают,— подумала Юлька.— Откуда?...» Но если знают, что плакала, значит, знают и почему. От ответа Юлька воздержалась, промолчала.

Вскоре случилось так, что Антонина Сергеевна заболела. Заболела не вовремя. В магазине, кстати, все болеют не вовремя, особенно продавцы, которых не хватает.

Лиза и Клава старались вовсю, но очереди не рассасывались. Мария Степановна и Калерия время от времени сами вставали за весы, но долго задерживаться за прилавком не могли: то им товар надо было принять с прибывших автомашин, то выдать продукты продавцам, то приходилось обхаживать санитарного инспектора или вести бесконечные споры с представителем ведомственной сторожевой охраны о прочности решеток на окнах подсобных помещений отдела. Эта гонка с пре-

пятствиями вывела, наконец, Марию Степановну из себя.

— Вот еще незадача! Покупателей ведь теряем, леший их подери!

— Юлю за весы надо ставить,— подсказала выход Калерия Ивановна.— Давно собирались. Теорию знает назубок, я проверяла. Теперь пусть докажет практикой.

— Без Антонины Сергеевны? — выразила сомнение заведующая секцией.— Проследить-то толком некому будет.

— Не болела бы Тоня, не возникал бы и вопрос,— заметила Калерия Ивановна.

Разговор происходил в подсобном помещении отдела в присутствии Юльки, куда она пришла получить у материальщиков болгарскую брынзу, которая за прилавком кончилась.

— Совладаешь? — спросила ее Мария Степановна.— С весами-то?

— Думаю, да,— ответила Юлька.

— Ох и нагорит нам, что ученицу поставили без присмотра, что разрешили торговать в отсутствие наставницы. Ну, да рискнем. Риск — дело благородное.

Мария Степановна приказала Юльке надеть свежую белую куртку, хотя та куртка, что была на ней, испачкаться не успела. Получила Юлька и другое распоряжение — покрасивее причесаться. Но больше никаких замечаний Мария Степановна не сделала, всем, как видно, осталась довольна.

За весы ей следовало встать на другой день с самого утра.

Юлька не разделяла опасений Антонины Сергеевны и Марии Степановны в связи с началом ее самостоятельной работы. Обязанности, которые ей предстояло выполнять, не казались чрезмерно сложными. Она все время внимательно присматривалась к тому, как действуют, стоя у весов, Лиза и Антонина Сергеевна, и была уверена — теперь сможет.

Однако первые дни, оказавшись лицом к лицу с покупателями, она поминутно путалась и сбивалась, упуская простейшие вещи, хотя хорошо их знала и неустанно твердила про себя последовательность необходимых

действий. Руки не слушались, словно были чужие, все они делали не так и не то.

«Процесс продажи товаров,— Юлька дословно вспоминала определение, вычитанное в учебнике,— это совокупность операций, выполняемых работником магазина в момент обслуживания покупателей». Когда она впервые его прочла, определение посмешило ее своей наукообразной напыщенностью. Следуя по пути, проторенному учебником, в науку можно было превратить все на свете, если подходить к самому обычному в жизни с позиций лукавого мудрствования. Вот, пожалуйста: «Процесс подметания пола — это совокупность операций, выполняемых с помощью веника в момент осуществления уборки квартиры». Звучит?

Правда, сейчас Юльке было не до смеха. Потому что ни сама формулировка, ни следовавшие за ней разъяснения о том, из каких элементов состоит «процесс продажи товаров», не заменяли четкости и сноровки в работе.

Элементов же, из которых состоит процесс продажи при так называемых традиционных методах обслуживания, имеется — так говорилось в учебнике — три. И каждый из трех становился пнем-колодой на Юлькиной дороге к овладению высотами мастерства.

Итак, элемент первый: «Прием заказа от покупателя одновременно с получением кассового чека».

...Крючконосая высокая женщина в небрежно повязанной косынке протягивает через прилавок чек привычным суетливым движением. Юлька его берет, а если придерживаться терминологии учебника — принимает. На чеке общая сумма будущей покупки — 2 руб. 70 коп., выбит чек в молочный отдел кассой № 2 магазина № 16, дата сегодняшняя, значит, все верно. Юлька цепляет чек на наколку и ее острым концом неожиданно укалывает палец. По давнишней детской привычке палец хочется засунуть в рот и пососать, но, мобилизовав терпение и волю, она удерживается от этого испытанного временем способа самолечения. «Прием заказа от покупателя одновременно с получением кассового чека», — твердит про себя Юлька.

— Слушаю вас? — с вопросительной интонацией в голосе говорит она крючконосой и дарит улыбку, хотя

более всего ей хочется всхлипнуть, поскольку палец здорово болит.

«Смейся, паяц!» — проносится в голове.

Покупательница палит скороговоркой, выплескивая длинную пулеметную очередь слов, да так, будто при устной речи можно вовсе не помнить, что на свете существуют знаки препинания:

— Двести граммов российского порезать сто пятьдесят голландского масла сливочного триста шоколадного двести пятьдесят маргарина... — И дальше с той же скорострельностью.

«Порезать двести российского или сто пятьдесят голландского? — силится сообразить Юлька. — Триста сливочного или шоколадного? Проклятье!»

— Вы заснули, девушка?

— Нет, — отвечает спокойно Юлька, — я бодрствую. — И выдает крючконосой еще одну улыбку.

— А вот грубить — грубить! — не надо.

Думая, отвечая и улыбаясь, Юлька в то же время подсчитывает на маленьких счетах стоимость названных покупательницей товаров. С чеком ее сумма не сходится уже третий раз...

Элемент второй: «Подготовка товара к отпуску (взвешивание, нарезка, а также упаковка)».

...К прилавку колобком подкатывает маленький человечек с умильным выражением на пухлом личике.

— А ну, кормилица-дочка, взвесь-ка нам сырочка, — бойко рифмует он свой заказ и продолжает в духе дедараешника из старинного балагана: — А еще молочка пакет, вот и выйдет обед. Съел — сыт. Живот не болит!

— Сыра вам какого? — улыбаясь, спрашивает Юлька.

— Такого-сякого, удалого степного.

— Нарезать?

— Цельный кусочек на один жевочек.

Юлька, продолжая улыбаться, теперь уже не по инструкции, а потому что смешно, думает о людях из породы чудаков, с одним из которых ее свела сегодня судьба. В памяти всплывает вычитанная где-то мысль о том, что чудачки украшают мир. Да, конечно, вот такие, как этот колобок!

Кусочек сыра она отрезала по всем правилам — корка не более чем с трех сторон! — и кладет его на весы. Какая досада! В кусочке всего сто шестьдесят пять граммов, а нужно двести. Придется положить довесок. К сожалению, отдельных кусочков степного сыра на прилавке не оказывается, Юлька берется за брусок. Она прикидывает, какой величины должен быть довесок, и режет. Снова оплошность — нож идет вкривь, кусок получается слишком маленьким да таким уродливым, что на него самой Юльке больно смотреть. Но вот довесок положен на весы. Сколько теперь? Почти сто девяносто... Гм... Надо еще граммов двенадцать... Режет... Сколько?.. Сто девяносто пять. Значит, еще...

— Ты что, обалдела?! — кричит неприятнейшим, пронзительным, как милицкий свисток, голосом колобок. Рифмами он больше не балуется. Он переходит на прозу: — Может, еще рубанком будешь строгать? Больше двух довесков не положено, права свои знаем! И чтоб вес их не превышал десяти процентов общей массы покупки. Знаем права, не обманешь! Сама свою лапшу ешь!

Благообразные пухлые щеки трясутся от злости. Чек колобок требует назад и грозит жалобной книгой.

Более всего Юльке хочется запустить в него всеми этими довесками вместе с кусочком, а еще лучше — увесистым бруском «степного удалого», но желание, разумеется, остается нереализованным, как и отрезанный ею сыр. Покупатель всегда прав. Он действительно прав! Юлька покорно возвращает пышущему негодованием колобку его чек и думает о том, что не всякий чудак может служить украшением мира...

Элемент третий: «Вручение товара покупателю».

Из всех элементов, составляющих процесс продажи, этот, пожалуй, самый простой. Заказ вместе с чеком принят, товар взвешен и упакован, остается положить его перед посетителем.

...Девчушка Юлькиного возраста просит дать ей бутылку молока, баночку сметаны, взвесить двести граммов любительского масла и килограмм творога. Девчушка, надо думать, вечером куда-то идет: в театр, в гости или на танцы. Тому подтверждение — замыс-

ловатая прическа, которая, судя по свежему слою лака, только что изготовлена в ближайшей парикмахерской.

Продукты Юлькой подобраны и упакованы. Масло, сметана и молоко выложены на прилавок. Девушка их берет и прячет в сумку. Последним идет творог, его следует отдать прямо в руки покупательнице, избегая излишних перевалок, чтобы не рассыпать. Творог не фасованный, весовой, он уложен Юлькой в кулек, а по-научному — в конусный пакет, который она сама свернула. Существует несколько способов заделки пакетов, и все их Юлька отлично знает: сборная упаковка, упаковка «конфетой», «воздушная» упаковка и еще, и еще. Однако для весового творога более всего подходит конусный пакет, если, конечно, в магазине отсутствуют килограммовые, склеенные фабричным методом. А они отсутствуют, и Юлька протягивает девушке кулек, а по-научному — конусный пакет, плотно набитый сыроватым творогом.

— Спаси... — приветливо начинает девушка, но не успевает закончить.

Кулек разъезжается у Юльки в руке по всей своей высоте сверху донизу. То ли намок он от творога, то ли запах был слишком мал и разошелся под давлением содержимого.

Но так ли важна причина, когда она успела уже породить столь печальное следствие?

Белыми тяжелыми хлопьями творог засыпает прилавок, падает девушке на плечи и каким-то таинственным образом оказывается в прическе. Там он прочно застревает в художественных изгибах, рожденных фантазией парикмахера.

— Я не нарочно, — неуклюже пытается повиниться Юлька, будто наивное, дошкольного уровня оправдание может чему-то помочь и что-то исправить...

Эти и подобные им казусы доводят Юльку до отчаяния, ей уже кажется, что она никогда не сумеет овладеть ремеслом, что родилась и навсегда останется безрукой уродиной, не приспособленной к самостоятельной жизни.

Но проходит всего несколько дней, и положение начинает меняться. Как-то сама собой постепенно возника-

ет уверенность в движениях, обостряется внимание, вырабатывается автоматизм. Юлька ловит себя на том, что процесс продажи товаров она перестала мысленно делить согласно учебнику на три элемента и по отдельности о них больше не вспоминает. Как химические элементы, вступив в реакцию между собой, образуют совершенно новое вещество с новыми свойствами, так и Юлькины элементы, взаимодействуя, рожают иное качество работы. И реакция возникает явно экзотермическая — с выделением тепла. С Юлькиной стороны, естественно. Но оказывается, к теплу покупатели относятся с повышенной чувствительностью и весьма к нему восприимчивы. А еще обнаруживается, что им, не избалованным вниманием, совсем немного надо и что это небольшое вызывает у них признательность, далеко не равнозначную затраченным усилиям.

В часы «пик» очередь к Юльке бывает чуть больше, чем к другим продавцам. Работает она все-таки медленнее Клавы и тем более Лизы. Но теперь Юлька не беспокоится — со временем скорость придет. Зато она замечает, что у нее появились свои покупатели, которые предпочитают потерять несколько минут, но, как говорят в магазине, «отовариться» обязательно у Юльки. Жертва почти немислимая!

Старушка, например, у которой сиамяские кошки, направляется только к Юльке, и ни к кому больше. Это потому, что Юлька всегда внимательно выслушивает рассказы старушки о ее любимцах и сама не забывает поинтересоваться их жизнью-бытием.

У прилавка покупателей нередко грызут сомнения — брать или не брать? А чаще — то брать или это? Скажем, голландского сыра купить двести граммов или предпочесть ему российский? Цена и того и другого сыра одинаковая. Но называются-то они по-разному, значит, имеется между ними различие? А какое? Покупатель не знает. Вот и соображает, как бы ему не попасть впросак, не прогадать. Наконец, ища выход, спрашивает:

— Посвежее какой сырок будет?

Можно ответить ему так:

— Сыры одного завоза.— И добавить нетерпели-

во: — Очередь ведь, народ ждет! Долго гадать-то будете?

Клава обычно отвечает в подобном духе. И Юлька, когда еще не стояла за весами, очень жалела всех нерешительных покупателей, получивших стандартный Клавин ответ. Она живо представляла себе, что должно происходить в душе у такого бедняги. Во-первых, перед людьми, перед всей очередью он громогласно изобличен в полном продуктивном невежестве. Обидно? Конечно! Во-вторых, всенародно представлен мелким скаредой, пенкоснимателем, готовым за свои шестьдесят копеек удавиться.

Быть может, покупатель и не испытывает всей этой гаммы мучительных чувств и они лишь плод Юлькиной фантазии. Возможно, он вообще не ощущает никакой обиды.

Нерешительных покупателей Юлька опекает особенно тщательно, проявляя терпение и такт. Она научилась в десяти буквально словах объяснять основные свойства товара. Когда же и в этом случае посетитель продолжает колебаться, она советует взять понемногу того и другого, попробовать и оценить. Смешно, но почти никто из покупателей самостоятельно не может додуматься до столь простого и естественного способа разрешить собственные внутренние противоречия.

И еще важно — к данному выводу Юлька приходит тоже по собственному разумению — не стараться воспитывать покупателей. Не навязывать им своих представлений о жизни. Юлька не знает, как в других городах, а в Москве манера эта сильно распространена: все друг друга чему-нибудь учат.

Вот ходит каждый день в магазин покупательница — тихая, вечно заискивающая перед всеми женщина, со стертым, невыразительным лицом. Не лицо, а фотография на паспорт. Почему-то на паспортных фотографиях у всех людей одно выражение, вернее, его вообще нет. Покупательница эта, к какому бы отделу она ни пошла, назвав продукты, которые собирается купить, обязательно затем добавит:

— Мне для больного!

В магазине откровенно над ней посмеиваются. На-

смешки она замечает, но не может понять причин и каждый раз испуганно осматривает себя, ищет небрежность в туалете. Лиза как-то не выдержала и резанула со всей прямоотой:

— Что это у вас в семье целый год болеют да болеют? И медицина бессильна?

Женщина словно заметалась в какой-то лишь ею самой ощущаемой тесной клетке. Кому приятно быть уличенной во лжи, даже если ложь невинна, как эта?

После Лизиного демарша женщина не приходила в магазин несколько дней, потом снова появилась. Юлька к тому времени уже начала работать самостоятельно. Покупательница подошла к ней, подала чек. Дальше сработала привычка.

— Девушка, мне для боль...— И осеклась, бросив затравленный взгляд на Юльку.

— Для больного,— уточнила Юлька серьезно.— Я понимаю. Вы удачно пришли, нам только что завезли творог, очень хороший. Взгляните!

Она показала на лоток, стоявший в прилавочной витрине. Творог в нем и правда выглядел аппетитно: белые мощные комья с едва заметным розовато-золотистым отливом, от них прямо-таки веяло первозданной свежестью.

— Может, полкило взять? — стала вслух соображать покупательница.— На двести граммов побольше?

— Конечно,— мягко сказала Юлька,— советую. Доплатить в кассу вы можете без очереди, а я пока все готовлю.

Скоро женщина вернулась со вторым чеком. Впервые лицо ее не годилось для казенной фотографии — женщина улыбалась.

Надо сказать, что и у Юльки после ее ухода возникло приподнятое настроение. А ведь прав папин сосед по палате, маленький и хрупкий Александр Иванович. Хорошо он тогда говорил, немного по-газетному, но все равно хорошо. Говорил, что в магазине человек ощущает итог своих усилий очень быстро, сразу, и итог этот — благодарность людей. Радостное все-таки чувство вызывает человеческая признательность, честное слово!

Глава двенадцатая

Этого дня Юлька ждала почти целый месяц: сегодня приезжает Олег!

Но, как часто случается, бочка меда не обошлась без капли дегтя: Юльке приходится стоять за прилавком, идет ее неделя. Ежедневные смены продавцов до сих пор не введены, материальщики тянут, ссылаясь на болезнь Антонины Сергеевны, ждут, когда она выйдет на работу. Но Антонина Сергеевна по-прежнему на больничном. Отпрашиваться Юльке тоже как-то неудобно, так что встретиться с Олегом она сможет только вечером. Конечно, катастрофического в этом ничего нет, да и освобождается она раньше, чем остальные. Но хотелось бы побыстрей. Тем более от Олега вчера пришла телеграмма из Курска — он уже почти на самых подступах к Москве. Телеграмма веселая, но за ее смешными строчками Юлька угадывает нетерпение, желание увидиться как можно скорей. Телеграмма, как и всякая телеграмма в мире, напечатана на бланке прописными буквами. Но если соответствующим образом расположить строчки, то получится стишок. Вот такой:

Завтра не смогу ли я
повстречаться с Юлией?
Не видались целый век!
У подъезда в два. Олег.

Почему Олег решил, что она сегодня не работает? Перепутал расписание смен? Придет к ее дому, будет стоять, ждать, а она не появится. Нехорошо! Можно, конечно, позвонить ему часов в двенадцать. К этому времени Олег уже должен быть в Москве, если собрался ее встретить «у подъезда в два». Так и надо сделать!

Долгожданный, торжественный этот день начался как обычно.

В магазин Юлька пришла в половине восьмого, чтобы до открытия успеть подготовить рабочее место. Тут ведь тоже целая наука со своей терминологией, своими тонкостями. Разместить товары следует так, чтобы избежать во время работы лишних, нерациональных движений, не метаться в легкой панике из стороны в сторо-

ну, не ползать туда-сюда в поисках нужных продуктов. Юлька должна еще успеть проверить, не нарушена ли «композиция» в витринной части прилавка. Словечко «композиция» в магазине сделалось модным с легкой руки художников-декораторов. Прежде говорили просто — выкладка, крутили розочки на брусках масла, и тем дело кончалось. Художники долго объясняли и показывали, какие способы укладки товаров в прилавочных витринах существуют, как необходимо сочетать их размеры, форму, цвет, вид упаковки, чтобы все вместе создавало эту самую композицию.

Без десяти восемь Мария Степановна тоже, как всегда, вышла в торговый зал, чтобы убедиться, на всех ли товарах имеются ценники, а также выверить весы, поставить их «на нули», если стрелки сбились.

Сейчас Алексей Андреевич распахнет входные двери и торжественно провозгласит: «Магазин открыт! Проходите, граждане, мы вас ждем!» И толпящиеся у входа граждане поспешно устремятся за покупками, чтобы затем набить ими эмалированные утробы своих отощавших за прошедшие сутки холодильников.

— Третий раз спрашиваю: вологодское есть?

Увы, вологодского нет, но Юлька сейчас сожалеет об этом никак не меньше, чем нетерпеливая покупательница. Ей, Юльке, как никогда, хочется, чтобы всем вокруг было хорошо, а неприятности — большие и малые — оставили бы людей, не отягощали их хоть единственный день, и чтобы днем этим был, разумеется, день сегодняшней.

В звяканье молочных бутылок, урчании касс, глухом гомоне торгового зала — во всех этих ставших уже привычными звуках нынешним утром бьются для Юльки особые ритмы и слышится даже некая музыка. Она звучит у Юльки внутри, внося в ее движения стремительность и необыкновенную легкость, придавая невесомость телу и тем нарушая скучные в своей незыблемости законы всемирного тяготения. Двигутся по циферблату часовая и минутная стрелки, движутся вдоль прилавка покупатели, дрожа, скользит от деления к делению стрелка весов: ноль, двести, снова ноль и затем двести пятьдесят, опять ноль и опять двести...

В двенадцать Юлька извинилась перед очередью и побежала в подсобку к телефону. Марии Степановны не было, стояла тут одна Калерия и пристально рассматривала сквозь высоко посаженное окно мглистое московское небо.

— Ты это чего? — спросила она Юльку. — Чего веселая?

— По телефону можно позвонить?

— Ежели коротко. — Калерия Ивановна продолжала пытливо в Юльку всматриваться. — У тебя день рождения, что ль?

— Просто день, никакой не рождения. — Юлька набрала номер Олега, знала она его на память. Зуммер длинно и нудно проныл и три раза, и семь, и восемь, но к аппарату никто не подошел. Трубку пришлось положить. — Я в декабре родилась.

— Еще до-о-олго, — протянула Калерия Ивановна, и это ее «до-о-олго» прозвучало почти как «никогда». — Ты аккуратней будь с весами-то, внимательней. Нас с Маней чтоб ненароком под монастырь не подвести.

— Не бойтесь.

— Бойся не бойся, а к ответу в первую голову матерьяльщиков притянут. — Она усмехнулась: — Пожалей нас, не угробь, будь добра!

«Вас угробишь!» — подумала Юлька без всякого, кстати, раздражения, продолжая прислушиваться к музыке, которая в ней не смолкла, но в которую вплетались теперь тревожные ноты.

До обеденного перерыва Юлька трижды бегала к телефону, но все безуспешно — аппарат молчал. Происходило что-то непонятное. По всем расчетам Олег и его родители должны давно быть в Москве.

Что же случилось? Испортился телефон? Выехали из Курска позднее, чем собирались? Дорога забита транспортом и двигаться приходится черепашьям шагом?

Юлька перебирала причину за причиной, нанизывая их, как бусинки на нитку, — сначала покрупней, потом помельче.

В час дня в магазине грянул звонок и кассирши сче- тами закрыли изнутри окошечки своих касс. Обед!

Оставив за прилавком куртку и берет, Юлька выскочила на улицу к телефону-автомату. Здесь она может набирать номер Олега столько, сколько захочет, не то что в магазине. Она и набирала его бесконечное число раз, непрерывно вращая диск с какой-то тупой обреченностью. Снова и снова Юлька повторяла про себя семь цифр телефонного номера, как семь магических символов, составлявших для нее сейчас нечто вроде волшебного пароля.

Однако пароль не действовал, время катилось к двум, и бесполезность ее упражнений с телефонным диском была очевидной. Но все-таки Юлька не отступала, а продолжала свои занятия до конца обеденного перерыва. Она уже давно перестала на что-то надеяться, но так было легче — беспокойство переливалось в ряд простых механических движений.

Ровно в два она была за прилавком, подтвердила немудреную Лизину догадку о том, что весь обеденный перерыв пробегала по универмагу, и, наконец, полностью сосредоточилась на выполнении своих прямых обязанностей, четко и недвусмысленно сформулированных в «Правилах работы магазина», которые изучила вдоль и поперек.

Музыка в ней больше не звучала.

Это случилось в три, а быть может, чуть раньше или чуть позже. Молодой человек вполне стандартного вида в стандартном же сером костюме подал чеки и назвал продукты, которые желал бы получить: триста граммов сливочного масла, столько же шоколадного, три веса разных сортов сыра — угличского, российского, степного, без нарезки, кусочками, и еще пакет молока. «Что-то много сыров», — подумала Юлька и мельком взглянула на покупателя. Стоял он в позе безучастной и даже скучающей, терпеливо ждал. «Странно», — мелькнула у Юльки мысль, хотя ничего странного в покупателе не было, а владевшее им состояние духа вовсе не редкость для нормального человека, простоявшего некоторое время в очереди. Тут ведь так: либо пчелиное раздражение, либо сонливая оцепенелость осенней мухи. И все-таки ей на секунду почудилось, что он как бы демонстрировал эту свою скукоту и предъявлял отчуж-

денность, словно была она его удостоверением личности.

Выкладывая готовые свертки на верхнее стекло прилавка, она снова посмотрела на покупателя. И надо же такому случиться! Именно в этот момент, когда Юлька подняла глаза на индифферентного ко всему обладателя серого костюма, входная дверь открылась и в магазин вошел Олег.

Войдя, Олег остановился там же у двери, взглядом сразу отыскал Юльку, улыбнулся широко-широко и вскинул чуть согнутую в локте руку на манер древнеримских гладиаторов: «О, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!»

Юлька тоже смотрела на Олега и тоже улыбалась освобожденно и радостно.

Был Олег в пузырярившихся на коленях затрепанных джинсах, в повидавших южные виды кроссовках и в белой трикотажной майке с изображенными на ней физиономиями битлов в полном их комплекте. «Значит, домой не заезжал,— думала Юлька, рассматривая наряд Олега.— Значит, прямо сюда».

По-прежнему оставаясь у входной двери, Олег все смотрел и смотрел на Юльку, и взгляд этот, казалось, был плотным, почти материальным, он ощущался как нежное и счастливое прикосновение, в котором заключалось множество самого разного и хорошего: и торжество долгожданной встречи, и радость предстоящих им беспрерывных, бесконечных встреч, и еще одна радость — радость миновавшей разлуки, счастье возвратившегося в свою гавань корабля...

Слова, сказанные серым костюмом в тоне жестком и непререкаемом, не сразу достигли Юлькиного сознания. Но все-таки они туда пробились, эти слова, поразив ее своей нелепостью.

— Контрольная закупка!

Она сразу вспомнила симпатичного шофера далеких рейсов, заново услышала звон разбившейся банки, в памяти всплыл испуганно-затравленный Клавин взгляд.

— Шутка такая? — добродушно спросила Юлька и осеклась.

Она в ту же секунду сообразила, что дядя в сером очень далек от желания затевать какие бы то ни было мистификации.

Если Юлька и испугалась, услышав и осознав слова «Контрольная закупка!», то очень не надолго. Да и бояться-то было в сущности нечего. Делала она все правильно, взвешивала покупки, соблюдая нужную меру аккуратности, так что ошибки практически исключались. Чего же тогда бояться? Зато стесненность, чувство неловкости перед покупателями и, конечно же, перед Олегом охватили ее липким тропическим жаром.

А тем временем перед ней и уже без всякого ее участия развивалось четко отлаженное действо, вызванное словами «Контрольная закупка!».

Напарник серого костюма пригласил в торговый зал Марию Степановну. Вид у заведующей отделом был встревоженный. Затем, уже в присутствии Марии Степановны, все покупки, оставшиеся на прилавке, куда положила их Юлька, перенесли к контрольным весам. Кроме пакета молока, конечно.

— А на этих-то весах почему нельзя? — спросила Мария Степановна, имея в виду Юлькины весы.

Но ей никто не ответил.

Серый костюм попросил Юльку выйти из-за прилавка и подойти к контрольным весам. Быстрыми, привычными движениями он проверил весы и положил на противовес сложенную вдвое бумажку.

Посмотреть, как будет проходить проверка, подошло несколько покупателей и покупательниц.

Юльку разбирала страшная злость на всех этих типов, с надеждой ожидавших ее позора. Хорошо, Олег остался на своем месте. Есть приличные люди на свете, встречаются!

Пожалуй, это были последние более или менее четко сформулированные Юлькины мысли. Дальше в ее сознании, которое и сознанием-то было бы неправильно теперь называть, запрыгали в зловещем танце предметы и лица, цифры и голоса. Все это вихрем вращалось, переплеталось и сталкивалось в ее голове, разрывая, ломая виски нечеловеческой болью.

Дело в том, что сливочного масла при контрольном

взвешивании оказалось двести девяносто два грамма, шоколадного — двести девяносто три. Во всех трех кусках сыра веса тоже не хватало: в угличском и российском по восемь граммов, в степном — девять.

Серый костюм собрал покупки и направился к Юлькиным весам. За ним двинулся его помощник, за помощником Мария Степановна, за Марией Степановной — Юлька, с трудом передвигая ноги, словно налившиеся вдруг свинцом. Однако невероятная эта тяжесть почему-то не прибавляла устойчивости телу, и Юлька, идя к прилавку, едва не теряла равновесие.

Число любопытствующих заметно умножилось. Впрочем, она их не замечала, не слышала их горячего шепота.

Ее мучитель продолжал манипулировать свертками. Он стал снова их класть на весы, теперь уже на Юлькины, класть все пять по очереди, один за другим. Результаты нового завеса вызвали у присутствующих глухой ропот недоумения, который усиливался по мере того, как на весах оказывался каждый последующий сверток. При взвешивании трех из пяти свертков стрелка показала абсолютно правильный вес, в двух — незначительную ошибку, которая при контрольных закупках обычно не принимается во внимание: шоколадного масла оказалось на один грамм больше, степного же сыра было меньше тоже на один грамм.

Ропот быстро стих, все затаив дыхание ждали разгадки феномена, коему стали свидетелями.

Серый костюм выждал эффектную паузу и ловко снял чашку весов. На ее обратной стороне белел, плотно к ней прилипший, небольшой кусочек ветчинного жира. Сам кусочек, конечно, прилипнуть не мог, а был прилеплен рукой человеческой — сомнения на этот счет исключались. Не возникало сомнений и по другому поводу — по поводу целей, с которыми жир прицепили к весам. Какие уж тут сомнения!

Коротко вскрикнула Мария Степановна, хрипло, не своим голосом, зашептала Лиза, кто-то из покупателей нагло засмеялся, кто-то сказал с удовольствием: «Ну, вору!» — радуясь, видимо, свежему достоверному факту, подтверждавшему это его давнее убеждение. На все

лады посыпались ахи и охи, и возникла даже некоторая толкотня среди любознательных, желавших во что бы то ни стало поглядеть на криминальный кусочек ветчины, а также на продавщицу — виновницу увлекательного происшествия.

У Юльки пересохло во рту, в груди странно захолонуло. Она беспомощно оглянулась вокруг, ища справедливости и поддержки, но толком не сознавая, чего и за чем ждет. «Олег! — пронеслось в голове. — Олег здесь. Он поймет, не осудит, он заставит замолчать этих людей, он крикнет одно лишь слово — и все разом поверят, что Юлька ни в чем не виновата, просто не может быть виновата ни в чем! Услышав Олега, они по-доброму и радостно ей улыбнутся, очень по-доброму — все, даже серый костюм!»

Сквозь пелену нездорового сизого дурмана, застилавшего глаза, надвигалось расплывчатым пятном лицо Олега. Одно маленькое усилие — и теплым освежающим ливнем хлынет успокоение и мигом смоем отвратительную липучую слизь, в которую погружается она все глубже и глубже.

Она бы и сделала такое усилие и сосредоточила свой взгляд на его лице, если бы не обожгла, не опалила ее новая неожиданная догадка, вернее, предположение — простое и предельно убедительное в этой своей почти святой простоте. «А если Олег с н и м и? Он смотрел, он все видел сам. Почему же он должен верить ей, а не тому, что в эти минуты перед ним развернулось? Разве человек способен не поверить собственным глазам? Разве может?...»

Обхватив пальцами горло, боясь и стесняясь выпустить рвущиеся из него рыдания, давя их, сколько хватало сил, Юлька бросилась в подсобку. Она резко метнулась от стоящей там Калерии, от протянутой тою руки, выбежала в темный угловатый коридорчик. Здесь она больно ударилась обо что-то бедром, и боль ей показала приятной. Подумала: «Будет синяк!» — но тут же оскорбилась ничтожностью своей мысли. Затем, остановившись во втором или третьем колене коридорчика, Юлька прислонилась спиной к стене — холодной и скользкой. Ноги сделались ватными, больше ее не дер-

жали. Она медленно сползла по стене и сидела, тихо забившись в угол.

Как долго она здесь просидела, Юлька потом вспомнить не могла.

Нашла ее Мария Степановна и, как маленькую, за руку отвела в кабинет директора.

Все-таки времени, наверное, прошло порядочно. Заключить об этом было нетрудно по той сравнительно мирной обстановке, которая царила в кабинете: первое потрясение прошло, к невероятности происшедшего начали привыкать, оно становилось частицей реальной жизни магазина, пусть неприятной, даже из ряда вон выходящей, но уже существующей.

Все молчали. Виктор Егорович курил, сидя на своем обычном месте за письменным столом. Что-то писал серый костюм, плотно навалившись грудью на тот же стол, но с противоположной его стороны. Помощник костюма с повышенным интересом разглядывал свои ногти на правой руке и, кажется, не собирался прерывать своего занятия ни при каких обстоятельствах. Вошедшие сюда Мария Степановна и Юлька тоже некоторое время постояли молча, затем заведующая отделом кивнула Юльке на стул — садись.

Сели.

— Юля, Юля... — без выражения протянул директор и снова умолк.

— Это не я, — сказала Юлька, не обращаясь конкретно ни к кому из присутствующих.

— Моя хата с краю, ничего не знаю, — в тон ей добавил подручный серого костюма, тоже, между прочим, ни к кому не обращаясь.

— Нет, — возразила Юлька. — Моя хата не с краю, но это не я.

— Я не я, и лошадь не моя. — Юлькин оппонент, кажется, твердо решил разговаривать только пословицами. Получалось очень иронично.

— Лошадь как раз ее. — Виктор Егорович болезненно поморщился, как видно, от обилия народного юмора, но неожиданно и сам уснастил свою речь аллегорией: — Лошадь-то ее, а кто извозчик?

Серый костюм оторвался от писанины и откинулся

на спинку стула. Он обвел всех строгим, не замутненным сомнениями взглядом.

— Какая еще лошадь?

— Мы про весы,— разъяснил помощник. В данный момент он изучал ноготь большого пальца левой руки.

— А-а...

Сказав «А-а», серый костюм продолжил свои писания, с силой нажимая на шариковый карандаш. Под листочком бумаги, на котором он писал, лежала копирка, под копиркой снова листок, потом снова копирка — и так раз пять. Вся пачка была сколота сверху двумя скрепками. «Составляют акт,— сообразила Юлька,— про меня. Неужели про меня? — тут же ужаснулась она.— Но я же...» Ей снова стало нехорошо: голову забил ядовитый туман, начало сильно поташнивать.

— Это не я,— снова повторила Юлька как-то уж очень неубедительно и скучно. На ее слова никто не обратил внимания, и пауза длилась бесконечно.

— Интересное получается кино,— вступил подручный.— Или это мы с Кирилл Прохорычем прилепили ветчинку? — Вопрос был обращен к Юльке, ногтями помощник заниматься перестал.

— Нет, не вы,— ответила Юлька.

— Ну, а если не ты и не мы, то кто? Данными весами ты одна пользовалась, другие продавцы не подходили.

— Это верно,— сказала до того молчавшая Мария Степановна.— Больше на них товар никто не взвешивал.— Она горестно вздохнула.— Рано мы Рогову к весам допустили. Ошибка в нашей работе.

Серый костюм повернул к Марии Степановне лицо. Не лицо, а прямо-таки указующий перст какой-то.

— Не допустили рано, а спохватились поздно,— сказал Кирилл Прохорович. Он перевел взгляд на директора, закудившего только что новую сигарету, и рассматривал его молча несколько секунд.— Ты чего приказ не пишешь, директор?

— Успеется,— сказал Виктор Егорович.— Сперва разобраться надо.

— Разобраться? — удивился Кирилл Прохорович.— В чем разбираться? Ну ты и либерал, ей-богу. В магазине у него злостный обвес, а он знай себе поку-

ривает. Или маленький, не знаешь, что делать? Слушай тогда: принципиальную оценку всему сразу надо давать, немедленно, а не раскуривать тут одну за другой.

— Курить вредно, верно,— сказал директор и загасил сигарету.— Но вы же еще письменных объяснений у Роговой не отобрали. Да и увольнять человека без решения месткома нельзя.

— Она не продавец, а ученица у тебя, так что никакого месткома не нужно. Отчислишь, и все, дальше уж наше дело.

Юлька зарыдала в голос. Остальные прекратили разговоры, смотрели и слушали, как она в три ручья ревет.

— Москва слезам не верит,— насмотревшись, видимо, и наслушавшись, сказал помощник.— Ты бы созналась лучше. Признание — это важное, смягчающее вину обстоятельство. Поняла?

— Давно пора,— поддержал его Кирилл Прохорович.— Сколько тебе? Небось и восемнадцати нет? Вся жизнь, можно сказать, впереди. Дело ли со лжи ее начинать, с запирательства? Не дело! Учись за свои поступки отвечать, вот что я тебе скажу.

— В чем?.. В чем мне признаться?! — Юльку трясло. Слезы, вымочив платок, не впитывались им больше, а размазывались по щекам, стекали за ворот и на куртку.— Да, это я! Я! Я!

— Так-то лучше,— удовлетворенно заметил Кирилл Прохорович.

Тут Юлька вскочила со стула и первый раз в своей жизни стала кричать, одновременно и пугаясь своего крика, и злорадствуя по поводу его отчаянной громкости, и, кажется, немного надеясь, что ее крик повредит-таки кое-кому барабанные перепонки.

— Да, я! Я! — кричала Юлька.— Это я застрелила президента Кеннеди! И Мартина Лютера Кинга тоже я! И землетрясение в Средней Азии — мое дело! А грипп? Когда зимой была эпидемия, помните? Это я всех заразила, всю Москву! Я!

Она рухнула на стул и вдруг отчетливо и как-то очень спокойно подумала, что все нелепости, выкрикнутые ею, все же для нее самой менее нелепы, чем то, в чем ее хотят обвинить. Но ведь это только в собственном ее

представлении подозрение в обвесе является чушью, ересью, ахинеей и околесицей, бредом сивой кобылы.

А для тех, кто ведет сейчас допрос с пристрастием? Все они уверены в ее вине. В большей или меньшей степени, но уверены. Как же им доказать? Как доказать, что не могла она это сделать? Как убедить, что если бы она такое совершила, то была бы не Юлей Роговой, но кем-то совсем другим или другой, с иными мыслями, интересами, даже непохожей внешностью, с другим папой и другими друзьями. Как же им доказать, что не могла она это сделать, что она — не могла?!

— М-да... — протянул Виктор Егорович, когда общая оторопелость, вызванная Юлькиными криками, прошла и все попривыкли к установившейся в кабинете тишине. — М-да... Жалко президента Кеннеди, хороший был человек. Его в шестьдесят третьем, что ли, убили? Тебе сколько тогда было? — спросил он Юльку, но та не ответила. — Годика три... Здорово ты его!..

За президента Кеннеди Кирилл Прохорович на директора обозлился:

— Шуткуешь, директор? Мы тут не в бирюльки играем, нам рассусоливать некогда!

— Теперь всем некогда, — философски заметил Виктор Егорович. — А ты пиши, пиши, в центре разберут!

— Вот это ты в точку, — усмехнулся Кирилл Прохорович. — Там разберут, а за нами дело не станет, завершим сей же час.

Но завершил он свои писания не сей же час, а проводился с актом довольно долго. Потом составил еще один — на изъятие кусочка жира для передачи последнего в лабораторию. Кусочек был торжественно водворен в полиэтиленовый пакет, пакет затянут шпагатом и опломбирован. Затем Кирилл Прохорович потребовал, чтобы Мария Степановна и Юлька подписали акты и чтобы директор подписал тоже. Сделать это никто из них не отказался, что составителю актов и его помощнику явно понравилось. Далее заведующей отделом и Юльке было официально предложено написать объяснения. Юлька с этим справилась быстро, а Мария Степановна порядочно помучилась. В общем, все заняло массу времени, и рабочий день в магазине уже кончился.

Когда документы были, наконец, оформлены, Кирилл Прохорович встал, расправил плечи, похрустел суставами пальцев.

— Так как с приказом, директор?

— Обождем.

— Ждать да догонять — хуже нет, — сказал наставительно Кирилл Прохорович. — Леша, соедини-ка меня с директором торго.

Помощник взглянул на часы, а потом — вопросительно — на своего начальника.

— Звони домой, звони. Злее будет!

О происшествии он доложил по-военному сурово и четко, заметив в конце, что директор по непонятным причинам не хочет дать принципиальной оценки случившемуся и даже отказывается отстранить виновницу от работы. Трубка, как видно, немедленно потребовала к себе директора — Кирилл Прохорович, сказав: «Будет исполнено», оторвал ее от уха и подержал в вытянутой руке, пока не взял директор.

Воспользовавшись этой небольшой паузой, Юлька спросила:

— Мне можно идти?

Она не хотела, просто не в силах была услышать, как ее директор тоже скажет: «Будет исполнено!» или что-нибудь в таком роде. Но другого сказать он, конечно, не мог.

Юлька тихо вышла из кабинета. «Навсегда!» — подумала она. Стало тоскливо и больно.

Глава тринадцатая

Осторожно прикрыв дверь и оказавшись все в том же плохо освещенном зигзагообразном коридорчике, она впервые за эти последние часы вспомнила об Олеге. Где он? Ушел? Возможно. Почему возможно? Именно так, ушел. Он все видел. Встречались всего ничего, познакомились случайно, как говорится, на улице. Откуда же взяться слепому доверию? Тем более, он будущий юрист и понимает толк в преступлениях. Или Олег остался и ждет ее перед магазином? Ну да, как же! Может, еще

и кораблик рисует? Только какой кораблик? Каторжную галеру?

«Надо пройти двором,— решила Юлька.— На всякий случай, чтобы не встретиться». И усмехнулась про себя обреченно. Зачем же двором? Олега давно нет, и встреча исключается. Стоит ли себя обманывать? А если быть честной, предельно честной перед собой, то не выходить на улицу и пройти двором она хочет по совершенно другой причине: не потому, что боится встретить Олега, а потому, что боится не встретить его, страшится узнать, что он ушел, ее не дождавшись. Но все равно, будь он даже там, перед магазином, подходить к нему она бы не стала.

Магазин продолжал жить, хоть покупателей в нем уже не было. За стенкой раздались голоса и смех — в гастрономии, вероятно, убирали скоропортящиеся товары в холодильные камеры. «Неужели кто-то может смеяться?» — удивилась Юлька. Неподалеку взвыл и мелко замолотил компрессор. В торговом зале звякнуло о кафель ведро, и еле слышный этот звук тоже долетел до Юльки — уборщица тетя Шура начинала протирать полы. Магазин продолжал жить без Юльки, и то, что она была еще здесь, в счет теперь идти не могло. С беспросветным унынием она думала о том, что Майя и девочки скоро начнут носить продукты пенсионерам на дом, но уже без нее, без Юльки, и нелегкая эта обязанность представлялась ей сейчас как удовольствие, которого она долго ждала и вдруг навсегда лишилась. И ежедневные смены продавцов установят вот-вот, но и это ее не коснется и не порадует.

Юлька понуро направилась к выходу, когда дорогу ей преградил Саша-гусар из мясного отдела. Преградил так же, как в прошлый раз и почти на том же самом месте. «Сегодня легко не отделается,— с мгновенно вспыхнувшей яростью подумала она.— Исхлестаю по щекам так...»

Выглядела Юлька, должно быть, впечатляюще. Саша сделал попытку отступить, но она все-таки достала рукой до его мерзейшей физиономии, вложив в удар всю свою силу, изрядно приумноженную огорчениями и невзгодами сегодняшнего дня. Пощечина грохнула, как

пушечный выстрел. Сашина голова мотнулась в сторону, правым виском он стукнулся об стенку и сразу схватился за щеку.

— Ой-ой,— произнес Саша вроде бы даже с некоторой уважительностью.

— Еще? — поинтересовалась Юлька.

— Я не за этим.

— Конечно, не за этим,— согласилась Юлька,— а за другим. Только ничего другого не будет.

— Да нет, Юль!

Саша отпустил свою щеку. Тусклый свет, рассеянный в коридоре, не мог скрыть отпечатка ее пятерни, и Юлька пожалела незадачливого гусара. Не так, чтоб уж очень, но пожалела.

— Поговорить, Юль, надо.

— О любви и дружбе?

— Ладно тебе! — Он поскреб ушибленный о стенку висок.— Поговорить, понимаешь.

— Иди вперед,— скомандовала она, желая подчеркнуть этим свое к нему недоверие и наличие непрощенной обиды за памятный ей наскок.

Саша покорно двинулся по коридорчику. Пройдя несколько шагов, обернулся.

— Ты, Юль, извини, что тогда так вышло...

— Само вышло? — спросила Юлька.— Само собой?

Разговор проистекал на ходу, и Саша крутил головой то влево, то вправо, чтобы Юлька его лучше слышала. Производить впечатление он сейчас не старался.

— Чего ты на ноздри встаешь? — возмутился Саша.— Подумаешь...

— Ах, подумаешь? — Юлька остановилась.— Вот и подумай!

— Ну, не об этом я, не так выразился, ну, извини! Не знал я тебя. Не знал, кто ты такая есть...

— Сегодня узнал? — со злобой спросила Юлька.— Понял сегодня, да? Теперь все можно?!

— Что можно? Обалдела?

— Все! Слышал, как покупатель сказал? Ворье! Чего со мной стесняться? Я же за деньги... за деньги...— Она снова задохнулась от гнева, обиды, от боли, от непроглядно-черной несправедливости.

— Врежу-ка я тебе,— сказал Саша незлобиво, но решительно.

— Не надо,— попросила Юлька.

Они стояли в коридорчике лицом к лицу, и Юлька, к своему удивлению, обнаружила, что Сашина физиономия может и не выглядеть мерзейшей. Те же усики и баки, а легкомысленный повеса, самоуверенный нахал куда-то исчез.

— Идем из магазина,— спокойно, даже приветливо сказала Юлька.— Ты поговорить о чем-то хотел.

Они вышли во двор, но к арке, ведущей на улицу, Юлька не пошла, а стала пересекать двор по диагонали. Прошли через выгороженный в центре его чухлый садик, миновали три или четыре не к месту поставленных металлических гаража и оказались в зеленом, не погородскому тихом переулке.

Здесь Юлька вздохнула свободней — встречи с Олегом она избежала. Если, конечно, он ее ждал.

— С весами этими,— Саша почему-то заговорил шепотом.— Подставили тебя, понимаешь? Не ты кусок жира клеила под чашку, ясно же, как божий день!

— Ты уверен?

— А ты?

Юлька передернула плечами: мол, какое имеет значение, уверена она или не уверена? Саша жест ее понял по-своему, он снял пиджак и накинул ей на плечи. Накинул вовремя — вечер оказался прохладным. Или ее все еще продолжала колотить дрожь?

— Калерии штуки,— убежденно сказал Саша.— Точно тебе говорю! Жуткая баба.

— Калерии Ивановны?! — Юлька отрицательно помотала головой. Энергично помотала, убежденно.— Зачем ей меня, ну...

— Подставлять,— подсказал Саша.— Значит, надо, раз на такое решилась. Только не сама она это сделала. Рука тут не ее, чужая.

— Да ты что, Саша, рехнулся? Придумал целый заговор. Температура у тебя, да?

— Тридцать шесть и шесть,— сказал Саша.— А у тебя сколько? Абсолютный нуль! Заморозилась и не соображаешь ничего. Наив ты бело-розовый!

— Никогда не поверю! — отрезала Юлька. — Ты обо всех людях так плохо думаешь?

— О тебе же вот не думаю, — обиделся Саша.

Действительно, о ней он так не думал и сказал об этом еще раньше, но Юлька почему-то его слов сразу не оценила. Наверное, из-за недавней неприязни. А оценить следовало бы.

— Неужели Калерия? — Юльке сделалось жутковато. — Чем я ей помешала? Я и не продавец даже, а всего-навсего ученица.

— Не всего и не навсего, — изрек Саша. — Ученица-то ты ученица, да в магазине с твоим приходом все крутиться стало, с головы переворачиваться на ноги.

Юлька засмеялась. Слышать Сашино утверждение о роли ее личности в истории магазина было приятно, хоть правды в нем она не находила нисколько. Вот Виктор Егорович — другое дело, с него все и началось. Да еще Майя...

— Теперь комплиментам в армии учат? Специальный курс?

Они шли по незнакомому, густо засаженному деревьями переулку, и не московская его тишина казалась Юльке недоброй.

— Ты не торопись, — начал Саша после непродолжительного молчания, — улавливай, какая тут всплыла накипь, когда в магазине все бурлить стало. Поддержали передовой почин, потом круто принялись за соревнование, и поехало. Но это Калерия могла еще терпеть, прямо под дых это ее не било. Зверела, конечно, помаленьку, потому как нутром чуяла — приходит ее царствованию конец.

— Великое же у нее царство — молочный отдел!

— Может, и не великое, да зажиточное. Общество потребления!

— Но ведь она не заведующая, а заместитель. Над ней Мария Степановна есть.

— Над ней, под ней — значения не имеет. Обе материальщицы, так что фактически на равных правах. Да и потом, у Марии Степановны двигатель свой отсутствует, ей буксир требуется. Без него станет болтаться, как тот цветочек в проруби.

Юлька взглянула на Сашу: интересно излагает.

— Щека болит?

— Чувствуется.— Он потрогал щеку.— Полегче-то тебе от этого хоть стало?

— Немножко... Ты прости.

— Не за что. Плюнули и забыли!

— Плюнули,— сказала Юлька.

Переулок кончился, но на магистраль они не вышли, а повернули, не сговариваясь, обратно. Под Сашиным пиджаком было тепло, озноба она не чувствовала.

— Может, Калерия так бы и продолжала пыхтеть да строить мелкие пакости, если бы Майя, да ты, да Лиза не придумали катавасию эту со сменами. Понимаешь, от ежедневных смен продавцов до бригадной материальной ответственности отдела — шаг один.

— Чем же это плохо?

— Для Калерии?.. Хуже погибели!

И Саша поведал Юльке о том, как Калерия Ивановна, используя систему внутреннего подотчета продавцов и благодаря своему положению полной хозяйки кладовых, присваивает всю экономию естественной убыли, и убыль эта выходит для нее прибылью.

Юлька не все поняла в Сашиных объяснениях — не таким это оказалось простым делом. Однако, не уловив отдельных тонкостей, главное она уразумела: Калерия может «снимать», по выражению Саши, экономию убыли, пока не существует в отделе бригадной материальной ответственности, ибо в последнем случае контроль за товарами, находящимися в подсобных помещениях и кладовых, переходит ко всей бригаде.

— Детектив какой-то,— сказала Юлька.— Ужас! — Ее передернуло, как от прикосновения к чему-то омерзительному.— Но ведь...

— Не боится она, что узнают,— перебил Саша, угадав Юлькин вопрос.— Кто узнает? Как?.. А пойдی докажи!.. Да и не сама Калерия подлепила этот жир. Она, думаю, и за прилавком ни разу не появлялась за день. Или заходила?

— В обеденный перерыв меня не было.

— Не заходила,— сказал Саша так, словно целый день не отрывал глаз от прилавка молочного отдела и

видел, кто туда заходил, а кто нет.— Другая тут рука. Клавина.

— Ну, уж знаешь...

— Знаю! — Сашу, видимо, здорово раздражала Юлькина голубая вера в наличие у каждого человека обязательного ассортимента добродетелей.— Клаву вообще никто не заподозрит. Ее подослать — самое милое дело!

— Но ведь это только твое предположение,— не сдавалась Юлька.

— Гипотеза,— подтвердил Саша,— научно обоснованная. Можешь не сомневаться.

Они надолго замолчали, продолжая ходить все по тому же безлюдному переулку, такому тихому, что казалось, будто вся еще сохранившаяся в Москве тишина переместилась сюда. «Что делать?.. Что делать?.. Что делать?..» — в такт собственным шагам думала Юлька. Нет, пожалуй, она и не думала, а просто механически повторяла этот вопрос, надеясь, что ответ на него придет сам собой откуда-то извне, как некое осенение, придет без ее участия, без мучительных размышлений и поисков, на которые она сейчас была не способна. Что делать?..

— Юль, сходи к Клаве, поговори. Застать противника врасплох — лучшая тактика.

— Да ты что?! — перепугалась Юлька.— У меня и адреса нет...— Она почувствовала себя какой-то внутренне согбенной под тяжестью действия, которое он от нее требовал, которое взваливал на нее столь бесцеремонно.— И сил нет, Саша...— Это вырвалось само и прозвучало, как «Пожалей!».

Но он, как видно, придерживался того мнения, что жалости тут недостаточно:

— Сил нет, законно. А адрес есть. Пошли!

Клава жила поблизости от магазина. Жила в пятиэтажном бетонном доме постройки конца пятидесятых годов, который выглядел теперь старым и неопрятным: ступеньки, ведущие к подъезду, выщерблены, стекла в дверях заменены наспех окрашенной фанерой, на лестнице окурки и острый кошачий запах.

Назвав номер квартиры, Саша подтолкнул Юльку ладонью в спину:

— Иди!

— А надо? Зачем?

Сейчас, когда они пришли, спрашивать об этом было глупо, но Юлька хваталась за соломинку.

— Опять двадцать пять! — буркнул Саша и отчеканил с армейской определенностью: — Пойдешь потолкуешь, ясно?

Звонка у Клавиной двери не оказалось. Она постучала. С минуту к дверям никто не подходил, и Юлька было обрадовалась неожиданному везению: никого нет дома, можно исчезнуть. Но тут замок щелкнул, и дверь открылась. На пороге стояла девочка лет двенадцати в слишком коротком для нее коричневом платье. Беленькая такая девочка, с угловатой фигурой, голенастая и очень сосредоточенная. Светлые бровки ее хмурились, и Юлька почему-то подумала, что от посетителей этой квартиры девочка уже давно не ждет ни доброго, ни хорошего.

— Вам кого? — спросила девочка, продолжая сдвигать бровки и сохраняя между ними морщинку.

— Мне Клаву, — сказала Юлька и поправилась: — Клавдию Ивановну.

— Мам, к тебе! — крикнула девочка уже на ходу. Она ушла в кухню и плотно закрыла за собой дверь.

Квартира у Клавы была однокомнатной, так что думать над выбором пути Юльке не пришлось. Хозяйку она обнаружила сидящей на тахте, вернее, это был матрас с подбитыми к нему ножками, покрытый чем-то неопределенным. Здесь же сидела вторая Клавина дочка — девочка лет трех, не больше, тоже беленькая. Перед ней расположились куклы, несколько штук. Куклы были старые, давно заигранные. Да и в обстановке самой комнаты — скудной и разноперой — тоже чего-то не хватало: не хватало каких-то вещей важных и обязательных.

Девочка остановила на Юльке взгляд больших серых глаз и зашевелила губами, будто решала про себя трудную жизненную задачу. Наконец, видимо решив ее, сказала уверенно:

— Тетя.

Клава стянула девочку с дивана.

— Иди к Маруське! — И легким шлепком подтолкнула дочку.

На Юльку Клава не смотрела, взяла одну из кукол и теребила в руках.

— Зачем пришла?

Еще несколько минут назад Юлька и сама спрашивала себя об этом, но ни тогда, ни сейчас ответа не находила. Впрочем, ответ, конечно, существовал: пришла, чтобы заставить Клаву признаться. Но как? Как это сделать?.. А вдруг Клава тут ни при чем? Что, если не она подстроила эту штуку с весами?

— Клава, — сказала Юлька, едва шевельнув губами, и удивилась, что та ее услышала. — Скажи, Клава, того шофера — помнишь? — ты его обве... ну, в общем, вес был неправильный?

— Какого еще шофера?

Клава, часто моргая, смотрела на Юльку, ничего как будто не понимала. Да и сама Юлька не понимала, почему задала этот вопрос, кстати, не слишком деликатный. И что он мог прояснить? Правда, проклятый вопрос мучил ее с первого дня и, не будучи решенным, заставлял сторониться Клавы, породил отчужденность, глухую, как кирпичный забор. Только сейчас-то зачем было спрашивать о шофере? Чтобы не говорить о своем, о главном?

Юлька, как и Клава, сидела на тахте и тоже теребила в руках одну из кукол.

— Это который сказал, что контрольную берет? — вспомнила, наконец, Клава и хихикнула в кулачок. — Не-е, ничего не было. Я такими делами не балуюсь. — Помолчав, она пояснила: — Двое детков у меня — шутишь? Зинка и Маруська... Одна с имя морочусь. Муж-то был, да весь вышел.

— Все-таки странно...

— Чего это?

— Ну, хорошо, ладно, банку со сметаной сам шофер мог уронить, — великодушно предположила Юлька. Одновременно она думала с тоской о том, что от основной, касающейся ее темы уходит все дальше и дальше. — А масло? Ты же бросила его в лоток, чтобы не взвесили!

— И сметану я скovyрнула, — спокойно призналась

Клава,— испуг меня настиг... Как тот шофер рывкнул, что контрольную будет брать, меня шибануло, точно паром каким... «Господи,— думаю,— святые угодники, а ну, что не так?...» Я, видишь, мыслями своими отвлеклась, когда товар ему взвешивала, и не помню, так или не так. Третью смену тогда отстаивала, а девчонки гоняли беспризорные... «Господи,— думаю,— ведь засодют! Куда Зинка с Маруськой денутся? Куда?!» Страшным он мне почудился, шофер-то, пронзительным...

— Но если бы ты даже ошиблась, можно было потом все объяснить, сказать Виктору Егоровичу...— напористо начала Юлька, однако тут же скисла и больше не продолжала, вспомнив кое-что из своего сегодняшнего печального опыта.

— Гы-ы,— сказала Клава,— это кто ж нам, торгашам, поверит?.. Для таких, как мы, правды-то нету. Где она, правда?.. Видала ты ее? Встречала?.. Или, может, тебе кто поверил, что не лепила ты вовсе жир к весам и совсем не виноватая?

— Нет, никто...

Юлька опустила голову, слезы быстро-быстро капали на платъице куклы, которую она держала в руках. Платъе намокало, и Клава отобрала у нее куклу.

— Испортишь,— сварливо сказала Клава. Хотя что уж там было портить: кукла старая, платъице замызганное, в пятнах.

Юлька заплакала громче, и плакала как-то очень беспомощно, именно так, как маленькая девочка, у которой отобрали куклу,— очень похоже. Иначе зачем бы Клаве возвращать Юльке игрушку:

— Держи, не плачь... Не реви, ну...

Юлька покивала Клаве и, как ни странно, действительно затихла. Слезы, правда, продолжали капать, но теперь она держала куклу дальше от себя и платъице не намокало.

После довольно долгого молчания заговорила Клава:

— Хорошая ты, Юль, девка! С образованием, культурная... И такая, знаешь...— Она попыталась найти подходящее слово, но не смогла.— Разглядываю я тебя в магазине, а сама думаю: «Вот бы мои балды такими же

бы выросли, вот-то хорошо было!.. Чтоб самостоятельные, чтоб не боялись никого... Как ты!»

За все время пребывания в магазине Юлька не слышала от Клавы и десятой доли слов, которые были тою сейчас произнесены. Поразительно! Оказывается, и сердце у человека есть, и любовь в этом сердце — горячая и чистая, и мечты... А она, Юлька, сторонилась Клавы, не подпускала к себе и сама старалась не подходить близко. Грызет та молча свою корочку в обеденный перерыв, ну и пусть грызет, а Юльке до нее нет никакого дела! Это же моральная тупость какая-то, бессердечие, свинское равнодушие — не замечать рядом с собой живого и, наверное же, хорошего человека! В миленькую историю едва не впутал ее, Юльку, Саша-гусар. Разве можно было подозревать Клаву?! Даже думать об этом неприятно и больно! Да-да, думать об этом сейчас просто стыдно!

И Юльке захотелось — захотелось ужасно! — чтобы Клава поверила, что не она, не Юлька, произвела махинацию с весами. Ах, как ей нужно, чтобы еще хоть один человек, хоть одна душа, кроме Саши, не сомневалась в ее полной невинности, непричастности к тому темному делу. И особенно здорово, просто замечательно будет, если этим человеком окажется Клава, которую Юлька так долго игнорировала, безвинно обижала, закрывшись от нее на семь замков недоверия.

— Клава, это не я к весам прилепила жир, — пересохшими от волнения губами прошептала Юлька. — Веришь мне, Клава?

— Знамо, не ты. — Клава неприятно, с хрипотцой хохотнула. — Уж и кому бы об том понимать.

— Но кто?! — Юлька резко, всем телом придвинулась к Клаве, судорожно и сильно схватила за руку. — И за что? Клава, за что?!

Клава высвободила руку.

— Отцепись. Вон как ногти вдавила.

— Кто? Скажи! Прошу тебя, скажи!

— Кто да кто, за что да за что... Разница тебе какая?

— Как же ты не понимаешь!

Из-за закрытой двери кухни послышался громкий визг и затем плач младшей девочки. Клава поспешила

туда. Отсутствовала она несколько минут — водворяла порядок. До Юльки доносился ее визгливо-хриплый голос, но слов разобрать она не могла, да и не старалась. Девочка, наконец, затихла, и Клава вернулась в комнату. Минуты эти показались Юльке бесконечно длинными.

Сев снова на тахту, Клава поводила рукой по покрывалу, искоса взглянула на Юльку.

— Хорошая ты, говорю, девка, подлинная... Чего тебе в нашей конторе делать? Ты благородная, чистенькая... В министерство бы шла, в комитет какой, где люди со всякого боку проверенные, ни пылинки в себе не несут. А у нас тут так склизко, что и замараться недолго хучь кому...

Клава умолкла. Юлька не прерывала ее молчания, ждала.

— Эхи-хе,— тоненько пропела Клава.— Хи-хе... Юлька ждала.

— Такие вот дела,— сказала Клава.— Вот, значит, оно как...

Юлька продолжала ждать.

— В общем...— Клава вдруг резко над диваном махнула рукой, и Зиночкины куклы полетели на пол.— К весам твоим жир я подлепила. Скумекала?

Под дробный этот кукольный стук Юлька стремительно вскочила. Но ощущение-то как раз было обратное: казалось, она падает куда-то вниз вместе с комнатой, Клавой, вместе с куклами, застывшими на полу в неестественных, мертвых позах.

Клава потянула ее за руку, и Юлька почти упала на тахту.

Ей хотелось что-то сказать, спросить, но рот спаял холод, язык словно прирос, приморозился к нёбу. Она заледенела, чувствовала себя глыбой льда, которая уже никогда не растает.

Клава в это время говорила каким-то кипящим шепотом, и был это скорее не шепот, а крик:

— Калерия приказала, она!.. Бельмо ты ей в глазу, чирий ты ей, прыщ. Лютует Калерия на тебя, ох, лютует!.. Под зад, шипит, ученицу надо, пускай себе знает, что почем да чего отчего, пускай себе покружится в валь-

се жизни... Я б разве смогла такое?.. А от Калерии куда подашься?.. Лепи, говорит, Клава, и чтоб ни звука, не то стребую с тебя деньги разом... Деньги она мне прошлым годиком доверила, взаем дала. Две сотни целых... Марусеньке санаторий врачи прописали, возила. И Зинку с собой брала... Муж — тот в бегах, алиментов не платит, розыском его всесоюзным ищут аж два года как. Замаскировался, золотушный!

— Мне-то как быть, мне? — с трудом ворочая языком, выговорила Юлька. — Позор какой... Стыдно же, Клава... Я не смогу так... с этим...

— А тебе чего? Чего тебе? — опять едва слышно закричала Клава. — Ты же ж маленькая! Чего тебе сделать могут? А ничего! С магазина выставят, ну и плевать. Сдался тебе он, магазин этот. Ты лучше найдешь работу, вон умная какая!.. Чего молчишь?

Но Юлька не знала, о чем еще можно было говорить с Клавой, да и не могла она ни о чем говорить. Встав с тахты, Юлька направилась к двери, думая и боясь лишь одного: замок незнакомый и, если она не сможет его открыть, придется позвать Клаву, а это непереносимо.

Только Клава в комнате не осталась. Она быстро пошла вслед за Юлькой, обогнала ее и, прижавшись спиной к двери, преградила дорогу.

— Стучать пошла, да? Доносить? — Клава сорвалась на хрип. В глазах дрожала злоба. — Не выйдет! Мы ученые. Нету у тебя свидетелей, одни мы тут были. Ни словечка из меня не вырвут, ни крошечки!.. Не говорила я тебе ничего и ничего про твои весы не знаю! Сама обвешивала, сама и отвечай!.. Или, может, прикажешь ребенков бросить да за тебя идти тачку катать?.. Да я за них...

Клава рывком распахнула дверь, грубо толкнула Юльку.

— Вали отсюдова, чистенькая!

Юлька не помнила, как очутилась на улице.

Глава четырнадцатая

Всю ночь Юлька пролежала на диване не раздеваясь, даже не сбросив с ног туфель. Она старалась убедить себя, что ее нет, просто не существует, что она исчезла, испарилась, выветрилась.

Как быть? Как, как ей быть? Рассказать о том, в чем призналась Клава? Пойти в магазин и рассказать? Или оставить все по-старому, молчать, не говорить ничего никому, покорно нести свой крест?

Юлька в сотый, в тысячный раз начинала тасовать доводы, мусолить их по одному. Сказать — не сказать, сказать — не сказать... Похоже, при любом раскладе в проигрыше оставалась она.

Что значит не сказать? Значит, опозорить себя в глазах окружающих, принять вину и получить клеймо, ни смыть которое, ни забыть, что оно существует, не удастся.

А что значит сказать? Подвести Клаву, возможно, отправить на скамью подсудимых, которая Юльке, скорее всего, не грозит. Пусть Клава за свою подлость заслужила самое строгое, суровое наказание, как и эта гадкая великанша Калерия. Ну, а Клавины девочки? Они-то чем виноваты? Что будет с ними?

Ладно, хорошо, предположим, она расскажет все-все о своем разговоре с Клавой. Но поверят ли ей? Кто ей поверит? Клава станет все отрицать, а свидетелей действительно нету. Чем она сможет доказать Клавину вину, вину Калерии? Она лишь усугубит свое положение: будут думать, что выкручивается, юлит, оговаривает других, чтобы спасти свою шкуру.

Да, кажется, Калерия может торжествовать полную победу. Но ведь она не ограничится тем, что устранила Юльку, — сделать это было проще всего. Новые порядки в магазине не по нутру Калерии. И она что-нибудь придумает, обязательно придумает, как опозорить и вытряхнуть из магазина Виктора Егоровича, Майю, как замарать всех, кто ей опасен, кто покушается на ее маленькое царство. Вправе ли Юлька допустить такое? Конечно, нет!

Значит, сказать?

Но ведь не поверят, а доказать она не сможет ничего! Значит, не говорить?

Промаявшись до самого утра, вконец измучив себя сомнениями, она так и не смогла выбрать из двух зол меньшее. В девять неожиданно для себя самой Юлька решила поехать в Химки и стала лихорадочно собираться. Ополоснула лицо, причесалась, прогнала больно кольнувшую ее мысль, что магазин работает без нее уже целый час. Завтракать не стала — спешила, будто кто-то ее там ждал.

Уже трижды звонил телефон, и каждый раз Юлька приказывала ему: «Замолчи!» Он неохотно подчинялся.

Юлька любила Химки, Речной вокзал, тенистый парк перед ним, где на главной аллее нагретые солнцем кусты туи источают пряные ароматы юга, по-шаловному кружащие голову. Она любила побродить по парку, выйти к водохранилищу, взглянуть на белые роскошные теплоходы, застывшие у причалов, потолкаться среди отъезжающих — людей счастливых и беззаботных, которых ждут впереди незнакомые города и новые встречи.

Сидя в вагоне метро и сосредоточенно наблюдая за пронесившимися мимо фонарями, Юлька вспомнила свой первый день в магазине: страшный окорок, заставленный ящиками зал, исходящую в крике Клаву... Все-таки не обвешивала она тогда этого симпатичного шофера! Виктор Егорович не ошибся, когда не поверил в обвес. И Юлька зря ее сторонилась. «Я такими делами не балуюсь», — сказала ей вчера Клава. Значит, она может быть честной? Да, может. Пусть хотя бы ради своих девочек... А нечестной?.. Нечестной тоже, кажется, может — вот ведь отказывается же она рассказать всем, как было дело с Юлькиными весами и кто во всем виноват. Значит, Клава может быть и нечестной — и опять-таки ради своих девочек?.. Загадка, перевертыш какой-то... Ну, а если бы она и другие продавцы не сторонились Клавы, знали о ее тяготах, чем-то помогли, посочувствовали хотя бы... Если бы...

Воздух в Химках был другой — без обычной городской жесткости, смягченный близостью большой воды. Впереди растянул свое кораблеобразное тело Речной

вокзал. Над ним словно висела в воздухе большая золотая звезда. Пятиконечная звезда блестела и играла на солнце, пришипленная к небу, как к груди великана-героя. Из динамиков доносилась песня — пела Людмила Зыкина, и ее сильный, широкий голос, заполнявший все пространство вокруг, как-то особенно гармонировал с необозримыми речными далями, в которые уходили отсюда теплоходы, с синими затуманенными просторами, с мудрым безмолвием бесконечных лесов и полей.

Однако, еще не дойдя до вокзала, Юлька круто повернула назад и почти побежала к троллейбусу. Было принято неожиданное решение, которое она тут же и заспешила выполнить.

Юлька поехала в райком комсомола.

Всю дорогу она тщетно пыталась представить себе, понять, что же ей конкретно в райкоме нужно и что она, собственно, хочет. Пожаловаться? Нет! Высказать смертельную обиду, которую, как оказалось, высказать некому? Тоже нет! Просить помощи? Твердое нет! Поведать о художествах Калерии и о Клаве? Такое же нет в квадрате! Тогда зачем?..

Она шла в райком, будто была на это кем-то запрограммирована и отступить от заложенной в нее программы, не пойти не могла.

Райкомовская секретарша Лида сидела за теми же телефонами и новеньким селектором.

— К Роману Ивановичу? — спросила она, приветливо кивнув. — Только ты побыстрей, он уходит скоро.

Лида нажала на клавиш селектора и обратилась к аппарату внушительно, со значением:

— Роман Иваныч! К вам товарищ по очень важному делу.

— Ох, Лида! — как и в прошлый раз, горестно выдохнул Роман Иванович, но тут же смирился: — Давай!

Юлька вошла в кабинет.

Роман Иванович поднял от бумаг скуластое лицо, потрогал заложенную у переносья складку, либо вспоминая что-то, либо продолжая думать о чем-то своем. Посмотрел на Юльку и узнал.

— О-о, Юля Рогова! Здравствуй! С чем пожаловала?

«Действительно, с чем?» — подумала Юлька.

И вдруг поняла, что именно ее привело в райком. Это было как последнее распоряжение или напутствие перед предстоящей сложной операцией, это было как обязательство, которое человек должен выполнить во что бы то ни стало, отвлеченно от собственной его судьбы, независимо от того, что ждет его в дальнейшем. Это было как долг. Но не тот долг — бытовой, приземленный, — о котором говорят, что он красен платежом, а долг, который красен уже тем, что он есть, что существует, — долг совести, души.

— Помните, когда посылали меня работать в магазин, вы просили рассказать потом о профессии продавца? — Юлька очень боялась, что секретарь не вспомнит. — Социологическое исследование еще читали, помните?.. Там говорилось, что о непопулярных профессиях мало знают и получается порочный круг...

Он помнил. Лицо его как-то сразу потеплело.

— Значит, есть о чем рассказать?

— Есть...

— Интересного, полезного в магазине можно много сделать, верно?.. Хорошего?.. Непочатый край, так?

— Очень много, — сказала Юлька. — Очень!

Секретарь вышел из-за стола, подошел к Юльке, взял за плечи, легонько встряхнул, сказал:

— Рад я тебе. Рад, что пришла! Давай так решим: актив у нас собирается, — он назвал число, — выступишь. Это для начала. Заметано?

Юлька утвердительно кивнула.

— Вот и хорошо! — Он озорно усмехнулся. — А в магазин-то не хотела, собиралась сбежать. Или я не прав?

— Да, — сказала Юлька, — правы.

— И ведь ничего — и интересно, и работаешь.

— Нет, — сказала Юлька.

— То есть? — Его озорную улыбку сдуло, как ветром. — Ушла? Уволилась?

— Нет.

— Постой, постой. И не работаешь, и не уволилась — как так?

— Выгнали, — коротко ответила Юлька. — Можно идти?

— Подожди.

Он прошел за свой стол, сел, бессмысленно повертел в руках какие-то бумажки, пробормотал как бы про себя:

— Выгнали, говоришь...

— Выгнали, — угрюмо подтвердила Юлька. И снова спросила: — Я пойду?

Роман Иванович промолчал.

Только сейчас до нее дошло, что попала она в положение неимоверно глупое, если не сказать — дурацкое. Оратор, трибун, глашатай новых порядков в магазине. А его из этого самого магазина вытурили. Ничего себе оратор, ничего себе трибун! Согласилась выступать на активе — ну не шляпа? Что она скажет? «Ребята, приходите работать в торговлю, откуда меня с позором прогнали!» Как она могла вообще пожаловать сюда? Неужели забыла, кто она такая теперь есть? Не забыла, конечно. Разве такое забудешь?! Или она пришла и согласилась выступать, потому что не верит в случившееся, а вернее, не хочет верить? Именно так: упрямо и тупо не хочет верить, вопреки фактам, наперекор рассудку.

У дверей Юлька нерешительно потопталась и обернулась к Роману Ивановичу:

— Не думайте, пожалуйста, что я жаловаться приходила.

— Как же я могу так думать? — Он пожал плечами. — Ты ведь не жаловалась, хоть это и не грех, между прочим.

Юлька мелко потрясла головой, соглашаясь.

Секретарь взглянул на часы.

— Жаль, разговора у нас сегодня с тобой не получится, в горьком опаздываю. Но ты вот что: не вздумай на актив не прийти. Ясно, Юлия Рогова?.. А там и о встрече условимся.

Будто теплая воздушная волна вынесла Юльку из кабинета. Неужели он тоже не хочет верить? А? Не хочет верить, вопреки фактам и наперекор рассудку?..

На столе у Лиды в селекторе щелкнуло.

— Лидуша... — Усилитель селектора подчеркивал интонации, так что в голосе секретаря особенно явствен-

но ощущались тревога и злость. — С директором торго-
меня соедини...

— А горком? — спросила Лида.

— Ничего, опоздаю на пять минут. Обойдется.

Селектор помолчал, словно задумавшись, и произнес
с чувством:

— Черт знает что!..

Всего этого Юлька не слышала. Она уже была за сте-
нами райкома. Тут она быстро поостыла, рассудив, что
секретарь, когда узнает всю правду о ней, верить в свя-
тую непогрешимость Юли Роговой не захочет, такое ему
не положено по должности. А приглашение на актив —
так ведь это его ни к чему не обязывает. Увидит, скажет:
«О-о, Юля Рогова! Пришла? Посиди, послушай. Это тебе
полезно». А о том, что поговорить с ней хотел, просто за-
будет. Юлька прерывисто вздохнула. «Ладно, и на том
спасибо. И на том спасибо, дорогой Роман Иванович!»

Впервые в жизни ей было некуда себя деть.

Мимо шли люди, они спешили и иногда задевали ее,
толкали локтем, плечом или сумкой.

Пора было куда-то пойти. Толкаться между имеющи-
ми свои дела людьми стало невыносимо. Но куда? В ки-
но? В ее теперешнем положении мысль эта показалась
кошунственной. Развлекаться она не имела права. Мо-
жет, домой? Тоже не вариант — сидеть одной в четырех
стенах и выть на люстру, как волк на луну. Опять в Хим-
ки? Глупо!..

Юлька села в троллейбус и проехала несколько оста-
новок к центру. Вышла, постояла, спустилась в прорубь
подземного перехода, очутилась на противоположной
стороне улицы, снова взобралась в троллейбус и проеха-
ла такое же количество остановок в обратном направ-
лении.

Может, к папе в больницу? Его вот-вот выпишут, на-
до бы узнать, когда точно, чтобы принести вещи. Дома
он пробудет день-два, а потом в санаторий. Но с такой
перекошенной физиономией, как у нее сейчас, прихо-
дить к папе не годится. Он сразу поймет, что что-то слу-
чилось, и разволнуется.

А если к Валерии? Только ведь лучшая подруга
начнет расспросы, и придется все рассказать без утайки,

поскольку подруга действительно лучшая. То есть придется снова пережить все пережитое — смертельную обиду, позор, бегство Олега. Нет, невозможно! Уж к Валерии-то ехать никак нельзя, ни в коем случае!..

Юлька поехала к Валерии.

Дверь ей открыл Славка Колесов.

— Юлик, старуха! — обрадованно воскликнул Славка. — Сколько лет, сколько зим, сколько осеней, сколько вёсеней!

— Вёсеней особенно много, — сказала Юлька, уклоняясь от сложенных в трубочку для дружеского поцелуя Славкиных губ.

— Не будь пуристкой, — предупредил Славка и забубнил: — Русский литературный язык гибок. Он гибок и...

— ...и не надо бояться его ломать, — продолжила Юлька. — Он гибок, поэтому гнется и не ломается.

Юлька мысленно себя похвалила. Все-таки она умеет владеть собой и вести светскую беседу, будто ничего не случилось. Умеет, черт возьми, притворяться!

— Умна до шершавости, — несколько непонятно выразился Славка.

— Зато ты глуп до блеска! — Валерия встала, держа правую руку ладонью вперед и растопырив пальцы. Это было похоже на какое-то дикарское приветствие, но таковым не являлось. На правой руке она только что накрасила ногти и опасалась смазать лак. Левую еще предстояло красить. — Юшь, милая! Как ты, что? Звонила тебе раз десять!

— В советской торговле все такие умные? — не унился Славка, с черной завистью глядя на целующихся подруг. — А если вы такие умные, то почему на работу не являетесь? Почему не посещаете?

Юлька вздрогнула и невольно отстранилась от Валерии. «Откуда он узнал? И что знает, неужели все?» Но Валерия снова притянула Юльку и поцеловала еще раз.

— Этот тип был послан предупредить, чтоб ты не занимала вечер.

Ах, как было бы хорошо прийти сюда с Олегом! Познакомить его с Валерией, с этим невыносимым Славкой,

провести чудесный, полный шуток и веселых, занятных разговоров вечер. Какой счастливой, какой удивительно счастливой она могла бы себя чувствовать. Как никогда!

И ведь еще вчера утром это было легко достижимо, было возможно. С тех пор не прошло суток, но за ничтожно малое это время все белое стало черным, а черное сделалось еще черней. За считанные часы перевернулся мир, она сброшена в пустоту, в зловещую бездонную пропасть, где никого нет — ни Олега, ни всех тех, к кому она успела привязаться и, кажется, даже полюбить.

Нервный завод, в котором Юлька находилась с утра и который толкал ее в Химки, в райком, водил туда и сюда по городу, вдруг иссяк. В ней что-то сломалось в один кратчайший миг.

Она, наверное, очень побледнела, и лицо ее, наверное, сморщилось, как печеное яблоко, и даже, наверное, она покачнулась. Иначе зачем бы к ней подскочил испуганный Славка и зачем бы Валерия стала опрокидывать флакончик дорогого французского лака на полировку журнального столика?

Потом она лежала на тахте с двумя диванными подушками под головой, и зубы выбивали звонкую дробь по краю стакана, из которого Славка поил ее водой, а она глупо радовалась, что стакан небьющийся, что не расколется от неумной этой дроби. Потом Валерия долго сидела рядом с ней, нежно гладя ее по лбу и волосам своей узкой прохладной рукой, и было это приятно и вызывало почему-то слезы, тихие ручьи слез. А Славка суетился и нервно мотался по комнате, предлагая различные лечебные средства, в том числе почему-то горчичники.

Все это фиксировалось в Юлькином мозгу разрозненными, но очень яркими картинками, которые сменялись, как слайды в проекторе, перемежаясь ослепительным светом и темнотой. Ей стало казаться, что она живет в сновидении, но не в своем, а в чьем-то чужом, только в чьем именно, она никак не могла сообразить, и это ее мучило. Потом она, наверное, все-таки уснула, но тут же или очень скоро проснулась. И тут Юльку прорвало. Вся вчерашняя история стала выплескиваться из нее, облекаясь в самые горькие на свете слова и фразы.

Когда все как будто более или менее успокоились,

Валерия принялась ласково тормошить Юльку. Просветленные слезами ее прекрасные зеленые глаза источали тепло и уют.

— Не расстраивайся ты, Юшенька, дорогой, милый мой, не надо! Нашла на кого транжирить душу! — Валерия указала на Славку, который был сейчас непривычно по-серьезному задумчив и не играл, по своему обыкновению, во всемирный авторитет. — Вон Слава и раньше говорил, не место тебе в магазине, не надо было туда идти. Пусть себе грызутся, как пауки в банке, из-за своей прибыли-убыли. Такие, как ты, не нужны там — добрые, ранимые. Ну и пусть. Пусть!.. Слав, верно я говорю? Чего молчишь? — Не получив от Славки ответа, Валерия продолжала: — Сказать — не сказать... Да не мучай ты себя всякой ерундой. Не ходи туда больше, и все! Ни за что не ходи! Что они тебе сделают? Да ничего! Ничего ровным счетом!.. Подтверди! — потребовала она от Славки. — Или ты язык проглотил?

Окрик подействовал, и Славка сразу выпал из задумчивости. Он запустил все десять пальцев в свою шевелюру и нещадно там ими заскреб, словно пытался таким способом отыскать единственно верное и мудрое решение, которое поставило бы все на свои места.

— Не чешись! — обозлилась Валерия. — Ну? Говори!

Он заговорил тоном несчастным и извиняющимся.

— Валюша, видишь ли, ты... в общем... Валюш, ты не права!

— То есть как? — искренне и до предела изумилась Валерия. — Я не права? Я?!

Юлька, между прочим, изумилась не меньше. Насколько она могла судить, это был первый случай, чтобы верный Валерии паж, преданный раб, вдруг взбунтовался. Виданное ли дело!

— Слушай, гладиатор... — начала грозно Валерия, но голос ее прервался, зазвучал жалобно и потерянно: — Слав, ты что? Ты серьезно?

Но Славка теперь не выглядел несчастным и, кажется, ни перед кем больше не собирался извиняться.

— Не может Юлик все бросить, не имеет права! Ты пораскинь мозгами, Валюша! Мы с тобой только

через много лет станем что-то делать, что-то там нужное или не нужное — не знаю, а она уже. Уже! И ведь действительно полезное!

— С каких пор ты стал сторонником теории малых дел? — попыталась съязвить Валерия. Проявившаяся вдруг Славкина неуправляемость ее оскорбляла.

— Малых? Дела остаются малыми, когда они творятся горсткой людей. Крошечной горсткой! Но если каждый из нас свое маленькое по масштабам дело старается выполнить добросовестно, с полной ответственностью перед собой, перед другими... Понимаешь?.. Если каждый вкладывает частицу себя самого в свое дело, если не изменяет себе, себя не предает, не завязает в трясине благополучного или ленивого равнодушия... Ты понимаешь, что происходит?.. А происходит вот что: малые дела превращаются в большие и зовутся уже не делами, а свер-ше-ни-я-ми!

Последнюю фразу он произнес с поднятым вверх указательным пальцем, затем вскочил и убежал на кухню. Было слышно, как Славка открыл там кран и пил прямо из-под него, с шумом втягивая струю воды. Вернувшись, он снова заговорил:

— Не только благодаря Юлику, конечно, но и благодаря ей тоже, в магазине все стало меняться... Менялся сам подход к работе — вот что, по-моему, важно!.. И ведь, кажется, ничего сногсшибательного они там не сделали — ни наша старуха, ни ее разлюбезный директор, ни Майя, их секретарь комсомола... Ну, улучшили внешний вид магазина, ну, удобств стало побольше, ну, покупателей за людей начали почитать. Все это прекрасно и нужно, кто ж спорит? Только ведь это одна сторона вопроса, поверхность, так сказать, явлений. А вы взгляните пристальней! И увидите вы, что проблемы, именуемые производственными, имеют тут глубокую нравственную подоплеку...

— Ну, излагает, — поразилась Валерия. — Чистый Цицерон!

Однако насмешки в ее репликах Юлька не уловила, скорее, удивление и растерянность. Еще Юлька подумала, что Славке давно следовало перестать быть шутилой, Валерия сумела бы это оценить. Сам Славка заме-

чание Валерии пропустил мимо ушей и продолжал с напористой убежденностью:

— То новое, что появилось у Юлика в магазине, было новым, точнее, иным с точки зрения морали, выражало другую психологию. Психологию коммуниста-директора и комсомолок Майи и нашей старухи...

— Слава, Слава! — взмолилась Юлька. Ей сделалось неловко от Славкиных высокопарностей.

— Не перебивай! Мы знаем: новое вступает в борьбу со старым и сила борьбы зависит от степени полярности этих двух начал, их непримиримости. Не вина директора, а тем более Юлика или кого-то другого, что не ведали они об истинном смысле борьбы. Они думали, перед ними лишь безразличие, лень, отсутствие инициативы, бескультурье или обыкновенное хамство...

— Ничего мы такого не думали, Слава! — простонала Юлька. — Мы просто хотели...

— Я знаю, чего вы хотели! — отбрил Славка. С философского своего конька он слезать не собирался. — Я анализирую этическую сторону происшедшего. Не интересно — не слушай. Лучше уйди!

Славка разбушевался, и Юлька посчитала за лучшее примолкнуть.

— А что оказалось? Оказалось, что против них выступает не одно безразличие и лень, но само его ничтожество частнособственнический инстинкт. А это уже не какие-то там отдельные отклонения, это миро-воз-зрение! Вот так! Чуждое нам совершенно мировоззрение! И мы видим, само оно не исчезает и не сдается, а защищается не на жизнь, а на смерть!.. Так как же можно сдаваться?! Бежать с поля боя? Дезертировать?!

— Ты все-таки полегче, — попросила Валерия.

— Не буду полегче! — бушевал Славка. — И Юлику не советую! — Он воззрился на Юльку, повернув к ней пылающее лицо. — Ты чего гадаешь, сказать или нет, докажут — не докажут. Твое дело, долг твой — обо всем рассказать, а доказывать другие будут, это их работа. И будь добра, успокойся, не отнимут твою Клаву у детей, не тот случай. Напугала ее великанша ваша до смерти. И тебя заодно. Но это только начало. Она всех подомнет, помани мое слово! Кого-то в испуге будет держать, кого-

то купит, кого-то грязью обмажет, так что сам себя человек перестанет узнавать, как ты, например. Ведь частник, собственник — он ничего святого не знает, кроме собственности своей, кроме наживы, приобретательства, кроме того, чтобы под себя грести!.. Тебя же в школе учили, говорили про все про это, забыла?.. Спешешь в кусты спрятаться, когда частнику морду надо квасить, чтоб знал наших! Чтоб не лез!

— Дон Кихот она, да? Ее бросили все, одна она осталась. Выгнали, бросили, не поверили, что не обвешивала, никто не подумал, не захотел понять, что Юшка скорее умрет, чем кого-нибудь обманет, поступит нечестно! А позору какому предали?! Какому позору! Взяли и исхлестали кнутом на площади! Разве не так?.. И ты еще требуешь, чтобы она... Чтобы Юшка...

Валерия смотрела на Славку с такой отчаянной ненавистью, что Юлька, которой вполне хватало своих переживаний, стала переживать еще и за взбунтовавшегося гладиатора, понимала — ему несдобровать. Однако проникшая было в нее жалость живо улетучилась, когда она еще раз боязливо заглянула в прищуренные, но от того не менее прекрасные глаза подруги. По части ненависти в них был полный порядок, они по-прежнему ее источали в неограниченном количестве.

Это и навело Юльку на одну успокоительную мысль. «Уж не от подобной ли ненависти,— подумала она,— всего один шаг до любви? Не от такой ли?..» Славке данная мысль прийти в голову, конечно, не могла, поскольку была слишком смелой даже для этого безумного храбреца.

Выразительное молчание, установившееся в комнате, прервал телефонный звонок. Валерия резко сорвала трубку и так же резко бросила: «Да!» Но голос ее сразу смягчился, едва она услышала ответ.

— Константин Николаевич!.. Здравствуйте!.. Она здесь... Здесь! Как вы себя чувствуете?

Юлька мгновенно рванулась с тахты и выхватила трубку.

— Папка!.. Ты из автомата? Когда выпишут? Он засмеялся. Смех был довольный.

— Я-то из дома. А вот ты — кошка, гуляющая сама по себе!

— Из дома? — ахнула Юлька. — В пижаме шел?

— Если бы на тебя надеялся, так бы оно и случилось. Слава богу, есть еще Полина Савельевна, святой человек, выручила.

Юлька громко засопела. Так она делала в детстве, стремясь продемонстрировать обиду или недовольство.

Папа немножко послушал и сказал:

— Понимаю.

Он оторвался от трубки и с кем-то заговорил, наверное, с соседкой Полиной Савельевной, которая ездила за ним в больницу. Лишняя пара ключей от квартиры хранилась у нее, вот она и отвезла ему костюм, лишив тем самым Юльку долгожданного удовольствия.

— Пап, ты где?.. Ты слышишь, пап?

— Слышу. — Папа снова заговорил в трубку: — Скажи, секретарь тебе, случаем, не требуется, а, росوماха?

— Какой еще секретарь?

— Обыкновенный. Чтобы записывал звонки и потом докладывал. Как ты одна, без секретаря, справляешься — ума не приложу!

— Дразнишь?

— Нисколько!.. Подожди, возьму листок. Внимай: Виктор Егорович звонил дважды, просил передать: отгул твой сегодня закончен, завтра — без опозданий на работу.

— Куда? — переспросила Юлька. — На работу? — Ладони ее сделались влажными, сердце щемяще ухнуло вниз.

— Ты еще и плохо слышишь?.. Далее. Некая Майя интересовалась, где ты обретаешься. Ответил, не в курсе. Сказала, придет и будет ждать, ты ей очень нужна... Кто эта Майя?

— Пап, все?

— Не все. Какой-то Саша не хотел говорить со мной и требовал к телефону тебя лично. Когда я в третий раз ему разъяснил, что лично ты отсутствуешь, он сказал: «Ну и дура!..» Теперь такой стиль ухаживаний? Ты не находишь его несколько грубоватым?

— Палка, кончай! — Юлька давилась от смеха. — Я бегу!

— Нет, подожди! Звонила Лиза. Будет звонить через каждый час. Уговаривал звонить пореже, хотя бы через два, не согласилась. Еще звонила Лида, но не от себя, а от... — Он умолк, видимо разбирая запись.

— От Романа Ивановича?

— Точно. Приказано готовиться к выступлению... А теперь беги домой и по дороге купи чего-нибудь к чаю. У нас гость — Федор Федорович.

«Пенсионер со второго этажа. — Юлька скисла. — Неужели расскажет папе вчерашнюю историю? Только не сейчас! Ему же нельзя волноваться!» Спросила с трудом:

— И о чем вы разговариваете?

— Федор Федорович, например, развивает мысль о существовании закона приумножения человеческого тепла. Наш гость утверждает, что закон этот действует в нарушение физического закона сохранения энергии, что тепло, раз потраченное, не только сохраняется, но и приумножается во много крат и уже в таком виде возвращается к человеку. Ждем!

Папа повесил трубку.

Юлька совсем забыла, что не одна в комнате, что здесь еще Валерия и Славка. Ей безумно захотелось сию минуту пересказать им свой изумительный, потрясный, нет — потрясающий, конечно, и совершенно необыкновенный разговор, и она порывисто к ним обернулась. Но, обернувшись, обнаружила, что и тот и другая не вполне представляют, есть ли, кроме них, еще кто-нибудь в комнате или никого больше нету. Увы!..

Она бежала домой и думала: «Неужели так быстро все разъяснилось? Калерия разоблачена, истина торжествует. Когда успели? И как?...» И вдруг поняла: нет, не успели, никто не разоблачен, ничто не торжествует. Зато случилось не менее важное, а точнее, ничего не случилось. Просто ей, Юльке, верят. Верят в нее, верят заранее, а не потом. И нет сейчас для нее большего счастья, чем знать об этом!

У подъезда своего дома она задержалась и посмотрела туда, где еще недавно каждое утро ее ждал с напол-

ненными ветром парусами кораблик. Кораблика не было. Но теперь она твердо знала: он снова появится, он будет, он возникнет опять, ее кораблик, и больше уже не исчезнет.

...Кипящее море, безбрежная даль — манящая и таинственная, вечное движение навстречу отступающему горизонту...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	32
Глава четвертая	44
Глава пятая	58
Глава шестая	64
Глава седьмая	76
Глава восьмая	87
Глава девятая	96
Глава десятая	101
Глава одиннадцатая	108
Глава двенадцатая	118
Глава тринадцатая	130
Глава четырнадцатая	143

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для старшего возраста

Лев Соломонович Новогрудский

СПАСИБО ЗА ПОКУПКУ!

Повесть

ИБ № 3608

Ответственный редактор Е. М. Подкопаева

Художественный редактор В. А. Горячева

Технический редактор Л. П. Костинова

Корректоры Л. И. Дмитриук и Е. А. Суксян

Сдано в набор 18.01.81. Подписано к печати 21.05.81. А07026. Формат 84×108¹/₃₂. Вум. типогр. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 9,56. Уч.-изд. л. 8,25. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2944. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцеский вал, 49.

Отпечатано с фотополномерных форм «Целлофот»

Новогрудский Л. С.

Н74 **Спасибо за покупку! : Повесть / Рис. А. Борова. — М.: Дет. лит., 1981. — 158 с., ил.**

В пер.: 40 к.

Повесть о девушке, которая, окончив среднюю школу, пошла работать продавщицей в продовольственный магазин и увлеклась этой работой.

Н $\frac{70803-355}{M101(03)81}$ 267—81

P2

